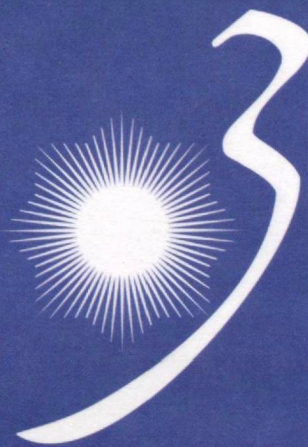

EX ORIENTE LUX

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

АРХИВЫ

4 / 2014

Зульфия
1915 — 1996

РОДИНЕ

Учила ты: в слезах нет прока,
Строга, как с дочерью, со мной,
Но не слыхала и попрека,
Как и от матери родной.

В беде и в счастье я с тобою,
И песнь моя — тебе родня.
Воспламенюсь — зальешь водою,
Угасну — вновь зажжешь меня.

Дивилась всякому я чуду —
Чужой листве, реке чужой,
Но отовсюду, отовсюду
К тебе стремилась всей душой.

О, родина, я, как заклятье,
Твержу один и тот же стих:
Не отвергай моих объятий,
И не лишай меня своих!

Без родины нет на земле
Ни солнца, ни звезды во мгле.

Перевод И. Лиснянской

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Шухрат СИРОЖИДДИНОВ
Абдухаким ФАЗИЛОВ
Раим ФАРХАДИ
Лариса ЮСУПОВА

Главный редактор
Улугбек ХАМДАМ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Саъдулло КУРОНОВ

Редактор
Елена ЮРЧЕНКО

Республика Узбекистан
Ташкент

Саид АХМАД

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Рассказ

В этот весенний вечер, глядя на поблескивающие в электрическом свете лепестки абрикоса, Озода задумалась о своей жизни, о своем прошлом. Она впервые так здраво оценила свой поступок. Грустно вздохнула. Много воды утекло, и повернуть течение назад нельзя. Губы ее невольно шептали «злодейка, злодейка».

переводы

Раим ФАРХАДИ

Зеркала

Мы разбегаемся, но внезапно,
Как зов прощальный, как притяжение,
Нас остановит сирени запах,
По желтым крышам дождей скольжение...

Мы раздеваемся, не снимая
С плечей озябших мглу летней ночи.
Приходит осень. Зима сырая
И глядя в небо из многоточий...

ПОЭЗИЯ

Гоар РШТУНИ

Я ЖЕНА ХУДОЖНИКА

Рассказ

Я жена художника. Так думаем мы оба, может быть, он немного меньше об этом думает. Все остальные считают меня чем-то типа Лолиты, а его – безнравственным циником...

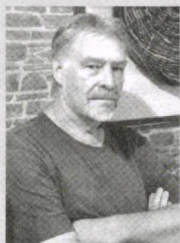
...Он мой, значит, надо его беречь. Но из маминого совета не совсем ясно, для кого я должна беречь: для себя, для него? Или еще для кого-то?

новые имена

проза

Николай ПОПОВ

ГДЕ НАЙДЕШЬ, ГДЕ ПОТЕРЯЕШЬ

Повесть

– Ой, господи! Подумаешь, не пришла ночевать, какая трагедия! У меня своя личная жизнь, которую за меня никто не устроит. Подумаешь, он переживал... А когда сам пропадал, неведомо куда, а-а-а?

философия искусства

Владимир КАРАСЕВ

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭДЕМА

Этюд

Действительно, никто из тех, кто обратился к его (А.Тюрина) искусству, его взглядом на понимание роли человека в мире сегодняшней неустроенности, мире заблуждений и иллюзий, уже не может оставаться прежним. Мы учимся прощать, читать, видеть, слышать, оценивать мировую и национальную культуру, находить единые корни, распознавать и осознавать первородное и непорочное.

караван истории

Вера ШАСКОЛЬСКАЯ

ИЗ ФРАНЦИИ ДО ТУРКЕСТАНА

Е. И. Дмитриева-Васильева известна, прежде всего, как героиня и автор самой знаменитой мистификации в русской литературе XX века. «Прекрасная незнакомка» писала стихи под псевдонимом «Черубина де Габриак», посылала их Сергею Маковскому, издателю журнала «Аполлон» (где сотрудничали практически все литераторы Серебряного века)...

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕВОДЫ

Саид Ахмад. Колыбельная. (Рассказ, перевод с узбекского Ш. Касымовой).	5
Исажон Султан. Чаша на воде. (Рассказ, перевод с узбекского С. Камиловой).	84
Владимир Каминер. «Согрев» на узбекский лад. (Рассказ, перевод с немецкого Т. Гулямова).	138

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОКА

Послание Его Величества Бабуршаха, борца за веру, из Хиндустана в Кандахор достойнейшему сыну. (Перевод со староузбекского Муаммада Али).	8
---	---

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Владимир Карасев. Автопортрет на фоне Эдема. (Эпод). ...71	
Элеонора Ганиева. Роль кино и телевидения в культурно-идеологическом обновлении общества.	149

КАРАВАН ИСТОРИИ

Вера Шаскольская. Из Франции до Туркестана.	60
K 100-летию с начала Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.).	78
Валерий Германов. Три сестры Жданко. Часть II. Музыка сфер.	91

НОВЫЕ ИМЕНА

Гоар Рштуни. Я жена художника. (Рассказ).	94
Николай Свириденко. Вот снова осень позолотою искрит. ...99	
Сакина Мухамеджанова. Реклама – величайшее искусство XXI века.	147

ПРОЗА

Марина Беглова. Многоточие отсчета. (Роман).	25
Эльдар Юлашев. История звучащей легенды. (Эссе).	68
Николай Попов. Где найдешь, где потеряешь... (Повесть). ...101	
Саидамин Бакиев. Наукология.	140

ПОЭЗИЯ

Раим Фархади. Зеркала.	13
Алексей Гвардин. Бумажный ранет.	17
Геннадий Киселев. Любая встреча рождена разлукой.	57
Беседа Вафо Файзуллоха с Вадимом Муратхановым. Дух времени в пространстве поэзии.	21

200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Гузаль Шамузафарова. «... любить Лермонтова всю жизнь...» .11

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Олим Беков. Мифология эпоса.	132
Тамара Васильева. Рождение поэзии.	136

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Владимир Баграмов. Вдвоем. (Рассказ).	151
--	-----

На 3 и 4 страницах обложки картины Александра Тюриня.

На 24, 83, 90, 98 страницах журнала афоризмы Гралиана Ли.

Звезда Востока

2014 № 4

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
06.09.2007 г.

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).

Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Хуршид Иброхимов

Подписано в печать 28.11.2014.

Формат 70х108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 12,60. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 890 экз. Заказ 240-14

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ИПТД «Укитуви».

г. Ташкент, ул. Навои, 30.

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном
наборе.

Набор текста в любом формате с
приложением электронного варианта
и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.

Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

переводы

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Рассказ

(Перевод с узбекского Шахло Касымовой)¹

Сайд АХМАД

Народный писатель,
Герой Узбекистана.

Родился в 1920 г.

Автор трилогии
«Горизонт», романа
«Безмолвие» («Жим-
житлик»), сборников
сатирических рас-
сказов «Фисташка»,
«Цена одного поце-
луя», комедий «Бунт
невесток», «Жених»
(«Куёв»).

Умер в 2007 г.

Возвращаясь с работы, Озода не стала садиться в трамвай, решила идти по многолюдной тенистой улице.

Воздух благоухал весенними ароматами. С веток цветущих абрикосовых деревьев, свисающих через заборы дворов, белыми хлопьями осыпались лепестки и весело плавали в журчащих арыках.

Вот уже пять лет Озода не была здесь: и улица, и деревья, и журчащие арыки – самая что ни на есть живая память о ее счастливых мгновениях – когда душа пылала любовью, когда шагнула в самостоятельную жизнь, когда она впервые под сердцем почувствовала другую жизнь.

Нет, не воспоминания о той любви, не весенний пейзаж побуждали ее снова пройтись по этой улице. Когда Озода свернула сюда, она была во власти какой-то таинственной силы, которой, сама того не осознавая, покорилась. Озода не задумывалась о том, по какой улице идет, знакома ли ей она.

Скоро она придет домой. Наверное, ее муж Хамиджан вернется с работы. Как всегда он встретит супругу в хорошем расположении духа. До чего же красивые у него глаза. Сколько раз за эти три года она вглядывалась в них, сколько услады, счастья подарили Озоде эти искрящиеся сквозь длинные ресницы черные глаза. Вот и сейчас он терпеливо дожидается ее возвращения.

Именно этот взгляд полный любви и нежности для Озоды невыносим. В последние дни в нем появились признаки скрытой душевной боли. Озода знает, от чего эта боль. Но утешить своего мужа, глядя в его грустные глаза, она не в силах. Уже пять лет она нестерпимо страдает из-за одного проступка, который совершила по глупости и легкомыслию. Ах, если бы этого не случилось... Может быть, по-другому воспринимала бы она буינו зеленоющую весеннюю листву, звучащий вокруг задорный смех.

Зажглись уличные фонари. Тут и там из окон домов на тротуар падал свет, накрывая его белой простыней. На соседней улице, на дуге с шумом проезжающего трамвая сверкнула яркая вспышка и, отражаясь на сводах высоких зданий, тут же угасла.

Озода, ступая по лепесткам урюка, мысленно представила печальные глаза мужа.

Невольно вздрогнув, опустила голову... Как тяжело и досадно бывает возвратиться к оставшимся позади неприятным воспоминаниям...

Как же она была счастлива! Глядя в ночное небо, думала о Мураджане. С трепетом ждала всякий завтрашний день, сулящий

¹ Родился в 1964 г. в г.Ташкенте. Окончила финансово-экономический факультет Ташкентского института народного хозяйства. Увлекается переводом.

встречу с ним. Волнительное ожидание у порога ЗАГСа, свадьба, звон бокалов, музыка, песни и, наконец, сладостные и безмятежные дни вместе...

Мурад возвращался из экспедиции с гор обросшим, загоревшим, похудевшим. К приезду мужа Озода топила баньку, расставляла принадлежности для бритья у большого зеркала, готовила выглаженную одежду и накрывала стол, не забывая наполнить голубоватый хрустальный графин его любимым вином.

В один из таких дней Мурад застал жену расстроенной. Баня не топлена, стол не накрыт.

– Что случилось? – не отрывал он глаз от покрасневших век жены.

Не ответив, Озода ушла в другую комнату. Мурад поторопился за ней.

– Ну, же, что стряслось?!

Озода, закрыв глаза полные слез, ответила:

– Я беременна.

Мурад растерялся.

– Это правда?! – он схватил ее в охапку и закружился по комнате. Глаза искрились от восторга, сильно билось сердце. – И что тебя так огорчает?

Будущий ребенок так сблизил его с Озодой, словно Озода и Мурад стали единым целым.

– Ну, что же ты плачешь? Ведь...

От радости он не находил нужных слов.

– Нет! – сказала Озода, – не хочу. Я еще совсем молода, к чему мне ребенок? – И плача тихо добавила: – Ты все время в горах, а я должна сидеть с ребенком?

– Если хочешь, попросим помочь мою маму, или сестренку, вот закончу диссертацию...

Озода хмуро посмотрела на мужа, этот взгляд пылал гневом и даже ненавистью. Привыкшая к украшениям, развлечениям женщина видела в ребенке помеху.

Озода была очень хороша собой. Любила модную одежду, танцы, театр, развлечения. И еще не родившийся ребенок словно уже лишал ее этих наслаждений.

Мурад устало опустился на стул. Схватил руками за голову и задумался. Потом поднялся, закурил и, сцепив руки за спиной, начал ходить по комнате. Подошел к жене, которая сидела на краешке дивана и всхлипывала, и долго стоял задумавшись. Потом сел на корточки возле нее и, поглаживая ее волосы, начал говорить с болью в сердце:

– Озода, милая, подумай хорошенько.

– Я подумала, прерву беременность.

– Что?!

– Да!

– Это первый ребенок. Нельзя, искалечишь себя на всю оставшуюся жизнь!

– Ну и пусть... Будь что будет.

– Значит так?

Мурад вскочил с места. От удара кулаком по столу зазвенели бокалы, вдребезги разбилось стекло на его золотых наручных часах.

В комнате наступила мертвая тишина. Проникающий из открытой форточки ветерок задумчиво теребил занавеску, развеивая повисшие клубы сигаретного дыма.

Мурад подошел к жене и упал на колени:

– Озода, прошу, не делай этого. Можешь делать все, что угодно, только не это. Готов всю жизнь стоять перед тобой на коленях, умоляю, не делай этого.

– Разговор окончен. У меня нет желания гробить свою молодую жизнь, ухаживая за ребенком.

– Ты так решила, да?! – Глаза Мурада сверкнули злостью. – Значит так, да?! Тогда... – Мурад не успел закончить.

Озода дерзко посмотрела в глаза мужу:

– Я все сказала. Если не устраивает, уйду.

– Потом будешь локти кусать, одумайся, Озода!

Она покачала головой.

– Тогда я с тобой...

– Хочешь сказать, не могу жить, не так ли?

– Так... сама подумай...

Супруги долго смотрели друг на друга без единого слова. Озода встала и пошла в другую комнату. Когда она появилась переодетой с дорожной сумкой в руке, Мурад все еще

сидел без движения. Озода вышла на улицу, оглянулась на ворота дома, куда она вошла со всеми почестями, где провела в семейной идиллии счастливые дни, и стремительными шагами удалилась...

После того, как Озода ушла, Мурад три раза приходил к ней, умоляя. И только тогда, когда она избавилась от ребенка, у него словно вырвали часть его сердца. Оставив сестренку присматривать за домом, он уехал в длительную экспедицию.

Врачи сказали Озоде, что она никогда не сможет забеременеть. Но она не придала этому никакого значения. Прошло два года... Она вышла замуж за учителя Хамиджана.

В этот весенний вечер, глядя на поблескивающие в электрическом свете лепестки абрикоса, Озода задумалась о своей жизни, о своем прошлом. Она впервые так здраво оценила свой поступок. Грустно вздохнула. Много воды утекло, и повернуть течение назад нельзя. Губы ее невольно шептали «злодейка, злодейка». Вдруг послышался чей-то незнакомый голос. Озода остановилась и огляделась. Из открытого окна дома напротив слышался женский голос, женщина пела колыбельную.

Это был когда-то ее дом, ее первый дом! Она даже не заметила, как перешла на противоположную сторону улицы. Посмотрела внимательнее: да, это ее первый дом – дом Мураджана. Какая-то колдовская сила привела ее сюда. «Может быть, в домовый книге до сих пор значится мое зачеркнутое имя», – подумала она. Через окно окинула взглядом комнату, все на месте. Только вот с потолка свисает детская люлька. Молоденькая женщина, качая ее, поет колыбельную. Ее лицо исполнено материнского счастья. В тихой колыбельной отразились мечты, пожелания счастья, светлого будущего своему ребенку... А Мурад стоит у зеркала, у того самого зеркала, которое Озода когда-то поставила своими руками.

Он подошел к окну, потряс гроздь цветков обильно цветущей акации и вдохнул аромат с ладони. Запах акации почувствовала и Озода.

Светлое окно этого дома было подобно киноэкрану, на котором было все, что происходило в комнате.

«В его волосах появилась проседь», – подумала она.

Много раз гладила Озода черные, ниспадающие на лоб волосы, теперь уже с проседью.

В ее глазах заблестели слезы. Женщина, когда-то жестоко прогнавшая свое счастье, сейчас горько плакала, укоряя себя. Она вспомнила того Мурада, каким он был пять лет назад.

Как он на коленях умолял тогда, предупреждал: станешь калек. Теперь... Я сама погубила свое счастье. Нет мне прощения. И сама себя никогда не прошу.

Мурад опустил занавеску.

Ярко освещенная комната будто спряталась за тюль.

За занавеской было видно, как легко качается колыбелька, ее тень двигалась по тюлю, и слышно было, как женщина тихим голосом поет колыбельную.

С большим трудом Озода заставила себя отойти от окна. Над старыми тополями величественно поднималась луна.

духовное наследие востока

Послание, не вошедшее в «Бабурнаме»

Это было на шестнадцатый день рабиул-авваля 933 года хиджры (23 декабря 1524 года) в Дели. Проигравшие сражение враги Бабура решились на преступление: склонив к соучастию работника кухни, они подмешали императору в пищу яд... По несчастливой случайности Бабур остался жив, но происшедшее сильно повлияло и на его здоровье, и на душевное состояние.

Через четыре дня после отравления он писал в Кабул сыну Хумоюну: «В пятничный день перед заходом солнца приготовили плов из заячьего мяса. Я довольно много поел. Мне стало дурно...» Письмо это приводится в «Бабурнаме».

Из того же источника узнаем о существовании другого послания – второму сыну Комрону в Кандахор. На двадцать девятый день рабиул-авваля – 4 января 1527 года – Бабур отправил Комрону одного из участников заговора – сына делийского султана Иброхима Лоли. Сопровождающему его Мулле Сарсону и было вручено это послание для передачи сыну. Обстоятельства описаны, но самого текста письма в «Бабурнаме», как это ни удивительно, нет.

Я обнаружил его в 1972 году в Казани в отделе редких рукописей университетской библиотеки среди образцов узбекской классической литературы. Судя по некоторым ошибкам, можно было сделать вывод об определенной небрежности писца.

Профессор Казанского университета Хатиб Минигулов оказал любезность, сделав фотокопию этого исторического документа.

Перевод «Наставление Бабураха собственному сыну» на русский язык осуществлен по нашей просьбе Народным писателем Узбекистана Мухаммадом Али.

Профессор Б. Касымов

Послание Его Величества Бабурашаха, борца за веру, из Хиндустана в Кандахор достойнейшему сыну

Перевод со староузбекского Мухаммада Али¹

Посылая с любовью написанное сие умному и блаженному сыну наисчастливейшему Мухаммаду Комрону бахадуру, отмечаю, что ты вместе с молочными братьями и близкими оказывается проявляешь большое усердие в приобретении знаний. Оно чудно, душа переполнилась радостью от услышанного. Надеюсь, что с помощью Всевышнего, своим умением и старанием ты достигнешь совершенства во всем. Следуя всегда этим путем, не будешь ошибаться. Ведь сказано его высочеством Ходжой Хафизом:

Великие говорят, только опираясь на свой опыт.

Эй, сын мой, послушай наставление мое, даже если ты и велик.

Дошло до слуха моего, что чагатайский народ (т. е. народ Чагатайского улуса – М. А.), оставленный всепрошенным и покойным Его Величеством Султаном Хусайном Мирзо, проживая вместе с народом Хорасана, проявил недожонные таланты, и ему не чуждо чувство изящного. Хотя людям Хорасана присущ добрый нрав, и действительно, они способны, но их толкование веры сомнительно. Это любящий

¹ Народный писатель, лауреат Государственной премии Узбекистана. Поэт, прозаик, публицист, переводчик. Председатель Союза писателей Узбекистана.

сеять смуту народ, способный интригами разлучать родителей и детей. Будучи заворуженным их словами, не забывая об осторожности, будь осмотрителен. Они познали, кто владыка, их отцам неоднократно помогал тюркский народ, их матери выходили замуж за тюрков, их отцы преданно служили нашим отцам и дедам, были вместе в радостях и горе, в походной и оседлой жизни, не расставаясь ни на мгновение. Оказывали добрые услуги, исполняли наставления. Сближаясь с кем-нибудь из этих людей, открывая для них сердце и дорогу к дому, абсолютно доверяя, боясь допустить оплошность. Если избранный молод, то брать у него советы и следовать им не стоит. Следуй советам благоразумных беков и высокопоставленных сановников государства, которые всегда в курсе архиважных событий. Когда же прельстишься словами угодливых льстецов, и государственные мужи, узнав, наблюдая это, придут к тебе и скажут об этом дерзко в лицо, на них не надо обижаться. Хотя это покажется тебе обидным, но впоследствии обернется благополучием. Как в пословице: «Друг говорит колко, а враг – утешая». Руководствуйся этой мудростью в отношениях с друзьями и врагами.

Будь цветком для цветка, колючкой для колючки.

Еще. Огромным и сильным представляется кандахорское войско. Не следует искать столкновения с ним, доверяя советам любого встречного. Если возникнет такая необходимость, то опирайся на опыт государственных мужей, сведущих в законах и правилах, деловых, благожелательных, рассудительных и предусмотрительных, много раз участвовавших в мажлисах и сражениях. Решайся на столкновения всесторонне укрепившись, от души всенародно оглашая похвальные слова в адрес своего войска, собрав вокруг себя искренних, безупречно честных, способных друзей. Да пусть услышат об этом все и везде: и далеко, и близко.

Еще. Негодяев с сомнительным прошлым не стоит воспитывать и привлекать к делам управления страной, надеясь на их способности и рвение. Его светлость Шайх Саади рек:

*Невозможно поднять бесчестного и подлого
до уровня человека путем воспитания, эй, хаким.
Глядя: цветок растет лишь в саду,
а на солончаковой почве лишь сухая трава произрастает.*

У его светлости Мавляна Джами имеется достойнейший стих:

*Кто от роду подлый и низкий,
Исправить его невозможно, родной.
Если и станет он человеком,
Душа остается по-прежнему той.*

Еще. Люди Мавереннахра чересчур простодушны, хотя они и не слишком талантливы, на них можно положиться. В связи с этим, вспомним красноречивого соловья сада жизни, ярчайшего светоча неба, его светлость Ходжу Убайдуллаха. Расцвет государственных дел зависит от великодушия таких высокочтимых людей. Если мюриды и их сподвижники из той династии обратятся к тебе как к царевичу, то отнесись к ним с высоким почтением и уважением, не допускай оплошностей. Те, кто связан узами любви, полюбят и собак своих возлюбленных.

Еще. О положении дел в Хиндустане извещу в послании о победе. Взят в плен сын Иброхима, царя Хиндустана. Он послан к тебе, милому сыну, в подтверждение вышесказанному. Впредь буду сообщать о каждом случившемся событии. Вот и все. Нам всегда сопутствует желание видеть твою несравненную красу. Нет нужных слов. Самое нужное слово – «Знай, нет слов прекраснее, чем слова Аллаха».

200 лет со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова

В октябре 2014 г. исполнилось
200 лет со дня рождения
М. Ю. Лермонтова, младшего
современника
великого А. С. Пушкина,
продолжившего
его линию в русской литературе
начала XIX века, унаследовавшего
его славу и судьбу.

Вместе с тем, как писал
В. Г. Белинский,
Лермонтов «совсем новое звено в цепи
исторического развития
русского общества»,
голос новой эпохи, эпохи глубоких
разочарований и пессимизма.
Для Лермонтова и его поколения
важно было осмыслить мир
в категориях философии,
психологии и морали, в
противопоставлениях покоя и
деятельности, земного и небесного,
жизни и смерти, добра и зла.

Поэт стал и героем, и жертвой
своего времени, глубоко отражая и не
принимая его направлением и пафосом
своего творчества.

За недолгие годы своей творческой жизни он успел стать Лермон-
товым, одним из знаковых писателей Золотого века русской лите-
ратуры, – завершив развитие русской романтической поэмы, создав
непревзойденные лирические шедевры и заложив
основы русского реалистического психологического
романа.

«...ЛЮБИТЬ ЛЕРМОНТОВА ВСЮ ЖИЗНЬ...»

То, о чем я хочу рассказать, произошло около пятидесяти лет назад.

Наша семья жила тогда в старом городе, на одной из самых старых улиц Ташкента, носившей имя внука Чингисхана. Школы у нас были двуязычные: с узбекским и русским языком обучения. Мои родители более или менее сносно говорили по-русски и отдали нас, детей, в русскоязычные классы. В нашем классе учился только один русский мальчик, да и тот вскоре переехал в другой район и перешел в другую школу. Моими одноклассниками были бухарские евреи, узбеки, татары. Помню, как моя мама учила соседского мальчика Мухиддина отвечать на вопросы, которые ему могут задать при поступлении в школу. И, в конце концов, когда учительница спросила его, сколько ему лет, он ответил:

– Сем литр!

А когда во втором классе меня избрали каким-то там «председателем совета отряда», я удивленно спросила:

– Я буду председателем колхоза?

Я с особенным удовольствием изучала русскую литературу, любимым моим поэтом был Лермонтов. Выражаясь современным языком, я была его фанаткой и собирала любые книги, в которых упоминалось его имя. К тому времени я уже была обладательницей четырехтомника Лермонтова с великолепной вступительной статьей Ираклия Андроникова.

И тут однажды я узнаю, что в Москве какое-то издательство выпустило книгу Ираклия Андроникова «Лермонтов. Исследования и находки». Я начинаю лихорадочно искать ее во всех ташкентских книжных магазинах, ее нигде нет, и я попадаю в отчаяние, так как боюсь, что толпы читателей раскупят книгу, а мне она так и не достанется.

Как-то вечером, когда вся наша большая семья собралась за ужином и зашла почаевничать соседка Марджан-опа, я решила поделиться со всеми своей проблемой. Соседка посоветовала:

– А ты напиши письмо в редакцию и попроси книгу.

– Издательство же в Москве! – безнадежно воскликнула я.

– Попроси отправить тебе книгу по почте! – не унималась Марджан-опа.

– Кто же мне бесплатно отправит книгу?! – возразила я, однако оценив совет. – «Куда же мне написать?» – лихорадочно соображала я.

Окончательное решение созрело в день рождения нашей мамы, когда нас всех умилил и развеселил сюрприз, приготовленный младшим братиком, первоклассником Бахадиром, которого мы кратко называли Бах. Почтальон принес письмо. На конверте в графе «Кому» корявым детским почерком было написано: Шамузафаровой Маме. В письмо была вложена поздравительная открытка и двадцать копеек. Бах, сам того не подозревая, продемонстрировал мне, как хорошо работает наша почта.

Вот здесь-то я и решила: напишу-ка в издательство «Художественная литература», которое выпустило четырехтомник

**Гузаль
ШАМУЗАФАРОВА**

Окончила
физический
факультет ТашГУ
(ныне НУУз),
кандидат технических
наук. Работала в
физико-техническом
институте АН
Узбекистана, позже в
институте метрологии
и стандартизации
(НИИСМС) при
агентстве Узстандарт.
Живет в Ташкенте.

Лермонтова со статьей Ираклия Андроникова, надеясь, что там передадут мое письмо Андроникову. Письмо начиналось словами: «Дорогой Ираклий Луарсабович!»

Дальше я рассуждала следующим образом: наверное, желающих иметь книгу Андроникова много. Дай-ка я напишу так, чтобы он наверняка отправил мне свою книгу. И я написала, что учусь в школе, что Лермонтов – мой любимый поэт, что я очень хотела бы иметь его книгу о творчестве Лермонтова, но в Ташкенте ее нет, поэтому, мол, прошу отправить мне ее по почте. Но самое главное то, что в письме я сообщала, что посылаю в конверте три рубля, чтобы ему не было накладно отправить книгу, так как не просто же обеспечить своими книгами всех желающих.

Я рассуждала так: «Если вложить в конверт деньги, тогда Андроников уж точно не сможет отказать мне и обязательно пришлет книгу. На конверте после адреса издательства «Художественная литература» я приписала своим детским почерком: «Просьба передать Ираклию Андроникову».

Я надеялась на то, что даже если Андроников не обратит внимания на мое письмо, то, увидев там три рубля, он будет просто вынужден организовать отправку своей книги. Я была уверена, что он так же, как Лев Толстой и другие великие русские писатели имеет секретаря, который занимается его перепиской, и которому он может поручить пересылку.

Прождав месяца три-четыре и не получив никакого ответа, я написала в издательство «Художественная литература» еще одно письмо, дописав опять на конверте «Просьба передать Ираклию Андроникову». В нем повторила свою просьбу и подчеркнула, что я уже отправляла ему три рубля и думаю, что книга не должна стоить дороже, поэтому очень прошу продать мне ее за те деньги, которые он должен был получить в предыдущем письме.

Шло время, я успела окончить школу и поступить в университет. Волнения с выпускными, а потом вступительными экзаменами отодвинули на некоторое время заботы о книге Ираклия Андроникова.

Не знаю, получил ли он мое первое письмо с тремя рублями, но знаю, что второе он получил точно.

Примерно в конце сентября нас, новоприетенных студентов, отправили собирать хлопок. Вскоре меня прямо с поля вызвали в место расположения первого курса, одноэтажное здание школы.

Захожу в школьный класс, который стал временной спальней для меня и еще восьми девочек и вижу там своего отца, который приехал меня проводить. С собой он привез почтовую бандероль, на которой на месте обратного адреса стоял домашний адрес Андроникова. Развернув бандероль, я увидела долгожданную книгу: Ираклий Андроников. «Лермонтов. Исследования и находки». Открыв ее, я прочитала дарственную надпись:

«Дорогой Гузали Шамузафаровой с уверенностью, что она будет любить Лермонтова всю жизнь так же пылко, как люблю сейчас!»

Вечером я села писать Андроникову благодарственное письмо. Торопясь с ответом и не найдя ручки, я написала письмо карандашом и даже извинилась, что не нашлось ручки.

Но самое интересное ждало меня дома, когда я приехала с сельхоз работ! Мама сказала, что мне пришло какое-то извещение с почты. Каково же было мое удивление, когда мне там вручили почтовый перевод в размере трех рублей от Ираклия Андроникова!

Прошло много лет... Я не раз приезжала в командировку в Москву и даже подумывала зайти к Андроникову, чтобы поблагодарить его. Но теперь я уже не была той решительной и наивной провинциальной девочкой, которая так целенаправленно и беспардонно требовала у него его книгу. Поэтому...

А книгу Ираклия Луарсабовича Андроникова с его дарственной надписью я храню по сей день как дорогую реликвию.

Дорогая!
Гузали Шамузафаровой
с уверенностью, что
она будет любить
Лермонтова всю жизнь
так же пылко, как
люблю сейчас!
Ираклий Андроников

1965
Сентябрь

ПОЭЗИЯ

Зеркала...**Вселенная разбегается**

Звучит, как флейта, струя из крана,
 Бодрит моторчик электробритвы:
 Мы просыпаемся утром рано,
 Мы разбегаемся – значит, квиты.
 Жизнь нам условия диктует круто,
 Спешим и ловим свой миг удачи.
 Мы забываемся на минуту.
 И... разбегаемся дальше, дальше.
 Мы заземляемся, босоноги,
 Штурмуем выси, минуем веси,
 Слова слагаем, читаем ноты,
 Рукой цепляясь за поднебесье.
 И нам тропинок не надо ровных –
 Как в сказке с Гердой, что ищет Кая,
 Мы разбиваемся на дорогах
 Земли и Космоса, Зазеркалья!
 Если в пути нам не слишком туго,
 Если на гребень судьба возносит,
 Мы забываем почти друг друга,
 Мы разминулись на перекрестке.
 Мы разбегаемся, но внезапно,
 Как зов прошальный, как притяжение,
 Нас остановит сирени запах,
 По желтым крышам дождей скольжение...
 Мы раздеваемся, не снимая
 С плечей озявших мглу летней ночи.
 Приходит осень. Зима сырая
 И глядя в небо из многоточий,
 Мы вспоминаем еще дни мая.
 Но встречи реже, а после – прочерк...
 Наш брат молочный – путь этот Млечный.
 Частицей света став нетленной,
 Осознавая мир бесконечный,
 Мы разбегаемся во Вселенной.
 Еще о смерти нам думать рано,
 О жизни песни и все молитвы.
 Звучи, как флейта, струя из крана,
 И пой, моторчик электробритвы.

Раим ФАРХАДИ

Заслуженный деятель культуры
 Узбекистана, кавалер
 ордена «Дустлик»
 родился в 1942 г.
 Популярный поэт,
 сказочник, переводчик,
 врач и журналист-эколог. Автор
 более 50 сборников и книг.
 Его произведения включены в учебные программы узбекских и зарубежных учебных заведений.
 Член творческого объединения
 Академии художеств Узбекистана.
 Главный редактор экологического журнала «Родничок»
 («Бўлоқча»)

Расставания и встречи

Виновата Хиросима
Иль какая-то иная,
Нам неведомая сила,
Что идет разъединяя.

Обходя моря и суши,
Посылая ветер дымный,
Разводя тела и души,
Предвешая час пустынный...

Будто линия разлома
Грозного землетрясения,
По сосне родного дома
Тянется... И нет спасенья!

Сила жуткая, слепая.
Пули в цель, увы, не мимо.
Лучевая, роковая
Двигается неотвратно.

Покидают гнезда птицы,
И крылами воздух вспорот...
Суждено и нам проститься
Так внезапно. Очень скоро.

Недопетые мотивы,
И рассыпанные перья,
И коней летящих гривы,
И горящие деревья...

И заломленные руки
На полях недавней сечи.
Сколько символов разлуки,
Но шепчу тебе: «До встречи!..»

Где тот мальчишка из детства...

Я обращаюсь к ночным зеркалам,
К утренним шумным подъездам:
Тот мальчуган не встречался ли вам
В городе людном и тесном.
Может быть, вам, может быть, вам,
Может, вам что-то известно,
Где он, бегущий легко по годам,
Где тот мальчишка из детства?
Часто брожу я по старым дворам,
Дождик и снег не помеха.

Я обращаюсь к высоким горам –
Но отвечает лишь эхо...
– Где тот мальчишка? – спрошу у реки.
Мне без него одиноко.
С ним пробегала наперегонки
В куртке спортивной девчонка.
Может быть, вам, может быть, вам,
Может, вам что-то известно,
Где он, бегущий легко по годам,
Где тот мальчишка из детства...
Может, он где-то в заморской стране,
Вечно ищи и надейся.
Может, живет он в тебе и во мне,
Этот мальчишка из Детства!

Рожденным на Лонг-Айленде

*Мои корни в Багишамале,
одном из уголков Самарканда.
На книжной полке родительского дома
стояли рядом издания
Некрасова, Гете, Фирдауси,
Навои и Уолт Уитмена.*

Первой книгой моей
были «Листья травы»,
Шелестевшей на глиняных
мазанных крышах.
Я читал ее строки
под звон синевы
Стен и сводов небес
всех живых и погибших.
Вы когда-нибудь жили
в подобных домах? –
Колокольчиков, маков,
пшеничных колосьев.

И арык с корпорушкой
был мой Потомак,
Я гонял до него
самокат двухколесный.
Без корней невозможно
составить слова.
Что я принял
как часть родового наследства.
Тех, которыми живы
стихи и трава,
Тех, что разум и сердце
питают от детства.

Зеркала

К несчастью зеркало разбить:
 Степное,
 Горное,
 Лесное...
 Байкал бокалами распить,
 Небрежно горлышко отбить...
 По ходу,
 За столом
 И стоя,
 Арал на части разделить...
 Уменьшить вдвое,
 После – второе.
 Конечно, дело непростое,
 Но ежели начать кутить!..

А знаем: разбивать нельзя...
 Но снова, как посуда с полки,
 В разгар веселья
 Иль размолвки
 Шальными брызгами в глаза
 Летят разбитые осколки.

– Земля красива или нет? –
 Гадает утром Царь-Девушка.
 А зеркало молчит в ответ.
 Нахмурилось,
 Не прояснится...
 «Ах, зеркало – лучистый свет,
 Когда успело ты разбиться?»
 Была вода светлым-светла.
 Река размеренно текла,
 В ней отражались сосны, ели...
 А мы в другие зеркала
 Тогда заносчиво смотрели.
 И поручались на неделю
 Нам позначительней дела!

Права старинная примета,
 Глядим, зовем, –
 Струится Лета.
 Темно. Не разглядеть лица.
 И сыну не узнать отца...
 Отец его блуждает где-то
 Без обручального кольца.
 Он как разменная монета...
 Стояли рядом деревца.
 Пообочь – кустик бересклета...

Не видно в темноте крылья –
 В осколках потерялось это...
 Права старинная примета!
 Иль участь суждена такая?
 Уж столько сотворили зла
 И на Дарье,
 И на Байкале,
 И унесли, и расплескали,
 Себя с лихвою наказали...

Не разбивайте зеркала,
 Не попадайте в ЗаЗеркалье!

Дни непогоды

*«Телом, как дерево потянулся,
 Руки раскинул – и вот стою».*
 Вл. Луговской

От взглядов косых
 И глумливых нападков
 Упрячусь в лесных
 Золотых листопадах.

Меня с головою
 Березы и клены
 Укроют листвою
 Сухой, опаленной.

И выпавший снег
 В пылинке рассветной,
 Как редкостный мех
 Для шубейки небедной.

Терпя непогоду
 По сути не злую,
 Уйду я в природу
 И... презимую.

Весною проснусь,
 Побегу на поляну.
 Я к людям вернусь
 Или деревом стану.

Увижу прямые,
 Открытые взгляды.
 Привет вам, родные! –
 И мне будут рады.

Анабиоз

«...Выбежав налегке в лютый мороз
к соседнему подъезду,
поэт А.Веневитинов простудился
и скончался в юношеском возрасте».
Из хроники XIX века.

Как Веневитинов-поэт,
Ты выбегаешь на мороз...
Глядишь вокруг,
а белый свет
Уже сковал анабиоз.

Застыл король в привычной позе,
Шут так и замер, веселя.
Вельможи – все в анабиозе.
Уснула дочка короля.

И двух купцов на торге стычка.
И солдафон – грудь колесом.
И замерла в дороге бричка.
И кошка, прыгнув за мяском.

Остекленевший лик поэта...
Кусты оледеневших роз...
Анабиоз – не гибель это,
Но и не жизнь – анабиоз.

Отброшенное на столетье
Число сомнений,
тяжб,
забот –
Пока однажды на рассвете
Счастливый странник не придет.
От поцелуя королевна

Проснется, сей наступит срок.
Прекрасна сказка...

Жизнь плачевна,
Что вечно дремлет, как сурок.
Цветы застыли на морозе,
И в скалы врезался Ковчег,
И город,
Что в анабиозе
Одно столетье. Целый век.
Пучки рассеянного света...
И натюрморт застывших поз...
Анабиоз – не гибель это,
Но и не жизнь – анабиоз!..

Нелепейше покинул свет
Любимый Пушкиным поэт.

Возраст поэта

Спросит школьница:
– Сколько вам лет?
– Осеньдесять.
В этом возрасте хочет поэт
Куролесить.
Он живет в измеренье ином,
Как деревья,
В листопад под осенним дождем
Пламенея...

И не в том, что по-снежному сед
Суть поэта.
Он такой же, как был с юных лет,
Непоседа.
Он в любви хочет вешним ветвям
Признаваться.
И ему в те мгновенья, как вам,
Лишь веснадцать!

ПОЭЗИЯ

Бумажный ранет**В зеркалах её чертогов**

По мутным отмелям и чахнувшим болотцам,
в словесной ряске,
голенастой птицей
ты бродишь
и заглядываешь в лица,
пытаясь по губам прочесть подсказку,
не понимая речи. Инородцем
халифом-аистом, забывшим заклинание,
ты ищешь снова.
Но не удаётся
извлечь его из высохших колодцев.
И глаз кругля по-птичьи тайны слова
не слышишь в эхе своего стенанья.

И ты в смятении летишь к чужим истокам —
найти живое.
А находятся лишь кости
идей отмерших — в каменной коросте...
и ты верёвочками, свитыми из воя,
их крепко вяжешь к имбецильным строкам.

И не по силам больше в небо взвиться:
растишь ходули из обломков тростей
поблекших мыслей —
«прибавляешь в росте».
Но спину узкую и слабую сутуля,
всё смотришь вниз... нечеловек-нептица.

Когда-то ты сумеешь заблудиться.
Утратив краски,
мир вдруг станет белым,
он заберёт тебя умело и всецело:
из сказки Гауфа сойдёшь в иную сказку,
забыв поставить метку на странице.

Отполированные льды ветров напевом
хранят здесь
бесконечность в отраженьях,
и ты увидишь, став их продолженьем,
как просто мальчик складывает вечность
из слов, произнесённых королевой.

Алексей ГВАРДИН

Родился в 1965 г. в Ташкенте. Окончил ТашГУ (ныне НУУЗ). Работает в объединении Узбекмультфильм (ОАО Узбекфильм). Член творческого объединения художников при Академии художеств. Участник и призер международных конкурсов карикатур. Лауреат премии «Грифон». Обладатель Гран-при за мультфильм «Фархад и Ширин» (2011 г.). Номинант литературной премии «Наследие» 2014.

Бумажный ранет

(абсурдизм с непосредственным участием, и ничего личного)

Картонные макеты дней... папье-маше советов...
я плавно еду... не во сне, но явно рядом где-то...
Среди кочующих домов, покинувших хозяев,
и перевернутых холмов для выставки бонсай.
Шуршит бумажная листва в прожилках интернета,
корнями вверх на деревьях растёт и зреет лето.
Стекающий с кистей Дали мираж нацелен в лоно,
сочатся муравьи-кули¹ сквозь стены вавилонов.

Натягивая цепью лень,
от центра по спирали,
в никем незапряжённой
колеснице Архимеда
с квадратными колёсами
из каменных скрижалей,
вдоль неба отражённого
я по абсурду еду.

Мой мозг изрос кустами роз, жасмина и сирени.
Эй, Пан! Вгони мне в сердце ос мелодией свирели!
Виардолицых кентавриц, осыпав лепестками,
кормлю с руки императриц стихами-оригами.
Я выпустил своих синиц, здороваясь с царями,
и пусть летят, куда хотят, хоть вслед за журавлями.
Давно увядшие слова уложены в гербарий,
и жжёт Весёлая вдова, открыв икебанарий.

То солонину будней ем...
то яблочек искуса
тугую кожу надкусить,
прикрыв глаза, пытаюсь...
То еду по следам иуд,
то вслед за Иисусом
по ходу солнца, не спеша
от центра отдаляясь.

Влюблённый в Зевса Ганимед подкрашивает губы,
Джоконды выстроченных лет уже не прячут зубы.
Вонзив в издателя гарпун, джекклондоны в толстовках
вангогам предрекают бум... пока лишь – хрен с морковкой.
Витки сценария растут из кольцевых повторов...
и тлеющий выводит трут – дымком: *momento mori*.
Уводит Крысолов в прибой под вой сирены стадо
свиней и с факелами строй оглохших геростратов.

¹ Кули – наемные рабочие

В халате каландара,
сшитом мастерски в Толедо,
из в лоскутов никем ещё
неведомой печали,
надев на ноги босые –
как вечный хиппи – кеды,
я по спирали еду и
пью ветра цинандали.

Танцуют в красных париках одилии... одетты...
пьёт с люмпенами пиво Вакх, мыча свои сонеты...
О-о! Чацкий! Горе – не беда. Карету Вам? Карету?
Тогда пожалуйста сюда, пока ещё я еду.

Поедем к Гурду! Там светло. Он угостит нас пловом,
там можно смело бить стекло – хоть кулаком, хоть словом!
Да все мы снова живём, ступив в абсурд ногою...
а может мы споём вдвоём?..
Э-эх!..
Let's, my people, go!

Показав сентябрю загорелую спину,
лето к югу уходит за тысячи вёрст,
потому что спускается с гор в мокасинах
краснокожая осень. Пускается в рост!

И ни с кем не прощаясь, вот так по-английски
лето дальше уходит, не взяв ничего.
И огнём занявшись, как секретные списки,
тайны листьев горят за спиной у него.

Станут пеплом в огне облетевшие листья –
уходящее лето сжигает дотла
без обратного адреса жёлтые письма,
чтобы осень прочесть их вовек не смогла.

Так войска отступают, сжигая архивы,
оставляя позиции и города,
и горящие листья красноречиво
говорят, что займут города холода...

Вновь размашистой поступью сходит в долину
в белых пончо тумана осенний дозор.
И я молча смотрю сквозь прищел паутины,
как уверенно осень спускается с гор.

Оле Лукойе

Спи... спи... спи...
спи, фаворит войны.

В бадье пустой на цепи
ты падаешь в шахту
комы –
тебя не находят сны:
ты вытравил запах дома.
Но этот найдёт –
блесны
оптического прицела
достаточно,
чтоб найти.

Спи... спи... спи...

свой первый выстрел
ты сделал:
медленно, но летит
к силуэту в твоём прицеле
пуля
в проём окна
осою бескрылой
к цели.

И длиться будет рапид –
и
будет лететь
она,
пока будет мать хранить
память о колыбели
и прядку родного льна.

Вытягивая, как нить,
пуля потащит следом
в светящееся окно
тебя
к тому силуэту.
И ты успеешь понять,
когда
паутиной треснет
стекло:

пела в комнате мать
старинную дедову песню,
а ты стоял против света,
к стеклу прижимаясь лбом...

...и Оле Лукойе исчезнет.

Первая жизнь

Она утопала в глубокой траве
и рассматривала облака.
Осколки стекла изменяли их цвет.
И казалось:
земля велика.
Ей неведомы были значения слов,
запирающих створы границ.
Она мастерила копилку для снов
и кормушку
для сказочных птиц.
Растекалась она половодьем в лугах
у подножья Мордовской Горы¹,
а когда возвращалась ручьём в берега,
как волхвы,
раздавала дары.
И вдыхала она про запас запах дней
вместе с запахом молотой ржи...

И никак не сыграет в театре теней
непрерывная
первая жизнь.

Два ночи

...так просто
пустых монологов беруши
вынуть.
И, став хоть немного собой,
лежать,
тишиной насыщаясь.
И слушать.
Слушать,
как будто с рожденья слепой,
на дне
океана нахлынувшей ночи,
дыша одиночеством
и темнотой,
не существуя почти среди прочих.
Ночью глубокой
в квартире пустой,
на нерасправленной за ночь кровати,
слушать,
как звёздной шурша муравой,
по червоточинам времени катит,
катит и катит,
катит и катит
шар голубой – скарабей золотой.

¹ использовано как аналог Кудыкиной Горы

Вафо ФАЙЗУЛЛОХ

Вадим МУРАТХАНОВ

ДУХ ВРЕМЕНИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЭЗИИ

Беседа о развитии русской поэзии последних лет

– Вадим, хотелось бы побеседовать о новых направлениях и новых именах в русской поэзии. Взяв отправной точкой беседы то, как сегодня оценивают представителей «Эстрадной поэзии» (таких поэтов, как, например, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Е. Евтушенко и других), представителей «Тихой лирики» (например, Н. Рубцов).

– Поколение «шестидесятников» уже сошло со сцены и в силу развития литературного процесса, и, элементарно, в силу возраста. Многие из них ушли из жизни, сегодня их творчество воспринимается уже скорее как классическое наследие. Отношение к «эстрадной» поэзии в России среди литераторов-профессионалов сейчас можно назвать скептическим. Слишком кардинально изменились за последние 20–25 лет время и поэзия, и ее роль в обществе. Поэт-трибун, собирающий большие залы и стадионы, сегодня не востребован. Гораздо выше сегодня котируются в России поэты-«семидесятники»: Сергей Гандлевский, Бахыт Кенжеев, Борис Херсонский... При том, что последние двое живут за пределами России – один в Канаде, другой в Украине.

– Не зря говорят: «Дружба литератур – дружба народов!» Жаль, что в последние годы эти литературные связи рвутся. Расскажите о новой русской поэзии. Как идет процесс формирования и бытования модернизма и постмодернизма в русской поэзии?

– Поэты-постмодернисты в 80–90-х годах выполнили очень важную функцию – разобрали и вытеснили из современной поэзии советские штампы, осколки отмирающей идеологии. В значительной мере заслуга Дмитрия Пригова, Льва Рубинштейна и других постмодернистов этим и исчерпывается. Ушла и подзабылась эпоха – ушел и материал для их стихов. В 90-х годах российская литература начинает все активнее открывать для себя мировую поэзию. Но гораздо большее влияние на нее оказало возвращение русской зарубежной поэзии, прежде всего, издание на родине книг Иосифа Бродского, крупнейшего русского поэта, связавшего отечественную современную литературу одновременно и с ее «серебряным» веком, и с западной литературой.

Важную роль в знакомстве российских поэтов и читателей с западной литературной традицией сыграли в 1990-х и 2000-х годах поэт и редактор Дмитрий Кузьмин и круг

Вафо Файзуллох – поэт, переводчик, работает в издательстве «Шарк», живет в Ташкенте.

Вадим Муратханов – поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1974 году. В 1995 году окончил ТашГУ (ныне НУУз). Автор пяти книг стихов. С 2006 года живет в Москве.

близких к нему авторов. Эти фигуры, тяготеющие к авангарду, оцениваются в современной литературе и критике по-разному, но без них картина была бы явно неполной.

– **«Живите не в пространстве, а во времени», – призывал Андрей Вознесенский. И вот мы живем уже четырнадцать лет в XXI веке. Дух времени изменяет взгляды на литературу, в том числе, на поэзию. Какие новые имена появились на небосклоне российской поэзии нового века?**

– В российской поэзии сейчас одновременно действует несколько поколений авторов, формировавшихся в разных условиях. Каждое из них впитало в себя свое время. Мне проще говорить о своем поколении – о тех поэтах, кому сейчас около сорока. В начале 2000-х громко заявила о себе «группа 30-летних». Это было несколько талантливых поэтов, чьи стихи вошли в коллективный сборник «10/30»: Максим Амелин, Дмитрий Тонконогов, Глеб Шулпяков, Инга Кузнецова, Санжар Янышев – автор, чьи детские и юношеские годы прошли в Ташкенте. В их творчестве, с одной стороны, отразился опыт советских лет, а, с другой стороны, в эстетическом и интеллектуальном плане они уже свободны от шор и барьеров той эпохи. Эти поэты и сегодня продолжают писать и быть на виду в российском литературном мире.

Поколение, идущее следом, как мне кажется, не столь богато на яркие таланты. Можно назвать Екатерину Соколову, Наталью Полякову, Алексея Порвина, Марию Маркову... Может быть, еще несколько имен. Думаю, по прошествии времени оценить их значимость будет легче.

О направлениях в русской поэзии XXI века говорить сложно. Четко выраженные направления и объединения, безусловно, существовали в 80-х, 90-х годах: СМОГ, «Московское время», метареалисты, конструктивисты... Сейчас время направлений прошло. Может быть, потому, что это не настолько интересно читателям: поэзия превратилась в довольно-таки камерное, частное занятие. Интерес к ней не тот, что в прошлом веке. Россия в этом смысле стала гораздо ближе к Западу, где поэзией, как и филологией, занимаются сейчас больше на университетских кафедрах.

– **Расскажите, пожалуйста, о новых литературных салонах и клубах, о писательских союзах постсоветского периода. Чем они заняты сейчас?**

– Союз писателей, некогда единый, раздробился на несколько враждующих союзов, которые не имеют прежнего влияния и силы. Союз писателей России, Союз российских писателей, Международное сообщество писательских союзов (правопреемник Союза писателей СССР)... Недавно возник «Союз писателей XXI века». Все главные открытия, которые я делал для себя в последние годы – в прозе ли, в поэзии – никак не были связаны с писательскими официальными объединениями. Если эти организации существуют, значит, кому-то они нужны, нерв современной литературы сегодня проходит не через них.

Литературные салоны и клубы в какой-то мере продолжают выполнять свою функцию – служат местом встреч и общения авторов. Некоторых поэтов я услышал в Москве благодаря салонам и клубам. Их достаточно много, возможно, больше, чем требует нынешний скромный интерес к поэзии в российском обществе. Среди самых заметных назвал бы салон «Классики XXI века», «Булгаковский дом», клуб-кафе «Билингва».

– **Один из критериев для поэта – издание его книги. Сейчас мы живем в эпоху рыночной экономики. При Союзе писателей Узбекистана создан государственный фонд «Ижод» («Творчество»), который поддерживает издание книг, в первую очередь, молодых авторов. Как решается эта проблема в России?**

– Как я уже говорил, интерес к поэзии в России сейчас упал. Из книжных магазинов она переходит в Сеть: число пишущих и публикующих себя растет, а книги стихов раскупают неохотно – соответственно и издательства их неохотно выпускают. Тиражи книг даже именитых поэтов расходятся по два-три года, что уж говорить о молодых, начинающих... В России тоже есть какие-то программы и гранты для молодых талантов, но, в любом случае, тираж этих книг невелик, и они не становятся заметными событиями. Большая часть поэтов вынуждена издавать свои книги за свой счет либо с помощью спонсоров. Как правило, молодой автор обращает на себя внимание, если ему вручают престижную премию, например, «Дебют» (для авторов не старше 35 лет). В этом случае и журналы его публикуют охотнее, и возможность выпустить книгу за счет издательства более реальна.

– По возможности, я знакомлюсь с российскими литературными газетами и журналами. Сейчас в Узбекистане много читателей «Литературной газеты» и журнала «Дружба народов». Но о других литературных изданиях я имею смутное представление. Расскажите подробнее о журнале «Новая юность» и альманахе «Интерпоэзия».

«Новая Юность» возникла в 1993 году после ухода 14 журналистов из знаменитой «Юности». У этого издания есть свое лицо и круг авторов. Она ориентируется не только на интересную российскую прозу, поэзию и эссеистику, но и на зарубежную. Журнал регулярно публикует тексты авторов, живущих в Европе, ближнем зарубежье. В последние годы там публиковалась поэзия и проза узбекистанцев – Сухбата Афлатуни, Людмилы Бакировой, Алексея Устименко, Вики Осадченко, Баха Ахмедова, Рифата Гумерова, Алины Дадаевой. В 1-м номере за 2013 год была опубликована подборка Ваших стихотворений. Добавлю, что в 2009 году «Новая Юность» выступила соиздателем двуязычной антологии узбекской поэзии «Анор/Гранат», куда вошли стихи 17 поэтов-узбекистанцев на узбекском и русском языках.

Журнал «Интерпоэзия» основан в 2004 году поэтом Андреем Грицманом, живущим в Нью-Йорке. В нем широко публикуются поэты русского зарубежья, как ближнего, так и дальнего. Из авторов, представляющих Узбекистан, в «Интерпоэзии» публиковались Шамшад Абдуллаев, Сухбат Афлатуни, Вика Осадченко. В 2011 году вышла мемориальная подборка стихов Александра Файнберга с моим кратким предисловием. Российских авторов этот журнал тоже печатает часто. Но, возможно, самый сильный раздел «Интерпоэзии» – «Переводы», где уже выходили стихи Роберта Фроста, Сильвии Платт, Томаса Элиота, Уолеса Стивенса, Георга Тракля и многих других классиков западной поэзии.

В последние 20 лет в России и за ее пределами появилось много русскоязычных литературных журналов. Лучшие из них представлены на электронном портале «Журнальный зал», наряду со старейшими российскими «толстыми» журналами.

– Хотелось бы поговорить о явлении, наблюдавшемся во все эпохи: многие великие поэты и ученые создавали свои произведения на других языках (Ибн Сина свои трактаты писал на арабском, а как поэт прославился на фарси). Вы сын Азии, считаете ли вы, что на силу, талант, дух поэта влияют его родной язык, национальные пространства его родины: степь, океан, горы... Что вы думаете об этом?

– Я думаю, что на поэта влияют все: и язык, на котором он думает и пишет, и люди, среди которых он живет, и пейзаж за окном. Русский язык в Центральной Азии отличается от того, на котором говорят в России. И люди, живущие в Узбекистане, чувствуют и мыслят не совсем так, как россияне. Я уверен, что на меня, как и на многих моих коллег-земляков, пишущих на русском языке, значительно повлияло место, где я вырос и где сложился как писатель.

– И как продолжение этого вопроса. Есть русскоязычные узбекские поэты, например, Сабит Мадалиев, Санжар Янышев и другие. И талантливые современные русские поэты, которые живут в Узбекистане, считают его своей Родиной. Эти поэты напоминают «золотые мосты», соединяющие культуры. Что вы думаете об их судьбах?

– Судьба каждого поэта индивидуальна. Я знаю поэтов-узбекистанцев, которые эмигрировали из страны и исчезли из литературы, потерялись на новом месте. След, который они оставили в поэзии, связан только с их узбекским периодом биографии. В то же время пример Санжара Янышева, которого Вы упомянули, свидетельствует о том, что иногда поэт, уехавший в другую страну, удачно вписывается в новую реальность, в иной литературный процесс, занимает в нем заметное место. Сабит Мадалиев проделал обратный путь: в начале 90-х он вернулся на родину из Москвы, возглавил «Звезду Востока», и в течение пяти лет она была одним из лучших и самых заметных «толстых» журналов в СНГ.

Сегодня в Узбекистане живет и работает не так много профессиональных русскоязычных поэтов. Тем ценнее присутствие в многонациональной республике этих «мостов».

– И еще я хотел спросить о ваших наблюдениях в области тюркской, в частности, классической узбекской поэзии. Эта прекрасная поэзия по строю мышления и чувств, по духовным и национальным традициям очень своеобразна. Особая форма, путь образности... Можно ли рассматривать ее как источник, питающий новую поэзию.

– Да, у узбекской поэзии глубокая история и традиции. Именно благодаря погружению в эту традицию так неисчерпаемо творчество лучших современных узбекских поэтов, например, Рауфа Парфи. Русские поэты, живущие в Узбекистане, могли бы,

на мой взгляд, более активно изучать и переводить узбекскую литературу, в том числе, классическую. Это, безусловно, обогатило бы и их собственное творчество. В советское время узбекскую поэзию издавали достаточно много. Но часто это был усредненный перевод, поставленный на поток, и индивидуальность переводимых поэтов страдала. Сейчас проблема иная: переводят с узбекского, в принципе, мало. В результате современных узбекских поэтов, даже интересных и самобытных, мало знают за рубежом. А ведь и классика узбекской поэзии, в свою очередь, нуждается в новых, современных переводах, которые отражали бы все ее своеобразие. Для того, чтобы узбекская поэзия вызывала больший интерес за рубежом, надо достойно представить ее зарубежной аудитории, заинтересовать иностранных издателей и читателей. И здесь могли бы сыграть свою роль русские поэты Узбекистана. С другой стороны, для серьезной переводческой работы нужен серьезный стимул. Этого сейчас, наверное, как раз не хватает.

– Вот вы 15 лет назад учились и жили в Ташкенте. Как повлиял Ташкент или узбекская земля на вашу жизнь, особенно на ваше творчество. Можете поделиться какими-то воспоминаниями? И ваши пожелания любителям поэзии.

– Я прожил в Ташкенте 14 лет – с 1990 по 2004 год. До этого жил в узбекской махалле в Бишкеке. Большая часть моей жизни прошла под знаком узбекской культуры, на фоне узбекской речи. Это не могло не повлиять на мое мышление и творчество. Если говорить о моих текстах, то больше всего влияние узбекской культуры отразилось, наверное, в «Поэме ветвящегося лета», цикле стихов «Узбекские слова», рассказе «Приближение к дому». Но и во многих других произведениях, конечно, тоже.

Я часто вспоминаю Ташкент: его ярко-синее небо, шумные и многоцветные базары, спасающие от жары фонтаны, снег на вершинах гор, который сверкает на солнце в ясную погоду и зовет к себе. Но больше и ярче всего вспоминаются люди, которые живут в этом городе – мудрые, отзывчивые, с широкой душой. Свидания с этим городом каждый раз волнуют меня – хотя в последние годы он меняется так стремительно, что мы с ним не всегда узнаем друг друга.

Любителям поэзии хотел бы пожелать любознательности, открытости к восприятию нового. Мир литературы – узбекской, русской, мировой – богат и многообразен. Он может сделать жизнь человека насыщенной и интересной.

**Не спеши разрушить то, что не знало ещё тепла
прикосновения твоих рук!**

Преданность – удел Благородных!

Время не подвластно нашему сожалению о несбывшемся...

**Жалок тот, кто в суете мирской не внёс в жизнь даже тень
Добра...**

проза

МНОГОТОЧИЕ ОТСЧЕТА

Роман¹

Глава 15

Возвратившись в отель, как он и рассчитывал – спустя ровно четверо суток, Семен с утра и до обеда тшкетно разыскивал Ладу, пока, впрочем, не испытывая особой тревоги. Но когда его поиски зашли в тупик – Лады не оказалось ни в её номере, ни в одном из пяти ресторанов, ни на пляже, ни в парке – он, уставший и разочарованный, побрел в вестибюль, решив, что рано или поздно она должна будет пройти мимо. Невзирая на то, что там стоял удручающий дух непротвтриваемого помещения, он все же уселся за стойкой бара позади чахлах пластмассовых пальмочек и, не спуская глаз с главного входа, исполненный самых мерзких предчувствий – мало ли что в очередной раз взбредет в голову кичившейся своей независимостью журналистке – тем не менее, напустив на себя невозмутимое спокойствие, коротал время за баночкой «Гиннесса».

Наконец под вечер, когда солнце уже закатилось за скалу, и пошёл дождь, а разочарованная публика толпой потянулась к отелю, и когда его бесконечному терпению уже подходил конец, она соизволила-таки появиться! Но что это была за Лада! Во-первых, волосы! – когда она вошла, на какие-то крохи секунды он решил, что где-то что-то горит. Во-вторых, она еле волочила ноги и дрожала как цуцик. В-третьих, она с ног до головы была мокрая. Сухими на ней оставались только ее пламенные локоны, и, вновь, как и тогда, в аэропорту, он подумал, что она чудо как хороша! Но не ее смазливая мордашка и не эти роскошные пламенные локоны заставляли поворачиваться всех в её сторону и долго провожать ее взглядом.

Тонюсенкая кремовая марлевка, намокнув, стала насквозь прозрачной и облепила Ладины безукоризненные пропорции. Оттого-то, как Семену показалось, у нее и был такой незащищенный вид: как у пойманной с поличным преступницы. Но, похоже, Лада и не подозревала о своей наготe. Вид у неё хоть и был мокрый и незащищенный, но все же весьма беззаботный.

– Лада! Привет! И тебя тоже угораздило попасть под дождь... Вид у тебя – будто ты свалилась с обрыва.

– Привет, Семен! Я оценила твою шутку. А как ты сам? Как Стоунхендж? Все еще стоит или его смыло дождем? Я забыла ...или ты ездил на свидание к Несси? – Лада выпалила первое, что взбрело у ее бедную измученную голову.

– Лада, за кого ты меня держишь?

Семен посмотрел на нее недоуменно, словно ее слова не сразу дошли до его сознания.

– Я не археолог и не палеозоолог. Вы, журналисты, вечно всё путаете. Я тебе уже говорил: я палеоботаник...

– Я держу тебя за широкообразованного специалиста во многих областях знаний, – нашлась, – сказала Лада.

– Что ж, если я произвожу такое впечатление, тогда ладно.

Марина БЕГЛОВА

Родилась и живет в Ташкенте. Окончила инженерно-строительный факультет Ташкентского Политехнического института. Лауреат Международного конкурса малой прозы «Белая скрижаль – 2010». В 2011 году рассказ «Накануне любви» был опубликован в литературном альманахе «Феличита». Публиковалась в украинском журнале «Склянка часу».

¹ Продолжение. Начало в №№ 2, 3 «Звезды Востока» за 2014 г.

А насчёт Стоунхенджа... Мы с тобой туда обязательно съездим. Это не так далеко. Вот на Лох-Несс не обещаю, а в Стоунхендж съездим. Прямо завтра и поедем. Согласна?

– Я не знаю... Прямо завтра...

Ну конечно, Лада согласна. Но не говорить же это ему прямо. Нет, она еще очень и очень подумает, прежде чем соглашаться.

– Ну, хорошо... Расскажи, как съездил – удачно? Твой Андрюха Коваль будет спасен?

– О да! Столько всего привез! Пойдем ко мне в номер – покажу тебе весь материал.

На мраморный пол вестибюля с Лады уже порядочно натекло, и все вокруг продолжало бесстыдно глазеть на нее: кто с величайшим вождением, а кто с завистью – как на прекрасную античную скульптуру. Сообразив, наконец, в каком она виде соляным столбом стоит посреди фешенебельного отеля, битком набитого отдыхающими, и беседует с этим элегантным красавцем, Лада невзначай оглядела через плечо свой замызганный подол и шиколотки. Да она же практически голая! И стоит тут – дура душой! – в куче народу! А тем временем подошедший подол её платья встал колом, а завязки на босоножках вдруг больно врезались ей в лодыжки. Быстро в номер – прятать свой стыд и срам!

– Семен, извини! Ты же видишь – в каком я виде... Мне срочно нужно переодеться. Позвони перед сном...

Лада напоследок еще разок выдавила из себя вежливую улыбку и убежала. Было немного странно, что он ничего не сказал о ее новой прическе, а она, замороженная разговором с ним, ничего не спросила, хотя, видела, что Семен смотрел на нее во все глаза.

В лифте нестерпимо разило одеколоном, и Лада чувствовала, что задыхается. До чего же несносны эти мужчины! Они думают, что стоит им напиться всякой дрянью, вроде этого душищипательного парфюма, как все их проблемы тут же сами собой разрешатся! А мысль посмотреть Стоунхендж показалась ей заманчивой. Будет потом, что рассказать ее лучшему другу Марику Варшавскому; всякие тайны и загадки, чудеса и небылицы, раскопки и расследования – это его стихия. Едва лифт остановился на ее этаже, Лада опрометью бросилась вон.

В номере, стянув с себя омерзительно мокрые тряпки и не забыв тщательно запрянуть под купальную шапочку кудряшки, она забралась под душ и вознамерилась простоять там долго-предолго или, по крайней мере, полчаса. Блаженствуя под душем, она даже впала в забытье, чувствуя, как от усталости у нее слабеют колени. Но тут, пробудившись внезапно от дремоты, она услышала сквозь шум воды стук в дверь. Семен! Это мог быть только он, ибо фрекен Агнес только что отправилась рыскать в поисках новых впечатлений, напав по случаю дождя поверх шуршащего шелкового платья плотной вязки гарусовую кофту, и, кроме того, она никогда не стучала – ей это и в голову не приходило, а всегда пользовалась своим ключом. А вышколенному обслуживающему персоналу строго-настрого запрещалось появляться в номерах в присутствии постояльцев.

Кое-как отбтерев себя полотенцем, Лада наспех завернулась в лататик, не преминув, однако, выпустить на волю свои струящиеся локоны. Так и есть – Семён! Но вы бы на него посмотрели – в таком бесшабашном виде Лада его ещё никогда не видела! В левой руке он держал бутылку настоящего французского шампанского – наверняка прямоиком из самой Шампани, в правой – невообразимых размеров букет, а в зубах, как симпатичная болонка в рекламе газеты «АиФ», – огромную шоколадку.

– Пустишь? – Семён перестал паясничать и переложил шоколадку в ту руку, где была бутылка шампанского.

Нет, она ничего не имела против глоточка чего-нибудь усладительного и кусочка сладенького, и поэтому его впустила. Но вот букет – охапка чайных роз? В номере нет ни одной вазы – куда она их поставит? Они же, бедненькие, завянут!

– Заходи, – у Лады невозможно застучало в висках, она даже испугалась, что Семен услышит этот позорный стук.

Сейчас что-то будет... Не может не быть...

– А у тебя красиво...

Семен с интересом разглядывал ее апартаменты.

– А где соседка?

– Не знаю... Вышла погулять... Мы с ней почти не встречаемся. Наши жизненные циклы не совпадают: когда я сплю – она живет полной жизнью, она ложится спать – встаю я.

– Да... Бойкая девица!

– Девица! – Лада хмыкнула. – Видел бы ты эту девицу... По возрасту она приблизительно между моей мамой и бабулей, а по темпераменту обгонит и их обеих, и меня в придачу.

Лада видела, что Семену ровным счётом наплевать и на фрёкен Агнес, и на ее возраст, и на её темперамент. Тем не менее, она вежливо сплетничала – тянула время, как она сама

себе призналась, а Семён ей еще и поддакивал.

– А я один-одинешенек...

– Ну да? За что же тебе такие привилегии?

– А я обаятельный. Обаял администраторшу на ресепшене, она и поместила меня жить в одиночный номер.

Лада почти не слушала Семена: взбаламученная кровь билась ей в барабанные перепонки; она, как неприкаянная, торчала у окна, время от времени теребя непослушными пальцами воротничок-шалку своего махрового халатика, и улыбалась невпопад дикой, отсутствующей улыбкой. А почему стало вдруг так тихо? Даже дождя за окном не слышно. Лада оглянулась и отдернула шторы. Какая бездонная ночь... Тихая и коварная, несущая гибель... Как морская пучина, как глубокий-преглубокий колодец, как омут на Амударье – в таком омуте, тихом и коварном, давным-давно утонула мамина подруга Валя Омельченко: просто тихо-мирно вошла в воду на глазах у всех и не вернулась, даже тела ее не нашли. Аксакалы тогда говорили – а им полагается верить, – что ее утащил в свое логово сом-людоед. Огромный, трехсоткилограммовый, он поселился в этой излучине чуть ли не во времена Тимуридов и питался исключительно коровами, лошадьми, рыбами, а если повезет, то и юными прекрасными девами. Господи, и какой только чуши не отыщется в ее бедной головушке! Нашла о чем думать! Надо бы куда-то пристроить розы.

Рачительные мысли о цветах, как ни странно, заставили её вспомнить и о Семене. И тут вдруг она почувствовала на своих волосах сначала его широкие и теплые ладони, а потом его нежные губы. Боже милостивый! Как вовремя она сделала новую причёску, а не то целовать бы ему сейчас ее «сявые», как говорит ее знакомая парикмахерша Аня, волосенки! Она резко обернулась, подавив в себе желание ехидно улыбнуться. А какие у него, оказывается, навороченные туфли – судя по всему, из первоклассной кожи, легкие и мягкие, как индийские мокасины. Интересно, где он их раздобыл? В Ташкенте таких днём с огнём не отыщешь. Потом близко-близко рядом с собой Лада увидела его васильковые, широко распахнутые глаза и его пушистые ресницы, и мягкий ярко-розовый, как у ребенка, рот с ямочкой на нижней губе и легкую щетину, слегка пробившуюся над верхней губой. Только зачем он, глупенький, старался заглушить запах пива мятной жвачкой? Она ничего не имеет против пива...

За окном уже давно не видно ни зги. Не было ни ее сиятельства достопочтенной Луны, ни звезд, и даже прожекторы погасили. На полу враскоряку валялись его навороченные туфли. Рубашку и брюки Семён сбросил в кресло, а Ладина махровый халатик пушистым зверьком распластался на маленьком столике у окна. И весь этот безалаберный антураж как нельзя лучше подходил к тому, что творилось у Лады в душе.

Откинувшись на подушку, Лада слушала нежное бормотание Семена, вскоре сменившееся мягкими ритмичными вздохами и всхлипываниями, пока и они не потонули в безпредельном и всепоглощающем наслаждении...

Какая бездонная ночь... Как морская пучина, как омут на Амударье... Они все говорили и говорили о разных пустяках.

– Лада, Ладушка... Где ты была?

– А что? – глухо отозвалась Лада.

– Ничего, просто интересуюсь.

– А-а. Ездил в Пейнтон делать причёску.

– Волосы у тебя классные... – своей могучей ладонью, такой широкой, что она запросто закрывала ее узкое личико, он водил по ее рыжим волосам; они приятно пахли дождем и свежестью. – ...Я не о том. Где ты была раньше?

– А разве я тебе не рассказывала? Я была в одном чудном городке. Он называется Адамсфилд – Адамово поле. О! Жила я там у безумной валлийки и познакомилась с одной русской душою англичанкой; ее бабушка была родом из Ленинграда. А мама у этой русской англичанки зовется Сесил Сеймур, она местная светская львица, аристократка до самых кончиков пальцев, и её имя не сходит со страниц светской хроники...

Это было нечестно с ее стороны, но для красного слова не грех и немного приукрасить. Ничего! От этой Сесил Сеймур, которую ни Лада, ни Семен никогда в глаза не видели и вряд ли когда-нибудь увидят, не убедет...

– Лада! Где ты была все эти годы? Ты знаешь, мы с тобой соседи! Я тоже живу на Шота Руставели – моя квартира как раз над «Академкнигой» – и ни разу мы с тобой в Ташкенте не встречались!

Она и сама об этом думала... Просто поразительно! Уму непостижимо! Первая встречная англичанка оказывается с русскими корнями, а первый встречный попутчик – сосед. Ее лучший друг Марик Варшавский сказал бы, что тут не обошлось без подтасовки фактов.

Какая бездонная ночь... Слепая, безмолвная и беспощадная... В номере было душно и влажно, так как, забываясь, чтобы её не просквозило, Семён не позволил ей открыть окно, и Лада, откинув невзначай волглые простыни, уселась на край кровати, машинально бросив взгляд туда, где в темноте проглядывалось очертание мощного тела Семёна. И тут же ощущение сладкой неги моментально испарилось, а готовая сорваться с языка милая чушь, вроде: «вот душегубка! а не выпить нам ли еще шампанского?» – комком застряла у нее в горле. Первобытный живой страх ознобом пробежался у Лады по спине, а затем схватил и больно стиснул её сердце.

Спохватившись, Семён прикрылся, но было уже поздно.

– Семён, кто тебя так? – сердце подсказывало ей совсем другие слова, но она невнятно прошептала эти.

– «Духи». Ну, душманы.

– Вот оно что. Он воевал в Афганистане, а «духи» – это враги....»

Левое бедро Семёна – сильное, прямое и стройное – было сплошь покрыто густыми волосами, а правое – такое же сильное, прямое и стройное – было истерзано, искачено жуткими белесыми шрамами и багровыми глянцевыми рубцами.

Лада почувствовала, как в ее скванное ужасом сердце вливается неизъяснимая тоска, и оно, переполненное, исходит болью и нежностью к этому могучему, только что ставшему ей родным и близким, человеку. Откинув простыню, ни разу не моргнув и не отводя глаз, Лада сначала долго смотрела на эти чудовишные в безжалостном свете ночника рубцы и шрамы, затем медленно-медленно, слегка касаясь, провела рукой по его бедру и в полном потрясении прижалась к нему губами.

– Лада, не надо. Я стесняюсь... – Семён неожиданно заартачился и попытался ее отстранить, но она не далась и только все сильнее и сильнее прижималась к нему то щекой, то губами, а ее нерастрченная нежность разливалась миллионами поцелуев.

– Лада, я тоже должен тебе всё сразу выложить...

О, как бесконечно тяжело было ему стыдиться своего искаченного тела и все время бить наheckу, с ужасом представляя, как его зверские увечья выйдут наружу.

– ...Это ещё не все... Посмотри сюда!

Наконец, собравшись с духом, Семён резким движением приподнял выющийся на виске вихор, предъявив ей свою корноухость. Не в силах видеть этот ужас, Лада сначала даже зажмурилась и от испуга так закусила губу, что та стала кровоточить, наполняя Ладин рот вкусом крови, терпким и солоноватым. Пытаясь спрятать намернувшиеся слезы, Лада затаила дыхание и крепко-прекрепко прижалась щекой к тому месту, где среди кроваво-красных глянцевого бугров зияла черная прореха, наскоро и практически без анестезии заштопанная в антисанитарных условиях полевого госпиталя, чувствуя, как на шею у Семёна трепещут и надуваются жилы, а по щеке пробегает судорога призрачной боли.

Сглатывая накопившуюся во рту горечь с мерзким привкусом крови, Лада зашептала:

– Семён, хороший мой, родной мой, милый мой Семён... За что они тебя так?

И в этот самый момент в ней что-то вспыхнуло, словно она невзначай заглянула в тёмную бездну и обомлела, ошарашенная ее глубиной.

– Ни за что. На войне как на войне. Или, если хочешь, за то, что я защищал то, что считал по праву своим. Теперь ты все видела и давай больше не будем об этом. Я как красная девица стесняюсь своих телесных недостатков, – с отчаянием в голосе умолял ее Семён. – А если тебе уж очень неприятно, тогда...

Он не договорил. Он и сам не знал, что – тогда. Но если она скажет: топай отсель, он встанет и уйдет.

Но от Лады так легко не отделаешься. Она уже сумела справиться со своим страхом и унять отдававшийся в висках бешеный стук сердца. Теперь она думала только о том, как бесконечно он ей дорог, и что бы ей такое сделать, чтобы он это понял и почувствовал.

«Возьму твою боль...» – лихорадочные мысли кружились у Лады в голове, но никакие иные слова не шли ей на ум; и она, вся дрожа, будто заморенная голодом беззубая нищенка, с лютой жадностью набросившаяся на черствую краюху хлеба, впивалась и впивалась своими кровоточащими губами то в мягкий, податливый рот, то в горящие огнем щеки Семёна, то в его изувеченное бедро. И вот тогда-то она и призналась себе: а ты, прелесть моя, Лада Коломенцева, доигралась – ты полюбила! Все, кончилась твоя лафа.

Вот так: взяла и полюбила!

А потом другая, ещё более ужасающая мысль стрелой пронзила ей мозг: а ведь его там можно убить! Будь проклята эта война! Будьте прокляты все войны на свете!

– Семён, а ты долго воевал?

— О! Очень долго! Целых четыре дня!

— Четыре дня... А что случилось потом?

— Потом «обменяли хулигана на Луиса Корвалан...», — на мотив задорной частушки неуклюже пропел Семен. — ...Только нас, хулиганов, было шестеро советских солдат, а Луисом Корваланом была одна важная моджахедская «шишка». За его освобождение и заплатили моим ухом. Здорово — правда? Большая честь для моего уха... Да, совсем забыла... Еще сунули медаль в зубы и по-быстроу отпустили домой. Вот оттуда я и вывез своего Ермака. Знаешь, Лада, меня все время мучит один вопрос: а куда мое ухо деи потом? Выбросили на помойку, или оно в банке с формальдегидом хранится где-нибудь в подвалах КГБ, то бишь, теперь ФСБ? Вот было бы здорово, если бы лет эдак через сто рассекретили архивы и прислали бы моим пра-пра-правнукам подарочек. Получите, распишитесь: ухо вашего пра-пра-прадеда — ветерана войны! А ещё будет лучше, если его сдадут в какую-нибудь кунсткамеру, и будет оно красоваться — ухо советского солдата! — среди других заспиртованных уродьев...

Он ещё шутит! Как он может так шутить?! Вот тебе и «Джордж из джунглей», вот тебе и «выпендюжник», вот тебе и «скусающий сибарит»... Она уже давно поняла, насколько он выше всех её ташкентских знакомых. И этот герой во плоти и крови осыпал сейчас её, Ладу Коломенцеву — беспечную и беззаботную, простую ташкентскую журналистку, мать-одиночку — поцелуями, шептал ей на ухо всякую любовную дребедень. Вот таким образом и закончился этот многообещающий, долгий-предолгий день; под утро, когда чуть забрезжило, и смущенный рассвет тайком заглянул к ним в окно, Семен ушел к себе, дабы не напугать своим присутствием эту старую развратницу фрекен Агнес. Лада, задранировавшись наскоро в халатик, проводила его до лифта и там, потянувшись и привстав на цыпочки, еще раз громко чмокнула его в щеку — ту самую! А он на секунду прижал всю ее к себе. Краем глаза Лада с ехидцей наблюдала, как у дежурной по этажу, коротавшей долгую ночь за толстенной книгой, от вида этой сладкой парочки отвисла челюсть, и глаза полезли на лоб. Это была та самая дежурная, тетушка постфертильного возраста, — настоящий мастодонт в кашемировой юбке! — что каждый раз, когда Лада с независимым видом проходила мимо, немилосердно тиранила ее укоризненно-навязчивым взглядом, напоминая сдать ключи от номера на пост. Пускай теперь смотри сколько угодно и завидует, какого красавчика Лада провожает на рассвете. Да у нее самой, лишь только она взглянет на Семена, такого красивого, могучего и родного, захватывает дух!

Лада уснула, так и не додумав до конца, почему, чтобы познать любовь, ей, Ладе Коломенцевой — обыкновенной девочке из обыкновенной семьи, безвестной ташкентской журналистке, в меру ленивой и в меру любознательной, живущей себе припеваючи в своем узком мире, очень быстро заражающейся новыми идеями и также быстро остывающей и как должное воспринимавшей то, что все с ней нянчатся — пришлось прикоснуться к совершенно иному, чуждому ей миру, куда непосвященному хода нет: миру, где царят хаос и безумие; миру войн и страданий; миру крови, смерти и грязи; миру на грани сна; миру героев и сумасшедших идеалистов. Из этого, иного мира — мира вершителей истории — был ее второй, погибший на войне дед Кирилл Коломенцев; из этого мира была её питерская бабушка-блокадница, ее бабуля Катя, жизнь посвятившая памяти погибшего мужа, — маленького роста, с маленьким подвижным личиком, уморительно похожая на крольчонка, несмотря на пожилой возраст и на мучившую ее одышку, легкая на подъем, активная и энергичная, с густой копной коротко остриженных мучнисто-белых волос и просветлённым взглядом удивительных, немного грустных глаз. Разговаривала она тихим голосом, едва заметно пришепывая, очень раздражалась, если ей предлагали помощь по хозяйству, обожала рукодельничать — вязать крючком кружевные салфетки или вышивать гладыю диванные подушки, для работы пользовалась очками без одной дужки на резинке и страсть как не любила что-либо в своей жизни менять. Она была немного со странностями. Например, она одевалась в одинакового фасона платья с непременно белыми крахмальными воротничками и кокетливыми бантиками под грудью, а летом, чтобы солнце не ударило ей в голову, напяливала на свою шевелюру смешную панамку с отворотом, какие носят детишки на даче, с лица — белую, с изнанки — в мелкую «куриную лапку». Еще она иногда заговаривалась, но не то, чтобы очень, самую малость, и сама же потом оправдывалась, мол, склероз.

Из этого мира был и он, Семен Абрикосов, ее первый встречный попутчик, в одночасье ставший любимым и навеки родным.

И если от отца ей в наследство достались упорство и целеустремленность, а от мамы — привлекательная внешность, изящная фигурка и спесивость, а также уравновешенность поровну с беспечностью, то, что за скверную шутку сотворила с ней жизнь, наградив ее,

Ладу Коломенцеву, одними лишь глупыми повадками и не пустив её в этот иной мир – мир настоящих мужчин и самоотверженных женщин? И для чего её бедная забубённая головешка напичкана лишь всякой чепухой, почерпнутой то ли из книг и газет, то ли из ее родимого журнала «Альфа и Омега», вот, например, как эта: кто она – малая частица вселенского духа, единого и бессмертного, временно вселившаяся в брентную оболочку, или оболочка, населённая духом?

И самое главное: как ей, Ладе Коломенцевой, жить дальше с этим ощущением ужаса в груди, в какой повергла ее сегодняшняя длинная-преддлинная ночь, – такая бездонная, тихая и коварная, несущая погибель?.. Сердце ее ныло, а она ждала, когда же эта боль хоть немного отпустит ее, чтобы она могла как следует подумать и что-то для себя решить.

И еще одна мысль, примитивная и неуловимо-приятная, кружилась у нее в мозгу. Стоунхендж! Сегодня они вместе поедут в Стоунхендж! Так обещал Семен. Но прежде он мягко и ненавязчиво, глядя на неё обезоруживающим взглядом – о! как он умеет это делать! – потребовал, чтобы она хорошенько выспалась. И хотя сон не шел к ней, – какой, к чёрту, тут сон, когда солнце уже туго выстрелило из-за горизонта, и слабый рассвет напал на побережье? – она кротко и уступчиво пообещала поспать часок-другой.

Глава 16

В отличие от Лады, которая с посторонними всегда держалась сдержанно и корректно, а очень часто даже надменно и холодно, выдавая себя за тихоню и нелюдимку, хотя вовсе таковой не являлась, Семен даже здесь, в благовоспитанной Англии – стране с церемониями и традициями – легко заводил новые знакомства. В этом ему помогали не только его отличный английский (на одном языке далеко не уедешь), но и доверчивый, искренне заинтересованный взгляд, открытая нараспашку душа и спокойный нрав. Таких, как он, обычно трудно чем-нибудь удивить и почти невозможно вывести из себя. На пляже, в лифте или ресторане Семен то и дело кивал кому-то головой, здоровался и перебрасывался шутками, а потом, наклонившись к обескураженной Ладе, переводил шутку для нее, чтобы и она тоже посмеялась вместе со всеми. Ладу даже несколько шокировало это скороспелое панибратство, но таков уж был стиль его жизни – непревзойденность в общении. И хотя Семен никогда и никому не позволял на себя наезжать, с ним все равно было легко и запросто общаться, несмотря на весь его внешний лоск, так как питавшим к нему абсолютно искреннее расположение собеседникам и в голову не приходило пыжиться и из кожи лезть вон, чтобы казаться интереснее, чем они были на самом деле.

И все же главной и всепоглощающей страстью Семена были отнюдь не многочисленные друзья-приятели и даже не его работа в Институте ботаники, а Ермак; о нем и только о нем он мог говорить с Ладой часами, не умолая. И каждый раз Лада поражалась – откуда у такого могучего человека такое мягкое сердце? А еще Семен знал наизусть не только русские, но и латинские названия всех в округе растений, плавал если не как Бог, то лучше всех на пляже, успев за свои тридцать лет основательно поездить по миру.

Однажды за обедом его сотрапезники в ресторане, устроенном на открытом воздухе, оказалась суматошная семейка из Греции: смуглый, обросший густой шерстью папаша в блейзере изумрудно-зеленого цвета и чёрных мешковатых штанах не по размеру, с внешностью денежного мешка вроде Аристотеля Онассиса; с соответствующими повадками, разодетая в пух и прах экзальтированная мамаша с ястребиным носом и прической валиком, по форме напоминающим вытянутую краковскую колбасу, и четверо кудрявых крикливых сорванцов мал мала меньше.

– Смотри, смотри! Они же сейчас опрокинут вон ту мадам с подносом! – не глядя на Семена, громко зашептала восторженная Лада. Она даже отложила в сторону вилку, с интересом наблюдая, как эти несносные сорванцы только и ждут удобного случая залезть куда ни попадя.

Случай представился: сомлевшая на солнцепёке гречанка на миг – всего лишь на один короткий миг! – потеряла бдительность, и этим не преминул воспользоваться ее трехлетний ангелочек. Он как бы невзначай просунул свою вихрастую головку меж двух мраморных балясин балюстрады и намертво там застрял. Мгновенно выскочив из-за стола, обезумевшая гречанка заорала таким нечеловеческим голосом, что у Лады замерло сердце, а карапуз от истожного крика матери жалобно захныкал: ему, как испуганному волчонку, попавшему в капкан, было и больно, и страшно, и невдомек, что стоит ему своим хрупким плечиком чуть податься вперед, как он тут же кубарем полетит вниз – прямоиком туда, где из воды торчали жуткие железобетонные сваи. Зал ахнул; Ладу обуял дикий ужас, и она застыла, боясь даже шелохнуться; а Семен – ее ненаглядный Семен, ее

возлюбленный, ее герой! – хладнокровно оценив обстановку, в два счета оказался возле малыша. Одной рукой держа его за ноги и перевесившись через балюстраду, другой рукой он схватил беднягу мертвой хваткой и бережно вытянул наверх. Когда бедный детеныш был спасен и передан из рук в руки рыдающей во весь голос матери, она наградила его таким тумачком и так оттаскала за вихры, что кроха света белого не взвидела, а Семен всерьез подумал, не отобрать ли его, брыкающегося и упирающегося.

Метрдотель долгое время околичивался возле Семена, то пожимая ему руку, то хлопывая по спине, то просто заискивающе заглядывая в глаза, пока Семен не догадался, многозначительно хмыкнув, наклониться к Ладе и громко ей пожаловаться:

– Вот достал! Теперь он не успокоится, пока не выживет нас отсюда! Не люблю я эти дела...

Потом выяснилось, что подобный инцидент у них уже случался в прошлом году; правда, тогда для вызволения маленькой глупышки пришлось вызывать спасательную бригаду из Пейнтоната.

«Не люблю я эти дела...» «Эти дела» Семен не любил, а любил он, как Лада выяснила, тихие, немногословные пикники, где можно, запрокинув голову, полежать и помечтать в одиночестве; любил негромкую, слегка сентиментальную музыку и песни Меладзе; любил запах зажженных свечей; любил шелест осенних листьев под ногами и хруст первого снега; любил смотреть на мерцающий огонь в костре; любил предновогоднюю кутерьму с елками, подарками и ароматом домашних пирогов; любил поздние дыни-краснояски со слегка хрустящей мякотью; наоборот, не любил хурму, даже хваленый сорт «шахиня», – все равно она вяжет и от нее «язык становится как тёрка», и на дух не переносил, просто органически не переваривал чесночное зловоние; любил торт «Жозефина» с яблочным наполнителем и кремом со гущёнкой (Ладин же любимый торт – только представьте себе! – был «Наполеон», если у него вместо крема один слой промазать каким-нибудь кисленьким повидлом, лучше всего абрикосовым; ну чем не небесное знамение?!); любил, так же как и Лада, их шумную, процветающую, позазиатски немного взбалмошную улицу; из замурхрышки Дачной – Боже! какой ничкемностью веяло от этого названия! – застроенной убористыми глинобитными лачугами, она, выбившись в люди и получив респектабельное имя Шота Руставели, претерпела поистине овидиевы превращения, вскоре став надменной и манерной вообразулей, и всё продолжает хорошеть день ото дня, фасоня своими нарядными, с ажурной лепниной и навесными балкончиками домами, своими богатыми магазинами, своим новеньким помпезным фонтаном – символом благополучия и состоятельности, и, чем может похвастать даже далеко не каждый проспект или бульвар, своим собственным памятником.

А еще, совсем как Лада, в седьмом классе Семён собрался то ли на БАМ (общеизвестное веяние того времени), то ли куда-то ещё, теперь уже и не вспомнить куда, но был вовремя рассекречен и остановлен; совсем как Лада, ни разу не ездил на хлопок – Бог миловал; совсем как Лада, фанател в своё время от песен Виктора Цоя и «Машины времени», а немного после его прямо выворачивало наизнанку от заезженной мелодии «Ламбады»; совсем как Лада собирал по своему околотку бездомных котят-«тошнотиков» и пристраивал их в «хорошие руки»; и совсем как Лада, абсолютно не переваривал шумные пьяные застолья.

Оба они, как выяснилось, в одно и то же время посещали один и тот же Дворец пионеров: только Семен – студию «начинающих кулибиных», а Лада – кружок юнкоров, где все поголовно девочки были влюблены в руководителя кружка – умницу и красавца Петровича – и все наперебой старались ему угодить.

И у них была одна и та же группа крови – третья, резус-фактор положительный!

Почем знать, скорее всего, они с Семеном даже учились бы в одной школе, а может, и в одном классе, если бы заботливой Ладиной мамочке Забаве не пришла в голову гениальная идея разделить свою умничку и не по возрасту смысленную доченьку в другую, более престижную, по ее мнению, школу.

А еще Семен любил заплывать с Ладой далеко-далеко от берега – подальше от чужих назойливых глаз и, отдавшись на волю случая, покачиваться на волнах: Лада, естественно, – на зыбком надувном матрасике, Семен – рядом, как рыба-прилипала. Пристраившаяся к этим дальним заплывам Лада знала, что после прелюдии – их любовного воркования, звучавшего попеременно то в настойчивых, то в жалобных тонах, последуют неизменные поцелуи: сначала – шуточные и соленые, пахнувшие морем и забавлявшие их до смеха, потом настоящие, недвусмысленные...

Дни мчались со скоростью вихря; время, отмеренное путёвками на отдых, таяло, как

невесомое облачко; и только их обоюдное желание от раза к разу всё возрастало. Невзирая на то, что отлучки фрекен Агнесс продолжались, Лада по ночам теперь уходила к Семену. Нежно баюкая его в темноте, она думала: вот была у нее в жизни одна сумасшедшая любовь – услада ее сердца и владычица ее души, ее ненаглядная Вероника, и ей она готова отдать всё, что у нее есть, а теперь у нее появилась вторая любовь – Семен, и ему она готова отдать не только все, что у нее есть, но и придачу даже то, чего нет! И, кажется, она стала понимать, что означает выражение: «я подарю тебе целиком всю Вселенную». При этих мыслях Ладу всегда охватывало ощущение бесконечного счастья. А какое блаженство было просыпаться утром и лежать рядышком с ним, зная, что впереди целый день вместе. А потом ещё и ещё...

Глава 17

Зapolучив, во-первых, такие сногшибательные рыжие локоны, а во-вторых, Семена, озаренная любовью Лада теперь с утроенным рвением принялась фотографироваться, всюдунося свой фотоаппарат. Они с Семеном уже далеко не по одному разу успели запечатлеть себя на фоне бушующего морского прибоя и ласкового штиля, на фоне буйно цветущей глицинии и под пальмой с чешуйчатым шероховатым стволом, на фоне бело-мраморной балюстрады в компании со взбалмошными чайками и у фонтана, в обнимку с резиновым плавательным кругом на фоне многолюдного пляжа и на гребне высокой волны, причем, Лада попеременно в обоих своих упомогающих купальниках, а Семен еще и в позе играющего мышцами культуриста.

Когда до отъезда оставалось два дня, рыская по побережью в поисках животрепещущего кадра, они забрели в распростершиеся вдоль взморья песчаные дюны; причем, столь дальнее паломничество они предприняли с единственной целью – отыскать в уединенном местечке, подальше от туристских троп, тот самый непорочный пейзаж из Ладиных грез: прозрачное небо, яркое солнце, ласковый прибой, чистый песок, дикие скалы и одинокая сосна, приблудившаяся к одной из скал. Они с самого утра бродили, разувшись и чуть ли ни по уши завязая в песке, среди соснового молодняка и всё никак не могли выбрать; Лада в какой-то момент даже отчаялась. Наконец, они нашли то, что искали: одинокий первозданный утес навис прямо над береговой линией; под ним – мрачный и таинственный грот, в котором, несмотря на солнечный денек, как в пещере Аладдина, сумрачно, сыкоотно и жутко; а на вершине утеса – чудо как хороша! – совершенно одичавшая, косматая и разнузданная сосна.

Лада задрала голову – как раз то, что ей нужно, во всяком случае, трудно себе представить что-либо более опьяняюще дикое и благолепное. Край скалы нависал над гротом напоподобие козырька; вот если б он сейчас низвергся, то похоронил бы под собой и скопившуюся в низине полную воздушных пузырьков и мерзкой зеленой слизи лужу, населенную головастиками и жуками-плавунцами, и их самих. Их неожиданное появление подняло среди обитателей болотца некоторую сумятицу, а в одной из стаяк головастиков наблюдалась самая настоящая паника, так что Ладе их стало даже жалко. Все это придавало и без того сказочно прекрасному девственному пейзажу особое романтическое настроение. Вдобавок, тут и там со скалы свешивались оголенные корни – длинные, тонкие и прозрачно-белые, они походили на заспиртованных глубоководных червей из плимутского океанического музея, а из ниши в скале что-то сочилось и чавкало у них под ногами.

Семен остался с фотоаппаратом внизу, а Лада обошла скалу сзади, обулась для приличия и, пыхтя и загребая ногами песок, бодро начала карабкаться по ее отлогому склону наверх. Послеполуденное солнце нещадно палило, пыль и легкий песок вздымались у нее под ногами, сосновые иголки набились в туфли, а легкий ветерок доносил с вершины терпкие ароматы нагретой жаром хвои; кругом царили безмолвие и умиротворение. Лада взбиралась по откосу в полной уверенности, что ни одна человеческая нога, по крайней мере, со времен Вильгельма-Завоевателя, до нее здесь не ступала, ведь отовсюду веяло лишь первозданной дикостью и сонным, благоговейным покоем.

И тут сквозь застилавшую ей глаза пелену пота она увидела на песке совсем свежие следы босых человеческих ног. Интересно, что это, кроме нее, додумался брать приступом эту скалу? И зачем? Наглотавшись пыли, Лада закашлялась и вдруг прямо перед собой увидела двух белокурых сирен, загоравших на скале в чем мать родила с самой беспечной безмятежностью, на какую только способен современный, вечно замученный проблемами человек. Точнее, эти сирены уже успели загореть так, что стали похожи на смуглых японских искательниц жемчуга, а сейчас, лежа ничком, подставляли

жаркому солнцу свои сияющие белизной попки. Развалившись на огромных цветастых полотенцах, они были словно жареные цыплята-табака на блюде: сочные, аппетитные, с румяной корочкой.

Застигнутая врасплох этим живописным зрелищем, Лада невольно ойкнула и прежде, чем деликатно ретироваться, сочла уместным извиниться по-английски; после чего у нее с перепугу чисто по-русски вырвалось:

– Блин!

– О! Вы русская! Нашего полку, значит, прибыло! Невероятно! Потрясающе! Воистину: русские повсюду! А вы откуда? Не из Москвы? А мы с мамой из Москвы! – возбужденно зататорила одна из незнакомок, и ее карие глаза заблестели от неподдельной радости.

– Я из Ташкента.

– А вы давно приехали? Вы здесь одна? А вы не знаете, ещё наши здесь есть? Извините, что я вас так бесцеремонно расспрашиваю – просто я первая русская, которую мы встретили за три недели.

Усевшись прямо на шетинку молоденькой травки, оказавшейся мягкой, как соломенный тюфячок, Лада начала неторопливо рассказывать:

– Нас из Ташкента здесь двое и больше никого из своих мы здесь не встречали, хотя приехали давно и послезавтра уже уезжаем...

Девушка придвинулась ближе к Ладе и, косясь в сторону матери, заговорщически зашептала:

– А нас трое, и мы уезжаем уже завтра. Жалко, правда? А сегодня мы с моей мамочкой возжелали попользоваться теми благами, какими ещё не успели. А что? Имеем право! Так мы приобщаемся к матушке-природе! А наш папочка с нами никогда не ходит. Он или целый день сидит в баре с газеткой и накачивается пивом, или с балкона следит за нами в бинокль. Поэтому сегодня мы с мамочкой надумали напоследок сбежать от его всевидящего ока. Сначала мы просто шались по берегу, а потом забрались сюда и решили позагорать в стиле «ню». Мы вас не шокировали?

Нет, они Ладу несколько не шокировали: что она в жизни голых тётенок не видела что ли?

Ну и как, ей понравилась Англия? А Ла-Манш? А Пейнтон? А была ли она в Портленде? Ну и как? И в порту тоже была? А трансконтинентальные лайнеры видела? А на водопады ездила? А в Стоунхендж? А в дегустационном зале была? А виски пила? А какой марки? «Джонни Уокер» или что-то другое? А скотч пробовала? А мохито? А мадеру? А мартини? А шерри-бренди? С вишенкой? И даже джин? Ну и как?

О! Англия прекрасна, в том нет сомнения! И Ла-Манш тоже! Только немного холодно-ват? Да, особенно по сравнению с Черным морем. Но зато намного чище! А погода? О! Погода – это чистое наказание! Если Лада думает, что это у них с мамочкой английский загар, то она глубоко ошибается! Это – московский солярий! А в Ташкенте есть солярии? Лада точно не знала – она предпочитала все натуральное, – но подозревала, что есть: у них в Ташкенте с некоторых пор как в Греции, всё есть. А как Лада находит некоторые здешние гастрономические изыски? Не – фи! – устрицы, а – о! – устрицы! И молодая москвичка театрально возвела свои египетские, узкие и длинные, очи к небу. Лично они с мамочкой всегда предпочитали что-нибудь лёгкое, некалорийное, лучше всего – из средиземноморской кухни, а их папочке всё равно, лишь бы побольше, пожирней и понаваристей...

– ...Я Варвара. Или Варя – как вам больше нравится. А хотите – Барби! А моя мамочка – Анастасия!

Анастасия как лежала с самого начала, не поднимая головы, так и продолжала лежать. «Видно, – подумала Лада, – в свое время Варвара ее так выдрессировала, что она теперь в присутствии дочери и пикнуть не смеет».

– А меня зовут Лада.

– Лада, а вы кто по профессии?

– Я журналистка.

– А я студентка, учусь в Инженерно-строительном на ВК... А вы знаете, что такое ВК? Лада призналась, что понятия не имеет.

– О! Даже не утруждайте себя, все равно ни за что не отгадаете. Это водоснабжение и канализация! Классно, правда? Так что через три года я буду дипломированным ассенизатором. Вы даже вообразить себе не можете, какой из меня получится талантливый и непревзойденный ассенизатор!

Внезапно горькая усмешка, совсем как у обиженного ребенка, который, глотая слезы,

храбрится и лезет на рожон, искривила губы Варвары.

— ...Так уж решили мои мамочка с папочкой. А больше я, в сущности, ни на что не годна, коли умом Боженька обидел. Уж такая я бездарь, баламутка и шалопайка! Ах, да, забыла! Ещё и разгильдяйка!

Ничего себе, утешительный диагноз поставила сама себе эта неугомонная болтушка! Это уже был откровенный бунт. И её мамочка Анастасия, наконец, не выдержала.

— Варвара, прекрати! Что за идиотская выходка! Это уже чёрт знает что такое! — не поднимая головы, бесцветным голосом сквозь зубы прошептала она.

Варвара же, закатив свои египетские глаза к небу, уже как ни в чём не бывало продолжала:

— А у нашего папочки Михася, знаете ли, такая большая и солидная маркетинговая фирма. Он у нас истинный баловень судьбы, видать, его, когда он родился, наш Боженька в лобик поцеловал, вот он и стал процветающим негодяном, хотя совсем недавно был простым офицерским чином и состоял на службе у нашей отчизны. А наша мамочка, в старые добрые времена рядовой советский инженер, с некоторых пор стала прекрасной куртизанкой и теперь вращается исключительно в обществе таких же, как она.

— Варвара, угомонись. Ну что ты такое говоришь, ей-богу! — тусклым голосом прошептала Анастасия.

Сюда, устав ждать, в любой момент может пожаловать Семен. Лада подумала, что ей будет неприятно, если он застанет их в таком неловком положении. А этим двум, по всей видимости, было ровным счётом наплевать на своё безобразие, потому что они и не думали одеваться. Обе они обнаруживали отнюдь не мизерное сходство: и мать, и дочь, были миловидные, круглолицые простушки, у обеих на загорелых личиках блестели одинаковые карие глаза, у обеих торчали зазорные курносые носики, и чисто по-русски сквозь загар пробивался здоровый деревенский румянец. Но у Варвары, в отличие от слегка поблекшей Анастасии, юная мордашка светилась еще и особой девичьей мягкостью.

— ...Что такое опять, мамочка? Я вроде ничего такого не сказала... Лада, а вы читали «Блеск и нищета куртизанок» Бальзака?

Ещё бы! Лада не только добросовестно прочитала, но, видимо, на всю оставшуюся жизнь запомнила, как ещё на первом курсе, пытаясь её затопить на экзамене, эта злючка — преподавательница иностранной литературы — докопалась до Лады с образом злосчастной Эстер.

— ...Так вот, мамочка, если бы ты интересовалась не только материальной, но и духовной пищей, то наверняка бы знала, что куртизанка — это всего лишь бездельница и паразитка, сидящая на шее у мужчины...

Атмосфера опять накалилась. Эти дерзкие слова Варвары вновь вызвали у Анастасии вялый взрыв негодования, но тут как раз подошёл Семен, и обе сирены, дружно ахнув, не торопясь начали приводить себя в порядок. Заколками укрепив на затылке свои льняные, растекающиеся по плечам волосы, они водрузили на лоб наподобие ободка солнцезащитные очки, не спеша, с прохладцей поднялись и лишь затем, посверкивая влажными карими глазами, самих себя задрапировали в широкие махровые полотенца, на коих только что валялись.

— Познакомьтесь: это Семен! — отчеканила Лада. — Семен, а это представь себе, две русские девушки из самой Москвы: Анастасия и Варвара. Анастасия — мама, а Варвара — дочка...

Лада говорила несколько отрешённо, не глядя ни на Семена, ни на москвичек. Внезапно вспыхнув и поджав губы, она подумала: уж не ревнует ли она? К этой малахольной кокетке? Еще чего, голубушка! Даже и не думай! Нет, ну правда, до чего же та назойлива! Липнет, как пчела к варенью.

А Варвара своими острыми, как кайенский перчик, глазами уже поглядывала на Семена.

— Так вы тоже из Ташкента? Вы вдвоём приехали? А у нас в Ташкенте есть родственница. И как она к нам ни приедет, зимой ли, летом ли, обязательно привозит дыню! Вот ей-богу, Боженька не даст соврать! Скажите, у вас что, дыни спеют круглый год? — вперив в Семена глаза и округлив губы, Варвара смиренно ждала ответа.

Лада даже чуть заметно фыркнула.

— А вы яблоки круглый год едите? И они у вас в России спеют круглый год?

— Так то — фи! — яблоки, а это — о! — дыня! — провозгласила Варвара сладеньким голосом, а потом, многозначительно помолчав, с таинственной важностью добавила, — а мы сегодня ночью напоследок решили сходить в казино. Вы не были в здешнем казино? Нет?

А наш папочка Михась ходит туда частенько и даже хвастает, что выигрывает. Но мы с мамочкой ему не верим, потому что знаем, какой он у нас известный капитан Врунгель, хотя он и ручается честным словом офицера...

Варвара, вскинув голову, метнула на мать осторожный взгляд, но та как молчала, так и продолжала удрученно молчать. Ноль эмоций.

– ...Просто он боится мамочки. А мамочка у нас не ксантиппа какая-нибудь и вовсе не думает ругаться или устраивать ему скандалы. Она у нас добренькая-предобренькая! Правда, мамочка?

Лада показалось, что эта сладкоголосая негодница Варвара то дразнила мать, откровенно ерничая и ожидая, когда у той лопнет терпение, то бросалась ее задобрить, а потом с нетерпением поджидала случая, когда снова можно будет ее изводить и подкалывать острым словом, будто жалить ядовитым шипом. В ее узких и длинных глазах словно притаился вызов: попробуй мне возразить, тогда узнаешь! В отличие от апатичной, исполненной феноменального безразличия и спокойствия Анастасии, излишне суматошная Варвара была вся как натянутая струна. Стоило задуматься и становилось ясно: что-то с их семьей не так, что-то не в порядке. Лада подумала, что под этим Варвариним невинным шутовством и фиглярством скрыта какая-то семейная трагедия, – у нее на это всегда был реальный нюх. Теперь её уже заинтересовал и этот пузатый папочка Михась, но чисто профессионально, как она сама себе сказала. А чью позицию занимает он? Или у них каждый на своём берегу? Интересно, а кто у них в семье претендует на роль «первой скрипки»? Или всё очень просто: кто первым палку взял, тот и чапрал?

На этот раз Анастасия ничего дочери не ответила, а, моментально сменив гнев на милость, лишь чмокнула в облупившийся нос и вновь уставила свой скучный, немигающий взгляд в никуда, отрешенно созерцая пустоту. И правильно сделала – ведь стоило ей лишь открыть рот, как эта маленькая грубиянка тут же на неё набрасывалась.

– Лада, Семен! А идёте в казино с нами! Как вам такая идея? А? Вы ведь там не были?

– ...Покажем им, как Хрушев, кузькину мать! Призовём на помощь нашего всеобщего русского бога «авось» и обыграем их в пух и прах! Только учтите, форма одежды – парадная, чтобы все видели: мы, русские девушки, не какие-нибудь чучундры.

Было решено вечером встретиться в вестибюле у фонтана и впятером пойти в казино.

– Лада! Запомните: форма одежды – парадная! Они все должны попадать к нашим ногам! А то мне надоело терпеть, как эти паршивые жеманные англичанки задирают свои напудренные носы!

Глаза Варвары метали молнии; окрылённая заманчивой перспективой показать здешней публике «кузькину мать», она уже вся была в предвкушении триумфа и славы!

Глава 18

Честолюбие Лады, воодушевлённое Варвариным замыслом отстоять честь нации и доказать этим англичанкам и прочим разным шведкам, что и они – русские! – чего-то стоят, не позволило ей подойти к такому «великому» в её жизни событию, лишь бы как.

Она покажет все, на что она способна!

Достав из шкафа и пересмотрев все свои наряды, несколько раз попеременно с помощью фена уложив и вновь расчесав волосы, а перед этим не забыв выпроводить из номера Семена, дабы он не мешал и не путался зря под ногами в такой ответственный момент, Лада с приближением назначенного срока чувствовала себя на грани провала.

Извечная женская проблема – что надеть? Пересмотрев и отвергнув все как недостаточно шикарное и дерзкое Лада оставила на кровати лишь своё сногшибательное «зменное» платье и новенький английский костюмчик, купленный не ранее как вчера в Пейнтоне.

Костюмчик был из тонкого нежного бархата цвета неспелой вишни с золотыми позументами на лашканах и обшлагах рукавов. В магазине, когда Лада, надев его, вышла из примерочной похвастаться в обновке перед Семеном, он еще при этом привстать на цыпочки, дабы выглядеть еще выше и стройнее, хотя костюмчик и так был невообразимо обужен, Семен не преминул заметить, что в этом костюмчике она – вылитый залихватский симпатичный тамбурмажор, не хватает только золотой тросточки и высокого кивера с плерезами. Костюм был бесподобен! Но, во-первых, он еще не успел как следует отвиснуть и кое-где моршил. Во-вторых, юбка была несколько свободна в талии. В-третьих, к костюму полагались бордовые замшевые лодочки – именно такие у Лады были, но в Ташкенте. Ну и, в-четвертых, Лада не совсем была уверена, достаточно ли у нее в этом костюмчике вызывающий вид.

Значит, оставалось многократно проверенное «змеиное» платье. Оглядев и обнюхав его со всех сторон, Лада не обнаружила на нем не единого изъяна: платье было чистое и сидело на ней в отличие от бархатного вишнёвого костюмчика безупречно, так как было из тонкого эластичного трикотажа.

С помощью лака и фена она уложила волосы так, чтобы они пышными волнами обрамляли её лицо, огненными змейками вились по плечам и сплошным полотном покрывали спину, энергично из стороны в сторону помотала своими шикарными локонами, потом собрала их в небрежный пучок и заколола всю эту ослепительно-огненную копну одной-единственной шпилькой. Вышло восхитительно!

Вот теперь она была почти готова; оставалось лишь самое слабое звено – её руки. Чернее переливающееся платье, яркий макияж, высокая причёска подразумевали также свежий маникюр, и, плюнув на свои предубеждения, кстати, ничем не обоснованные, Лада отправилась в ближайший маникюрный кабинет.

Грандиозность ее приготовлений уже несколько притомила Ладу. Когда Семен зашел за ней, Лада ужинать наотрез отказалась. Если полдня стоишь перед зеркалом, то не до еды, мужчинам это понять не дано!

Просто поразительно, с каким проворством некоторые умудряются и поужинать за двоих, и собраться! Семен переоделся и в свежей рубашке, белой с широкими бледно-голубыми полосами, был неотразим. Ну почему пекущимся о своей красоте бедным девушкам поперечная полоска категорически противопоказана, в то время как некоторые, кому до этого и дела нет, могут себе позволить все? «Закон подлости, не иначе», – подумала Лада.

Наконец Лада вошла в тувельки, застегнула крест-накрест нарядную лаковую сумочку, в последний раз критически оглядела себя и сказала, что готова.

Вот тут-то на нее и навалилась такая несусветная, такая изнурительная усталость, что идти стало куда неохота.

– Может, ну их всех к черту? А, Семен? Останемся?

Острый взгляд Семена уже заметил её состояние.

– Лада, Ладушка... Ну что ты? Постой... Подожди... Глупышка, чего ты испугалась? Все ведь хорошо. Я с тобой... Я всегда буду с тобой...

– Стою. Жду.

Он сжал ей запястье и манерно, как в фигуре танца, развернул, разглядывая со всех сторон.

– И ты еще хочешь, чтобы мы остались, а ты бы весь вечер страдала, оттого что все твои старания пошли псу под хвост?

Хочет ли она? Хотеть не вредно!

– И потом, Лада, мы же обещали этим москвичкам... Они, наверное, уже заждались...

– Да, да! Конечно! Идем.

Сдались ему эти москвички! Лада напоследок ещё разок удрученно вздохнула, сосредоточенно сдвинула брови и в таком хмуром виде, на всякий случай, схватив Семена за руку, наконец-то покинула номер.

Едва ступив на холодный мраморный пол вестибюля, они тут же наткнулись на Варвару, нетерпеливо поджидавшую их у лифта.

– О! Наконец-то! Лада, а вы молодец! То, что надо! Должна признаться, что от вас я этого не ожидала, – первым делом беззастенчиво заявила она, разглядывая Ладино переливающееся, в зеркальных чешуйках платье; а Лада для пушного эффекта, шутивно подбочившись, ещё и покрутилась перед ней, украдкой оглядываясь по сторонам. Ну же! Где этот достохвальный папочка Михась, который себе на уме да к тому же толстяк, каких свет не выдывал?

– Лада, а вы не боитесь, что Семён потом направо и налево будет рассказывать, как пригрез на своей груди змею? – съехидничала Варвара, имея в виду Ладино «змеиное» платье.

И хотя всем было ясно, что ею это было сказано в шутку и безо всякого злого умысла, невеста откуда появившаяся Анастасия не преминула осадить дочь:

– Варвара, прекрати!

– Ну что ты, мамочка! Это просто такой прикол. Лада вовсе и не думала обижаться, – невинно отпаривала Варвара и, взяв мать под ручку, направила с ней в сторону казино.

Варвара надумала сотворить из себя женщину-вамп, для чего вырядилась в очень длинное и узкое платье из темно-синего тяжёлого велюра – глухое спереди и чрезвычайно открытое сзади; на голове она соорудила множество плоёных завитушек, симметрично

разместив их по бокам приплюснутого зигзагообразного пробора, а на самую макушку нацепила нечто, смахивающее на крохотную шляпку-«таблетку» с вуалью.

Анастасия была в изысканном чёрном платье с пачкой из тугой шуршащей органзы, а свои льняные волосики она прилизала и уложила в скромный узелок. «Вылитая Одиллия», – глядя на нее, подумала Лада.

Обе – и мама, и дочка – были основательно разукрашены.

Позади них, громко сопя и переваливаясь с боку на бок, плелся сам Михась; причем, его брюхо с лихвой оправдало все самые смелые Ладины чаяния. Громадную тушу Михасы венчала неожиданно маленькая головка с мясистым потным лицом и основательно прореженной тусклой шевелюрой, а два маленьких, узко посаженных, острых, как буравчики, глаза сияли поверх тонкого короткого носа и сочного рта предвкушением хорошей игры.

У входа в казино все отдыхающие как по команде ненадолго останавливались, чтобы перевести дух: мужчины, теща себя надеждой о приличном выигрыше, а дамы, предвкусывая сокрушительную победу над соперницами.

Но если Варвара основную ставку сделала на свою донельзя оголенную спину, а Анастасия в открытую фасонила своими чёрными пачками а-ля Одиллия, то ковылявший за ними потихонечку Михась был явно обескуражен предстоящим ему нелегким испытанием – весь вечер провести в обществе двух своих красавиц. Он хоть исподтишка и гордился своим достоянием, но, все же, то и дело, пыхтя и отдаваясь, суетливо поглядывал по сторонам, вознамерившись при удобном случае ненароком слить. В его манере преподносить себя Ладе виделось что-то пресное, выхоленное, будто, натворив дел в прошлом, он теперь посадил свою душу на умеренную диету.

Первым делом полагалось в кассе, расположенной у входа в казино, обменять свои наличные на фишки, что каждый из них пятерых и не преминул сделать, сообразуясь со своими средствами и голосом совести. Причем, эта подстрекательница Варвара, а она была все так же невоздержанна на язык и своим кудахчущим от восторга голосом уже начала Ладу несколько утомлять, упоенная нетерпением как можно быстрее «сделать» всю эту нудную компанию, ещё и всячески их подзуживала:

– Лада, берите побольше! Сейчас мы их сделаем! Сделаем так, что они надолго запомнят русских! Семен, не стойте стоймя! Идите и займите нам места! Лада, вы только посмотрите на этого самодовольного крупье! Чур, он – мой! Вы как хотите, а я сажусь к нему!

Плотноядно скалясь, широким, решительным шагом Варвара уже шла к намеченной цели. Лада, не долго думая, двинулась за ней. Они уселись за относительно пустой длинный стол с зеленой суконной столешницей, сделали ставки; потом ещё и еще...

Вопреки своим ожиданиям, Лада в этом алчном притоне не увидела для себя ничего интересного, хотя казино кишмя кишело отдыхающими. Разряженная публика в основной массе степенно восседала на диванчиках, вяло следя за единичными игроками. Игроки, задрипанная шушера вроде насупившихся старичков или совсем юных девиц с вульгарными манерами, мало интересовались жужжанием рулетки, а все больше напивались вздырг или стреляли по сторонам глазками. Время от времени кто-нибудь из соглядатаев подходил к столу, где шла игра, описывал вокруг него круг, видимо, изучая ситуацию, и возвращался на место.

Анастасии нигде не было видно, но Лада знала, что она, скорее всего, где-то за соседним столом – отдыхает от острого язычка своей дочери. А что касается облыжно обвинённого в мотовстве Михасы, совесть которого была всё же неспокойна, то, как только они вошли, он сразу же растворился в общей куче народу, дабы никто: ни жена, ни дочь, не посмели умирять буйство его жаждущей азарта души, и больше они его не видели.

Семен ставил «по-маленькой»; Варвара, непрестанно болтая, то и дело вскрикивая и вертясь, как егоза, на своем высоком стульчике, то меняла ставки, то путалась в расчетах, а потом вдруг, жеманно поджав свои перламутровые губки, неожиданно присмирела, как шалунишка после хорошей взбучки, и не мигая уставилась на невозмутимого крупье; Лада же – широкая душа! – почти сразу проиграв подчистую все свои фишки и наотрез отказавшись взять у Семёна хотя бы часть его фишек, умильно сложила ручки на коленках и с чувством исполненного долга взирала на исходивших нервной дрожью игроков.

Сделав дело и из деликатности немного посидев за компанию с Семеном и Варварой, она, в конце концов, дабы их не смущать, отошла в сторонку, а вскоре к ней присоединилась и утихомирившаяся Варвара, продолжая про себя над чем-то подсмеиваться.

– Какой позор! Зато будет потом что вспомнить! Лада, а вас за столом не посещала

сладостная мысль, что вы за бесценнок продаёте свою бессмертную душу дьяволу? Меня – да! Как вы думаете, было бы правильно, если б на входе в подобные заведения в качестве предупреждения полагалось писать: «Оставь надежду всяк сюда входящий»? Клево я придумала, правда? Это как на пачке сигарет: «Курение вредит вашему здоровью». А еще говорят, что новичкам везет! Туфта все это. «Чайники» – мы и есть «чайники»! Пойдемте, что ли, напьемся с горя – залечим раны!

Проигравшимся в пух и прах игрокам в утешение за счет заведения полагалась либо чашечка кофе, либо что-нибудь горячительное. Сделав распоряжение насчёт кофе, Лада с Варварой уселись на зыбкий диванчик под пальмой, от которой исходил прелый дух древесины, и, внутренне самооправдавшись тем, что везет только дуракам, принялись терпеливо ждать Семена с Анастасией.

Покончив с кофе, Лада от нечего делать перевернула свою чашечку вверх дном и принялась изучать марку фарфора; она уже успела немного расслабиться, а пребывавшая все еще не в духе Варвара, шуря свои и без того узкие египетские очи, нервно закурила, забилась в угол диванчика и принялась взглядом выискивать в толпе мать.

– Вот она! Оказывается, ей мало позора,... – громко прошептала она, и ее египетские глаза сверкнули откровенным презрением. – Лада, вы представляете, она ещё ходила за фишками! Ну где вы видели такую идиотку?!

«Такую идиотку» – да разве ж так говорят о родной матери?! Ладу всю так и передернуло.

– Варвара, как вы с вашей мамой строги.

Варвара, глубоко затаившись, ничего на это не сказала; но потом, немного помолчав, вдруг пристально посмотрела на Ладу и ни к селу, ни к городу спросила:

– Лада, а вам нравится имя Снежана?

Всё это было до того странно и непонятно, что Лада, которая в жизни не знала ни одной Снежаны, сначала прилежно задумалась, стараясь определить своё отношение к этому имени, но, так и не придя ни какому решению, чисто из вежливости ответила:

– Красивое имя.

– Просто красивое?! – Варвара неожиданно возмутилась. – Да это же самое лучшее на свете имя! Лада, вы послушайте: Сне-жа-на! Слышите? Оно всё такое ласковое, трепетное и вовсе не холодное, как некоторым кажется, а родное и тёплое, как ангельски чистые подснежники в апреле. Лада, вы любите подснежники?

– Люблю.

– А они у вас в Ташкенте-то хоть цветут?

– Да, только не в апреле, а в январе...

– Всё у вас в Ташкенте не слава Богу! – со всей бесцеремонностью заявила вдруг Варвара. – Всё не как у людей! И дыни у вас круглый год, и подснежники в январе, и даже абрикосы вы не съедаете, пока они свежие и сочные, а сушите и едите эти сморщенные мумии!

Ладе стало обидно за Ташкент. Что эта нахалка себе позволяет?! Но вместо того, чтобы ответить в том духе, что её родные москвичи тоже как миленькие копают и ташкентские дыни, и эти жалкие мумии – курагу, Лада вдруг начала оправдываться:

– Вообще-то диких подснежников у нас нет, а в горах цветут только крокусы, но зато подснежники растут в саду моего деда... – Лада подумала о старом доме на Паровой, где, в сущности, она и провела своё детство; она будто наяву увидела и огромный сад, и столетнюю раскидистую орешину, и – чудо из чудес! – белоснежные подснежники, чьи нежные головки на тонких прозрачных ножках, согретыые дыханием грядущей весны, смело проклёвываются сквозь прошлогоднюю прелую листву, а она, малышка Лада, или Ладуся, как её ласково зовёт дед до сих пор, в кроличьей шубке и белой пуховой шапочке с огромным помпоном сидит на корточках под этой орешинкой и собирает цветочки в крохотный букетик. – ...Мой дед во время войны выкопал в Германии луковички подснежников и привёз в Ташкент...

– Делать ему совершенно было нечего – вашему деду! На войне воевать надо, а он – подснежники... Он, что у вас, мичуринец? – Варвара презрительно фыркнула.

Лада была готова ринуться в бой за деда, но тут Варвара, вдруг понизив голос до шёпота, сказала:

– А Снежаной звали мою маму... – и её египетские глаза сразу потускнели, задрнулись и набухли слезами, а перламутровые губы вытянулись в тонкую, скорбную нить, – ...а эта Анастасия вовсе мне не мать!

Вот те на! Приехали! То «мамочка, мамочка», а то без обиняков заявить такое: «вовсе не мать»! Как же не мать? – ведь у них практически одно лицо: загорелое и круглое

как у русских матрёшек с одинаковыми карими, узкими и длинными глазами! Лада ошеломлённо посмотрела на Варвару.

— Не мать? А кто?

— А никто! Они думают, раз я была маленькая, то ничего не понимала! А я понимала... Всё равно я скоро от них уйду... — Варвара презрительно скривила губы. — ...Вот через три года окончу этот чёртов институт и уйду навсегда! Лада, ведь это они виноваты в смерти моей мамы. Они оба: и она — эта копчёная селедка Анастасия, и отец! Они думают, раз я была маленькая, то всему поверила. Но я-то знаю, какая я для них обуза! Эта Анастасия вечно вся такая нежная и ласковая, без устали хлопочет по дому, окружила меня заботой, а самой — я же вижу! — ох как хочется меня за шкирку и как приبلудного котёнка выкинуть вон!.. Когда это случилось, я была совсем маленькой и, естественно, я тогда ничего не поняла, но зато кое-что запомнила... Помнила и молчала об этом, а по-настоящему прозреть я начала уже в школе, кажется, в девятом классе. Нас в тот день отправили в поликлинику на медосмотр и раздали анкеты. Я раскрыла свою анкету, а там на первой же странице чёрным по белому написано: появилась на свет в результате кесарева сечения. Лада, вы понимаете, — кесарева сечения?!

Лада не понимала. Ну и что? Она оторопело посмотрела на Варвару. Подумаетесь, эка невидаль, — кесарево сечение? Мало ли какие у женщин бывают для этого причины? И узкий таз, и неправильное положение плода, и миопия высокой степени, и...

— Лада, у вас что — куриные мозги или девичья память? Вы же видели её сегодня голой! А теперь вспомните её живот — где шрам? Да она же вся как точёная статуэтка — чистая, гладкая, блестящая и нигде никакого шрама!

Может, и был у Анастасии шрам — Лада не помнила. Она помнила лишь её стройный стан и тощую попку. Но если Варвара говорит, что шрама нет, что ж — ей видней!

— ...Да она вообще никогда не рожала и даже беременной не была! У вас есть дети?

— У меня дочка.

Варвара недоверчиво посмотрела Ладе в глаза, а потом окинула взглядом её плоский живот.

— Да, у вас с этим делом всё в порядке. Хотя — не важно! Лада, подумайте: мне — двенадцать, ей — тридцать пять! Она родила меня в шестнадцать лет?! Ну, хорошо, допустим, согрешила девочка и родила, но как она умудрилась с новорожденным ребёнком на руках и школу вовремя окончить, причём, заметьте, с медалью, и институт? Тоже мне, героиня! Врёт она всё! Они всегда мне ввали...

Не вполне доверяя всему тому, что ей наговорила сейчас Варвара, Лада перебила её:

— Варвара, подождите, а Снежана?

Варвара долго думала, прежде чем ответить Ладе, видимо, собиралась с духом:

— Снежана — это её старшая сестра. Я её немного помню. Она была такая красивая! Она умерла. Мне потом сказали, что она умерла в больнице после неудачной операции. Врут! Они всегда мне врут! А я нашла дома свидетельство о её смерти, ещё кое-какие бумаги и результаты вскрытия с заключением патологоанатома... Лада, они же меня всю жизнь держат за неумеху, лоботряску и недотёпу, а сами даже спрятать получше не удосужились! И знаете, что показало вскрытие? Смерть наступила от удушения в результате повешения! Она повесилась из-за них! А мне ввали про неудачную операцию. Один Бог знает, чего мне стоило тогда преодолеть душившие меня ненависть и отвращение к ним! Я стерпела, может, мне это потом на том свете зачтётся: одной скорородкой меньше будет!.. — ...Господи! Какая дугубка! И они ещё позакрывали все окна! — Варвара схватила себя за горло. — Лада, давайте выйдем в холл — там воздуха побольше... — и направилась к выходу.

Лада для себя ещё не решила, как ей воспринимать эти неожиданные откровения. Как досужие сплетни? С блеском разыгранный спектакль в театре одного актёра? Или в этой странной семейке действительно когда-то случилась катастрофа? А Варвара — кто она на самом деле? Бесёнок, выдумывающий невесть что, или глубоко несчастное создание, одинокое и беззащитное, верная дочь своей истинной матери, в память о которой она наложила каинову печать на всё, что касается ненавистной ей Анастасии; а, приняв на вооружение тот факт, что лучшая защита — это нападение, она и заняла по отношению к Анастасии явно наступательную позицию.

Варвара, видимо, решила добить сегодня эту тему до конца, потому что она внезапно вернулась на прежнее место и уверенным голосом заговорила вновь:

— Лада, не думайте, что это всё выдумки, плод моего воображения и не более того. Нет! Теперь я вам скажу, как всё было. Моя мама... не эта... — Варвара кивнула головой в сторону центра зала, где под громадной хрустальной люстрой толпилась куча народу. — ...А

моя настоящая мама Снежана заболела. Её положили в больницу, а эта осталась сидеть со мной... А потом мама внезапно вернулась домой – Господи! прямо как в дурацком анекдоте! – и застала его, своего мужа Михася, со своей родной сестрой. И она, конечно же, не выдержала – покончила с собой! Я знаю, вы сейчас скажете, что Анастасия – вся такая сдержанная и кроткая, невинная жертва, загубленная злодеем, а во всём виноват он – коварный соблазнитель. Но, во-первых, курочка не захочет – петушок не вскочит, а во-вторых, мой папочка Михась хоть и производит впечатление неотесанного громилы, но в душе суший агнец – пальцем помани, он и пойдёт. Кому, как не мне, его дочери, знать это? Нет, он здесь абсолютно ни при чём! Это всё она... хотя и он тоже неплохо устроился: первой жены не стало, так под боком вторая, ещё моложе, и даже тёща всё та же!

Варвара, напоследок всплеснув в отчаянии руками, в полном изнеможении откинулась на спинку диванчика и прикрыла глаза. Было похоже, что впервые за долгие годы мучившая её тайна сокрушила её. Вдруг она подняла глаза и с такой силой стукнула кофейной чашечкой о блюдо, словно вознамерилась разбить их вдребезги. Лада от неожиданности даже вздрогнула.

– Лада! Сюда идёт Семён! Я вас умоляю: сделайте мужественное лицо, а то оно у вас расплзлось, как у схватившей нечаянную двойку отличницы. Никто ничего не должен знать! Никто! Запомните: для всех я их родная дочь! И всё! И точка!

Видимо, сам Бог послал на помощь Ладе Семёна, а то бы этой долгой Варвариной мелодраме не было конца. А Ладе так хотелось подумать. Она никак не могла взять в толк: почему Варвара именно её выбрала в слушательницы? Только ли потому, что той приспичило исповедоваться, а тут как раз подвернулась Лада? Так, кажется, обычно и бывает: подходит к концу недолгое случайное курортное знакомство, и дело доходит до откровений, а завтра они распрошаются и забудут друг друга навеки?

– ...Фи, какая гадость! От их кофе першит в горле! Правда, Лада? – к ним подошёл Семён, и Варвара, как нашкодивший ребёнок, расплылась в вороватой улыбке. – Ну что, Семён? Всё проиграли или чего-то осталось?

– Проиграл? Как бы не так! Ничего я не проиграл, а даже кое-что выиграл! Так что успокойтесь: вашу честь и честь всех русских я отстоял! А сейчас мы пойдём в бар и отметим это дело.

– Ну и прекрасно! Вы с Ладой идите, а я поищу свою мамочку, пока она не просадила все папочкины денежки! А то за ней нужен глаз да глаз!

Варвара встала и, как пьяная, пошатываясь и намеренно покачивая бёдрами, направилась в центр зала искать Анастасию. Лада, которую совершенно фантастическое признание Варвары, повергло едва ли не в шоковое состояние, повернулась, наконец, к Семёну и взглянула на него из глубины диванчика. Господи! Какой же он всё-таки большой и красивый!

– Пойдём?

– Что у вас здесь произошло?

– Ничего.

Действительно, ничего, если не считать того, что эта девочка в общих чертах выложила сейчас ей, Ладе Коломенцевой, всю свою неясную подноготную.

Семён видел, что не в себе, а когда она не в себе, к ней лучше не приставать.

– Ничего так ничего... Ну пошли, уже поздно, а нам с тобой ещё надо заглянуть в бар и сходу пропить весь мой сегодняшний выигрыш, а иначе мне больше никогда не повезёт...

Глава 19

Три недели спустя чудесным погожим деньком тот же самый авиалайнер вновь летел над Европой, ослепительно сверкая своим чистеньким фюзеляжем в лучах на редкость горячего даже для июля солнца; пассажиры, уже успев сытно и со вкусом перекусить, теперь вольготно развалились в комфортабельных креслах в предвкушении обещанного десерта или чего-нибудь прохладительного. Вдоль салона, распространяя вокруг себя атмосферу уверенности в завтрашнем дне и незыблемости мироздания, взвзд-вперёд шатали три симпатичные и предупредительные бортпроводницы: первая, особа с несколько постной физиономией, с суровой шепетливостью разливала напитки; вторая, настроенная более игриво, щедро раздарила улыбки (она страдала насморком и прятала под обшлагом рукава своей элегантной униформы носовой платочек); а третья, самая желанная, разносила десерт: свежую малину, политую взбитыми сливками, причём, малина была отменного качества, но в строго ограниченном количестве.

Лада сидела на лучшем, с её точки зрения, месте: не с краю и не впритык к иллюминатору, а во втором от него кресле, причём, в самом начале салона. Место по правую руку от Лады занимал Семён, по левую руку – явно склонная к болезненной худобе и поэтому похожая на типичную травести из ТЮЗа англичанка. Заняв своё место и добросовестно пристегнувшись, она почти всё время полёта просидела неподвижно, как восковая фигура мадам Тюссо, по непонятной причине отказалась от положенной ей куриной грудки, но, увидев малину со сливками, оживилась, а от нетерпения даже заёрзала и заговорила под креслом ногами. Покончив с малиной, англичанка решила не терять больше даром ни минуты: она отстегнулась, достала из-под себя огромный несессер коричневой кожи, высыпала его содержимое себе на колени и начала прихорашиваться. Затем англичанка достала из необъятного несессера массивное кольцо и нацепила его на шею. Лада даже придвинулась поближе, дабы рассмотреть – настоящие ли это у неё золото и рубины или всего лишь хорошая бижутерия.

Украсив себя такими внушительными аксессуарами, англичанка натянула на свои ладошки допотопные кружевные чёрные митенки, кликнула стюардессу и в её сопровождении с подчёркнутой величавостью (видимо, чувствуя себя необычайно элегантно) прошествовала в туалет. Проводив её восторженным взглядом и вся дрожа от нетерпения, Лада наконец повернулась к Семёну.

– Просто потрясающе! Марик бы про неё сказал: фу ты, ну ты, ширлих-манирлих!

Марик, Марик!.. За время их дружбы они изучили друг друга настолько, что могли разговаривать, как пожилая супружеская чета, которой нет нужды морочиться насчёт формы и содержания сказанного; просто говорили первое, что приходило на ум, тем более, что у них не было тайн друг от друга. Они такие, какие они есть на самом деле, ни много ни мало, и это замечательно, хотя они и сами не знали, откуда это у них повелось.

Марик-очкарик, как гуль из персидских сказок, долговязый, в меру сутулый, смуглый, громкоголосый, чернявый, волосатый, бровастый, губастый, зубастый и горбоносый; скуластое лицо густо, как шляпка мухомора, усыпано угольно-чёрными родинками; подбородок шетинится модной лёгкой небритостью, в которой, если сильно постараться, можно угадать очертания будущей бородки-эспаньолки; и хотя костлявые руки вплоть до локтей просто по-варварски покрыты татуировкой, к тому же местами весьма сомнительного содержания, тонкие запястья и длинные пальцы с ухоженными ногтями выдают работника интеллектуального труда. По комплекции Марик далеко не культурист, скорее он из той категории, кого в учебных заведениях дразнят «глиста» или «дистрофик», но ведь не всем же быть спортивными и отличаться особой крепостью сложения, и, кроме всего прочего, по мнению Лады, у Марика полно других добродетелей.

– Марик – это мой лучший друг, я тебе о нем уже рассказывала. Он в моём родимом журнале «Альфа и Омега» сочиняет эпиграммы и рисует карикатуры. Вот послушай:

*Грусть-печаль-тоска и неги сладость,
Пламя страсти и любви-моркови муть –
Пасторально-идиллическая гадость,
Романтически напыщенная жуть...*

Это кое-что из его творчества. Семён, представляешь, заполняя анкеты, он прямо так и пишет: служу, мол, виршеплётю.

Лада ещё хотела от себя добавить, что, хотя её лучший друг Марик Варшавский и слышит в их сплочённом коллективе аморалом и циником, в его суждениях всегда есть зерно правды. Но договорить она не успела. Вернулась на своё место англичанка, и Лада, ещё раз как бы невзначай взглянув ей в лицо, жалостливо и отчасти безразлично подумала, что если раньше в своём старомодном покроя платье та имела вид несколько полинявшей мышки-норушки, то теперь и вовсе являет собой весьма и весьма тоскливое зрелище, ибо она стала походять на побитую молью крестьянскую доху с надставленными рукавами и подновлённым воротником.

Самая Лада была в новеньком и безукоризненно чистом белом брючном костюме, полетнему тонком и невесомом. Ровный и лёгкий золотистый загар придавал её облику новое очарование.

Вечером, накануне отъезда, последний раз шатаясь по Пейнтону в поисках недостающих подарков своей многочисленной родне, они с Семёном набрали на огромную, в два этажа, ярко-освещённую в сумерках уходящего дня кондитерскую.

Разряженная в пух и прах, как в пред Рождественскую распродажу, витрина этой двухэтажной кондитерской озадачила Ладу не на шутку: такого нагромождения всевозможных тортов, пирожных и прочих сладостей ей, безнадежной сладкоежке, ещё в своей жизни встречать не доводилось.

– Войдём? – восторженным шёпотом спросила Лада Семёна и, не дожидаясь ответа, ринулась к входу. «Динь-дилон!» – тоненько протренировал колокольчик, подвешенный над дверью, и они очутились внутри. Ах, какой там стоял дивный аромат! Ладе сразу вспомнились все эти малопонятные, но такие благозвучные и благоуханные слова: маршипан, пралине, шартрез, бенедиктин, кардамон, кориандр, имбирь, цедра, цукаты... Она почувствовала, как её рот непроизвольно начал наполняться слюной.

Обуздав свою буйную фантазию, а мысленно она уже скупала весь прилавок, Лада наудачу выбрала торт с божественным названием «Амброзия» и по вполне сносной цене. Будь что будет, но она непременно должна привезти его в Ташкент! Вот и нашлось для её лакомки-Вероники «что-нибудь сладенькое»! Семён выбрал похожий торт для своей сестрицы Натальи, и они поспешили в отель, так как огромная чёрная туча, как тьма египетская, уже накрыла и подмяла под себя город. Лада тогда подумала: «Без дождя, похоже, не обойдётся... Как бы, чего доброго, не объявили нелётную погоду, а то ведь опять хлопот не оберёшься!»

На другое утро после того самого незадачливого похода в казино они ещё раз встретились со странной троицей из Москвы – Варварой, Анастасией и Михасем. По заплывшим глазам Варвары (теперь отнюдь не египетским, а скорее калмыцким, констатировала факт Лада) и её припухшему носу было ясно, что бедная девочка пропала остаток ночи навзрыд. Но, прощаясь с Ладой и Семёном, она как ни в чём ни бывало шептала и ворковала и даже пустила притворно-умильную слезу, за что тут же схлопотала от Анастасии нагоняй: «Варвара, не юродствуй, веди себя по-человечески!»

Свято блюдя вверенную ей тайну, Лада ни словечком не обмолвилась Семёну. Ну почему у совершенно незнакомых людей в её присутствии прямо-таки развязываются языки? Её лучший друг Марик Варшавский говорит, что всё дело в её колдовских зелёных глазах: будто бы они у неё точь-в-точь как у потомственной ведьмы, и что, по всей видимости, Лада – прямая наследница одной из тех ведьм, коим в зловещем средневековье удалось избежать инквизиции, и чем подаваться в журналистику, лучше бы она шла в экстрасенсы – цены бы ей тогда не было, да и заработала бы целое состояние... Чем больше думала Лада о Варваре, тем меньше у неё оставалось сомнений насчёт достоверности её невероятной истории. Ведь даже не отличаясь особой душевной чуткостью, Лада, с её прозорливым умом, сразу заподозрила неладное. И ведь всё сходится; и, что интересно, у каждого своя роль в этом чудовищном фарсе: отнюдь не пышущий здоровьем рыхлаый и аморфный толстяк Михась смирился со своей участью коварного злодея; «копчёная сеledка» Анастасия с отсутствующим выражением лица вынуждена терпеть колкости и издевки своей не то падчерицы, не то племянницы, вместо того, чтобы задать ей хорошую трепку; и Варвара с её присюсюкиванием: «мамочка, мамочка», за которым – чёрная дыра, пучина, клокошущая первобытная ярость, только и ждёт удачного момента, чтобы им отомстить.

Да уж!.. На свете такое бывает, чего и быть не может, как говорит Ладин лучший друг Марик Варшавский. Банальный любовный треугольник, внезапно закончившийся трагедией: родная мать повесилась и лежит в могиле, виновница её смерти при попустительстве отца, как ни в чём не бывало, заняла её место, а несчастная жертва, сгорая от ненависти, днём и ночью хладнокровно изводит их своими ехидными замечаниями.

Конечно, сама Лада в этой жизни прекрасно устроилась и поэтому сколько угодно может кичиться своим положением хорошо воспитанной девочки из приличной семьи. А вот смогла бы она, Лада Коломенцева, так же беззаботно резвиться, зная, что её родная мама Забава вовсе ей не мать?

Смогла бы она, Лада Коломенцева, пережить крушение мира, какое переживает сейчас Варвара?

Нет! Такого, что случилось с Варварой, в её, Лады Коломенцевой, семье быть не может! Нет, нет и нет!

И осознание этой непреложной истины наполняло Ладино сердце великой, хотя и затаённой гордостью.

– Лада, как ты думаешь, почему нас, населяющих Землю людей, хлебом не корми, но подкинь нам какую-нибудь всеобщую идею, как кость голодной собаке, и делай с нами, что хочешь?

Лада нехотя очнулась от своих мыслей и с недоумением взглянула на Семёна. Он держал в руках раскрытый журнал – видимо, что-то такое там вычитал, и теперь его тянуло поговорить. Лада недовольно покосилась на статью – уж очень её поучительный слог напоминал популярную лекцию по новейшей истории, а для её практичного духа подобные вещи были не приемлемы.

Они какое-то время вяло порассуждали на эту тему, пока Ладе это не наскучило.

– Семён, а когда умерла твоя мама, ты стал другим? – как бы в продолжение разговора и как можно проще спросила Лада, интуитивно чувствуя, что он ей ничего на это не ответит.

Сейчас он задумается со свойственным ему тишиной и надолго замолчит, а она воспользуется передышкой, чтобы вновь собраться с мыслями, прежде чем самолёт пойдёт на посадку. Только бы у неё хватило времени...

Но Семён всё-таки ответил.

– Надо надеяться, – сказал он, но что выражал его взор, она не поняла.

Глава 20

Семён ещё в аэропорту обратил внимание на то, что Лада сегодня была не в меру задумчива, на все его попытки заговорить или угрюмо отмалчивалась, или, наоборот, отвечала пространно и невпопад, а её кроткие и мягкие зелёные глаза молили оставить её в покое.

Даже в той бестолковой тесноте при посадке с её лица не сходило столь знакомое ему отстранённое выражение – именно такой взгляд был у неё, когда он неожиданно столкнулся с ней на пляже. Этот взгляд тогда тоже умолял пощадить и не трогать её.

А едва они водворились на своих местах в самолёте, как она схватилась за подлокотники кресла и вовсе замкнулась в себе.

Он попробовал было от нечего делать почитать журнал, но вместо строчек у него перед глазами стояла Лада – Лада в своём лёгком белоснежном костюме, с белой лентой в рыжих, струящихся по спине и плечам волосах и крохотным золотым крестиком в низком вырезе блузки; его локоть слегка касался тыльной стороны её ладони, а исходящий от её кожи тонкий, соблазнительный запах духов будто дразнил его.

Лада сидела, уставившись в одну точку на шершавой обшивке самолёта впереди себя, и слегка покусывала уголок рта. Потом неожиданно Ладино внимание привлекла их попутчица-англичанка – она даже со странной бравадой в голосе сказала Семёну пару слов насчёт не вполне презентабельного прикида этой странноватой гражданки, но потом опять замолчала – замолчала надолго, и он вновь не знал, куда себя девать.

Один раз он не выдержал и нагнулся к ней, чтобы что-то сказать, но от неожиданности отпрянул – она смотрела перед собой невидящими глазами, и непролитые слёзы застилали её взор.

Он ещё два раза заговаривал с ней, но она, слегка наклонив к нему голову, или отвечала кратко с сонным, рассеянным видом, или не реагировала вовсе...

– Лада, посмотри: Каспийское море! – Семён позвал Ладу к иллюминатору машинально, уже не надеясь её растормошить.

Далеко внизу под ними солнечные блики задорно играли на зеркальной глади моря; а оставшийся позади тёмно-зелёный берег, полого спускающийся к воде, мягко обволакивала призрачная белёсая дымка.

Но Лада лишь пожала плечами и слабым голосом ответила:

– Неужели?

Он не стал уговаривать и отвернулся в подавленном настроении, но Лада будто вдруг очнулась от спячки, посмотрела в его сторону, смутилась – до чего же она его, беднячкого, довела! – и, прилагая большие усилия, чтобы ненароком не глянуть в иллюминатор, сказала:

– Семён, а знаешь, мой родимый журнал «Альфа и Омега» как-то опубликовал заманчивую статью об Амударье. Вот скажи, ты знал, что она, как Урал и Волга, когда-то несла свои воды в Каспийское море, и лишь относительно недавно по какой-то причине повернула к Аралу? Так вот, ты присмотришься, говорят, если повезёт, то среди песков можно разглядеть её бывшее русло. Если увидишь, то позови меня...

Ничего он, конечно, не увидит, и Ладе не придёт, изо всех сил вцепившись в его локоть, выглядывать в иллюминатор. Уж слишком это невероятная вещь – отыскать среди песков и такрыров Каракумов тоненькую как волосок ниточку Узбоя...

Ладе тогда пришлось редактировать эту статью, и сейчас она отчётливо вспоминала всё её содержание, вплоть до отдельных деталей. Амударья... Окс... Джейхун... Великая и могучая азиатская река, рождённая от слияния трёх бурных горных потоков – Пянджа, Вахша и Кундуза, – она, в отличие от своей более степенной и покладистой сестрицы Сырдарьи, всегда славилась горячим и необузданным нравом, недаром по-арабски она зовётся безумной. Человек селился на илстых, плодородных почвах её поймы с

доисторических времён, но она, коварная плутовка, уходила от него по новым руслам. Человек строил плотины и дамбы, но она, как дикая кобылица, не желающая вставать под уздцы, рассвирепев от такой бесцеремонности, убежала от него; ни хлысты, ни сбруя – такой всё нипочём. Даже изменив Каспию и окончательно уйдя от него к Аралу, совсем как неверная жена, она не переставала дразнить их обоих дерзкими выходками и трепать им нервы, причём, в изобретательстве всяческих проказ и шалостей ей нет равных. Не раз она меняла месторасположение своей дельты, простирая свои шупальца-рукава на всё новые и новые земли. Надеясь убажить свою строптивую и непокорную реку, древние хорезмийцы создали культ Анахиты – богини плодородия и водной стихии, – ибо они очень хорошо знали, что такое гнев и ярость Амударьи – земного воплощения Анахиты. Это чудовищный по своей мощи паводок-дегиш, смывающий всё на своём пути: посевы и селения, крепости и города... Так были стёрты с лица земли и древняя столица хорезмшахов город Кят, и первая столица Каракалпакский город Турткуль. Недолго была верна Амударья и Аралу: человек, беспечный и недалёкий по своей природе, прорубил каналы, и она, не стерпев горькой обиды, убежала в пески, убежала, очевидно, навсегда. Рождённая свободной, она предпочла и умирать свободной! И сейчас ни один литр её взбаламученной, шоколадного цвета воды не доходит до горемычного Арала...

Статья содержала и другие, весьма веские сведения по экологии. Лада вспомнила, как её тогда озадачили цифры: всего лишь 2% поверхности земного шара пригодны для жизни, а остальные 98% – это моря, океаны, пески и вечные льды. Всего 2% – сейчас Ладе показалось это чересчур мало. «Допустим, 70% – это вода, а где же ещё 28%? Ну, уж это они хватили через край!» – подумала Лада и забрала у Семёна глянцевого бортовой журнал, на одной из страниц которого она ещё раньше заметила красочную иллюстрацию: на зелёной лужайке, подстелив под себя полосатый половичок, в весьма забавной позе лежит стилизованный под человечка земной шар, – и за неимением другой карты принялась изучать его.

– Семён, знаешь, мой дед вывел, как ему кажется, универсальную формулу успеха, а может где-то вычитал – я точно не знаю... Так вот, всё очень просто. Надо, чтобы твои «могу», «хочу» и «должен» совпадали. Здорово, правда?

– Семён, послушай, что я задумала... – ...я хочу написать о старых ташкентских дворах – просторных и огромных, на несколько семей... Мои бабуля с дедом живут в таком общем дворе на Паровозной. Я сама выросла в этом дворе... Только я пока не знаю, что это будет: эссе или очерк, или что-то ещё...

Лада снова замолчала, по привычке прикусив левый уголок нижней губы – так ей всегда лучше думалось. Никогда ещё она с таким пылом не рвалась к работе; обычно случалось так, что сначала она вроде бы загоралась новой идеей, но потом что-нибудь расхолаживало её. А сейчас в голове у неё уже созрел план: она напишет о своём Ташкенте – о том Ташкенте, каким его знает и чувствует она, Лада Коломенцева: о необыятных, пыльных и поросших бурьяном дворах с ворохом мёртвых листьев у некрашеного забора; об одноэтажных домах – старых и потому немного обветшалых, но добротных, с толстыми стенами, высокими потолками и старомодными кисейными занавесками на окнах, и домиках поскромнее, выстроенных из сырового кирпича, осенённых вековыми чинарами и окружённых прохладными фруктовыми садами, где вездесущее солнце с тайным любопытством заглядывает сквозь щели в деревянных ставнях. И она с этим отлично справится, ведь она всегда это умела – найти самые точные и самые нужные слова, чтобы создать у читателей *правильное* настроение.

Была когда-то в истории человечества эпоха великого переселения народов; нечто подобное столетие назад коснулось и её Ташкента: со всех краёв сюда начали стекаться переселенцы. Одни приезжали в надежде на лучшую долю, гонимые нуждой и голодом, навсёгда вычеркнув из своей памяти своё скорбное прошлое; другие, разочаровавшись в жизни и утирая горькие слёзы по утраченному, забрели сюда в погоне за счастьем; третьи – что греха таить! – ехали сюда за длинным рублём, купившись на обещания местных чиновников, посуливших им золотые горы... У каждого своя причина, своя судьба, своя история, своё прошлое.

А Гершевичи, Саркисяны, Булочники? – её ближайшие соседи по дому на Паровозной...

А её лучший друг Марик Варшавский? Ведь он родился в таком же старом большом доме на Кашгарке...

А его родители – Мирра Ароновна и Михаил Ефимович? Прожив чуть более четверти века в типовой многоэтажке на Чиланзаре, они так и не смогли до конца привыкнуть к новому для них укладу жизни – слишком уж большая часть их души навеки осталась

на Кашгарке...

Старая, милая сердцу Кашгарка... Сначала этот околоток у канала Чаули облюбовали беженцы из Кашгара, построив себе на чужбине, по сути, свой город мастеров – город горшечников и жестянщиков, медников и кожевников, оружейников и ткачей, меня и, конечно же, торговцев – на востоке без торговли никуда! Чуть позже, в начале века, когда построили железную дорогу, сюда начал съезжаться люд едва ли не со всего света. Всех приютила, всех собрала под своей крышей по-восточному щедрая и гостеприимная Кашгарка! И хотя никто бы не назвал здесь жизнь лёгкой и беззаботной, но, хлебнув горя у себя на родине, люди были рады найти приют в этом тихом, мирном и сытном краю...

Ничего не осталось от той Кашгарки – не пощадило её землетрясение. На месте бывших тенистых улочек и глинобитных домиков, которые были неотъемлемой частью общей картины старого Ташкента, – новенькие кварталы. Но осталась вековая пыль Кашгарки, её воздух, её дух, биение её сердца – словно это случилось только вчера: разбуженные в предрассветный час ударом стихии жители этих глинобитных домиков, нашедшие здесь вторую родину, навеки покинули свой кров.

Лада подумала, что все они, в сущности, и есть потомки тех самых мальчишек и девочек послевоенной поры, что населяли тогда Кашгарку и Тезиковку, Болгарку и Первушку, Госпиталку и Сарыкулку – с их особым, ни на что не похожим устройством мира, со своим бытом, традициями и привычками, со своей особой кухней и непременно крепко заваренным чаем, с совместными танцуйками под грампластинки и более солидными гулянками, даже со своей эмблемой. У Лады была наготове и эмблема. С безошибочной находчивостью журналистки она решила, что эмблемой могла бы послужить та самая Чаулюшка – канал Чаули – по сути своей клоака или сточная канава, хотя с равным успехом это мог бы быть Анхор или Салар. Но Лада выбрала Чаулюшку. Когда-то она протекала через весь тогдашний Новый город и служила мальчишкам мерилom смелости и отваги. Редко кто добровольно отваживался окунуться в её мутные как мыльный раствор, тягучие и жирные воды. Рассказывали, что чего там только не плавало: и зловонные отбросы скотобойни, и метровые откормленные змеи, при виде которых сердце наполнялось ужасом, и даже распухшие трупы бродяг. А на её грязных, ослизлых и смрадных, изобилующих всяческим отребьем и водяными крысами берегах проходила вся их разухабистая мальчишеская жизнь с мелкими драками до первой крови и побоищами не на жизнь, а на смерть; здесь они пижонили перед детками благополучных семейств своими «блатными» повадками; здесь они вскалдину устраивали свои незамысловатые пирушки с грошовыми сладостями и бутылкой портвейна на всех; здесь они строили свои грандиозные планы, сызмальства теша свои души величием будущего. Милая, родная Чаулюшка... Такая же бесхитростная в понятиях и добродушная, с грубыми, но незлобивыми повадками, как и всё их немудрёное детство. Сейчас её уже нет – её заковали в бетон и опустили в преисподнюю, подальше от придричивых глаз. Но они, те самые мальчишки-фезеушники суровой послевоенной поры, знают, что она где-то рядом, потому что она и есть то последнее звено, что связывает их с ушедшим детством. И это такая бесспорная азбучная и очевидная истина, которую никто не посмеет оспаривать.

А поразительное ночное южное небо – такое же чёрное, как крышка концертного рояля, на котором звёзды и острый месяц кажутся рассыпавшимся жемчужным ожерельем с драгоценным фермуаром?

А безмятежная, величавая красота ташкентских садов?

А неожиданно тёплый денёк посреди бесснежной, оттого такой томительно скучной зимы, когда вдруг подует лёгкий ветерок и принесёт с собой шальное ощущение весны, а в лицо пахнёт долгожданной свежестью?

А южные ночи, по-летнему короткие и жаркие, когда даже в распахнутые настёжки окна тянет духотой; а едва спустится тьма, и не успеешь заснуть, как на востоке сквозь листву уже пробивается розовая денница, и майны заводят свою бесконечную трескотню?

Всё было здесь, в этих старых ташкентских дворах, вся правда жизни, с её счастьем и несчастьем, победами и поражениями, любовью и ненавистью, чаяниями и потерями...

Лада посмотрела на Семёна, и в её глазах можно было прочесть все её мысли.

– Семён, а ведь мы, жители современных многоэтажек, тоже любим эти старые дворы, совсем как...

Она запнулась, ища подходящее сравнение. Её бабуля Лея очень любит повторять – а она в их семье вообще слывет большой мастерицей порассуждать, – что человека от неюдя отличает стремление помнить добро.

– ...Совсем как дерево, которое состарилось и не плодоносит, но его всё равно холят

и нежат, и заботятся о нём, поливают и стригут сухие ветки...

Вот её дед в своём саду никогда не срубает старые деревья, считая это возмутительным во всех отношениях.

Всё! Решение принято окончательно и бесповоротно, ибо желание её твёрдо и непоколебимо! И обратного пути у неё нет! Она напишет – она сможет! – так, чтобы это её непревзойдённое по дерзости творение стало памятником её Ташкенту, такому, каким она, Лада Коломенцева, его знает и любит, и тем самым воскресит в памяти тысячи и тысячи ташкентцев сгинувшие времена, сладкие и горькие одновременно. Она должна сделать это, даже если этим она нечаянно взбудоражит чьи-то притаившиеся далеко-далеко на дне сознания неприятные воспоминания. А её Ташкент – это и есть те самые дворы: огромные, шедрые, шумные и тихие одновременно, где жили, живут и будут жить от души, с размахом те самые люди, по сути, отдельная формация. Эта формация дала миру и писателей, и учёных, и спортсменов, и целую плеяду всеми любимых артистов и артисток, и знаменитых режиссёров, и много кого ещё... «А вот хотела бы я знать, – подумала Лада, – помнят ли они, разбредаясь по миру, откуда они родом, и кто их всех вскормил?»

– Понимаешь, Семён, вот матери... – говорила она, – ...ведь они всю жизнь помнят своих разбехавшихся по белу свету детей, помнят и ждут их назад, и даже держат наготове комнату. У моей соседки тётки Тоси Булочкиной сын Гриша живёт в Канаде; так она в его комнате буквально каждый день и пыль вытирает, и пол моет, и всё остальное... А когда получает от него письмо, то на радостях печёт пирог и носит с ним по округе, угощает всех соседей подряд – это чтобы все вместе с ней порадовались за её сыночка! Господи! Как же я хочу домой! Вот приеду и первым же делом сяду за работу... – как заговорённая твердила Лада; и какое-то странное, первобытное нетерпение, отодвинув на задний план все остальные мысли, заставляло её снова и снова повторять одно и то же.

– А я думал, что ты напишешь об Англии... – немного вызывающим тоном, будто оспаривая её право на свободу творчества, сказал Семён.

– А что Англия? О ней и так столько написано... Я не такая нахалка, чтобы ещё что-то писать.

В самом деле, если слава Диккенса и Голсуорси ей точно не грозит, то она и пробовать не станет!

– ...Семён, ты лучше послушай, как звучит: Таш-ш-ш-ш-кент! – отчеканила Лада по слогам, а потом ещё для пушего эффекта помусолила это слово на языке. – ...Будто на морозе от булки свежее испечённого белого хлеба отломали краюшку – знаешь, такую ноздреватую, как губка, и она, обжигаясь горячая, исходит в руке паром... А ты, голодная, берёшь её варёжкой, чтобы не обжечься, подносишь к лицу, прижимаешь к губам, и она обдаёт тебя ароматным жаром... Чудо! В детстве, когда меня посылали за хлебом, я всегда так делала...

У Лады от нахлынувшей тоски даже зашемило сердце и противно закололо в носу.

А об Англии она тоже напишет – мамаша Кураж заставит, а чувство такта не позволит Ладке отказаться.

Мамаша Кураж – Майя Борисовна Мамочкина – была главным редактором Ладино-го родимого журнала «Альфа и Омега»; причём, считая саму себя той ещё пройдохой и потому нисколько не обижаясь, авторство сего звучного прозвища она приписывала именно Ладке за её неподражаемую склонность ко всякого рода эпитетам и сравнениям. Вовсе напрасно, потому что, когда семь лет назад Лада впервые появилась в редакции, прозвище это уже вовсю гуляло среди её сотрудников.

Майя Борисовна была дамой в теле, имела привычку сильно пудриться, отчего всегда ходила с мучнисто-белым лицом, также имела хитрые зелёные глаза с тяжёлыми, будто приклеенными ресницами, крупный пористый нос и носила на макушке несколько старорообразный шиньон башенкой, который насколько её старил, настолько же невероятно ей шёл. Её вообще нельзя было представить без этой фигурной башенки, это была её своеобразная визитная карточка. В быту невзыскательная и неприспособленная, она была безнадежно безалаберна во всём, что не касалось напрямую её журнала, всё теряла, путала и забывала.

Лада вспомнила, как в свой первый рабочий день, а это был понедельник, сразу после обязательной планёрки Майя Борисовна позвала Ладку к себе для вводного инструктажа и с ходу устроила ей «работу над ошибками». Церемонно величая её Ладой Кирилловной, она начала с того, что пожелала ознакомиться в подробностях со всеми её прежними публикациями, а ознакомившись, похвалила её стройную речь, богатый словарный запас, хороший вкус и сквозивший между строк тонкий юмор, отметила её склонность к тихой, ненавязчивой патетике, неожиданным эпитетам и внезапной смене интонаций, после

чего взяла и высказала ей без обиняков, что Лада слишком злоупотребляет лирическими отступлениями, в частности, «картинками природы», в то время, как всем известно, что художника от ремесленника отличает именно чувство меры. Кому, мол, они нужны? Кто их, по нынешним временам, станет читать? Эдак до сути не доберёшься. Лада и сама знала за собой такой грех, только ничего не могла с собой поделать. Майя Борисовна предложила заключить мировое соглашение, по которому Ладе предписывалось в сухую смесь фактов по чуть-чуть добавлять личностную окраску, мол, так ей будет легче уследить за тем, чтобы не было перебора. Сметливая Лада быстро сориентировалась, чего от неё хотят, и больше за очерченную грань не переступала.

Вникая в тонкости дела, первые полгода в редакции Лада чувствовала себя как пылкий новик на незнакомом поприще, которому всё впервой и которому ещё только предстоит увериться в правильности выбранной стези. Она, дотеле ошущавшая свой талант как нечто незбываемое и вечное и считавшая, что к пятому курсу достигла пика своего мастерства, порой испытывала настоящее потрясение от своей полнейшей профессиональной несостоятельности. Слава Богу, что скоро это у неё прошло.

— Лада, а я по твоей Паровозной в детстве на велике гонял, — вторгся в её воспоминания голос Семёна.

Лада уныло вздохнула.

— Вот как? А у меня в детстве велосипеда не было...

Велосипед был у её старшего брата Саши, но он — тот ещё жадина-говядина — никогда Ладе его не давал. А если и давал, то взамен требовал, чтобы она, Лада, вынесла за него мусорное ведро. Да чтобы она, Лада Коломенцева, которая с четырнадцати лет не появляется на публике не при полном параде, на глазах всего двора как какая-нибудь бродяжка прошествовала с вонючим ведром до помойки и там опорожнила его? Не бывать такому никогда!!! Нет, нет и нет!!! И не нужен ей этот его дебильный велосипед!

Ладе вспомнилось, как как-то раз, когда она ещё училась в школе, а Саша — уже в институте, их отправили в Ленинград вдвоём. Она была категорически против, пробовала возражать, но кто её спрашивал? Ещё в самолёте она поняла, что погибла. Такие каникулы ей даром не нужны. С братом у неё не складывалось, хотя время от времени бывали редкие периоды, когда они, в общем и целом, жили с ним дружно. В основном же, он её третировал, давил своим авторитетом, тормозил идиотскими вопросами, издевался безо всякого повода, как над подопытной морской свинкой, говорил колкости, а потом ещё обзывал писклей и рёвой; он был невыносим, и это её в конце концов достало. Пожаловаться бабуле, чтобы она с ним поговорила? Бестолку. Ему говори, не говори — как об стенку горох. Две недели Лада терпела, потом сказала: всё. Или, или. Или он прекращает эти издевательства, или она сбежит на край света. И тогда ему очень сильно попадёт от родителей. Он ответил:

— Страшно, аж жуть! Прямо как гроб на колёсиках.

Они переговаривались сдавленным шёпотом, чтобы не услышала бабуля. Оба понимали, что незачем её волновать. Потом, протаранив ему головой живот, она убежала вон из квартиры. Поднялась на два лестничных марша и села на ступеньки. Там в парадной на подоконнике лежала забытая кем-то зачитанная до дыр книга. Она машинально открыла её и стала читать — читать сквозь слёзы, бездумно, не вникая в прочитанное.

Спустя какое-то время он явился; было похоже, что без неё он скучал, не зная, куда себя деть. Пристроился сзади и состроил ей рожки. Вот свинтус! Она сделала вид, что не замечает его.

Тогда он, чтобы обратить на себя внимание, спросил миролюбиво:

— Ты что читаешь?

— «Убить пересмешника».

— Детектив что ли? А пересмешник — это кто? — ещё ласковой спросил он опять.

— Птица.

— А-а-а. Ну и кто убийца уже выяснилось?

— Вот возьми и прочти сам, — огрызнулась она и резко захлопнула книгу.

Он сказал:

— Очень оригинальная идея.

И ещё добавил:

— Ладно, не психуй. Если больная, лечиться надо.

Подумавшись, умник выискался. Она хотела книгой что было сил стукнуть его по тому месту, где у него расположен центр тяжести, но он ловко увернулся.

— Всё. Свободен, — грубо сказала она ему и отвернулась.

Ничего, вот она вырастет и когда-нибудь с ним за всё расквитается.

Потом всё же сжалилась, сменила гнев на милость и, чтобы они окончательно не перессорились, пошла за ним.

На какое-то время Саша сделался сравнительно сговорчивей, поджал хвост, а потом опять принялся за старое – язвить и подкалывать.

Вот такой у неё брат. Интересно, все братья такие или это только ей так повезло?

– ...И бабуля тоже всё время вдалбливала мне в голову, что негоже, мол, приличной барышне, как какой-нибудь чувырле, болтаться без дела по улице, – продолжая думать о Саше, поведала она Семёну.

– Строгая, видно, у тебя бабушка! А вот моей бабушкой была Нина Заречная!

Семён судорожно сглотнул, подавляя вдруг охватившее его желание поведать Ладе о своих сородичах.

– Да, именно так, Нина Заречная... Она родилась на селе. Было на Волге такое село – Троицкое, между Угличем и Калезиным... – Семён вновь замолчал в сомнениях, а интересно ли Ладе это; но она подняла на него такие изумлённые и вопрошающие глаза, что он, отбросив всякие стеснения, продолжил дальше, – ...село размером как две твои Паровозные: на одной улице жили все Троицкие, на другой – Заречные. Вот бабушка и получила Ниной Заречной. А когда вышла замуж за деда, то стала Ниной Троицкой. Потом их село попало под раскулачивание. А у деда был друг – участковый; приходит он к ним посреди ночи в избу и говорит: «Немедленно уезжайте! Ваша семья в списках третья по счёту!» А дед не понимает, переспрашивает: «В каких таких списках?» Друг от такой наивности даже рассердился: «В каких списках?! На раскулачивание! Вот в каких!» Но дед всё равно не верил: «За что? Да какие же мы кулаки?» А дед был учителем математики в троичской школе. «А у кого на селе самая большая изба?» А дед ему говорит: «Эту избу ещё мой отец срубил, а он был врачом. В войну три года на фронте отслужил...». Но участковый, видно, своё дело тоже туго знал и не отступился: «В какую войну? В империалистическую! Я тебя предупредил? Предупредил. Бери жену, детей и уезжайте отсель подобру-поздорову!» Тут уже бабушка проснулась и всё поняла быстрее деда. Собрали они одежду, еду, какая в избе нашлась, посадили на телегу детей – мою матушку Сталину и её сестру Милену и махнули на станцию; там лошадей с телегой бросили, а сами на поезде подались в Москву. А уже из Москвы поехали в Усть-Каменогорск. Жили в бараке; дед устроился бухгалтером на лесоповале, а бабушка сидела дома. И ни о чём они не жалели; только бабушке было жалко свою швейную машинку, что в Троицком осталась. Была, мол, у неё знатная машинка «Зингер», кому же она теперь досталась? Небось, этой председательской дочке Акульке Троицкой! Дед в Усть-Каменогорске купил ей новую; она вышивала салфетки, скатерти и продавала по соседям. Моя матушка мне рассказывала, что зимой там морозы были жуткие! Захочет она пить, выйдет в сени, наберёт кружку воды, поднесёт к губам, а кружка к губам прилипает – с кровью приходилось отрывать... Они думали, что поживут так какое-то время, всё утрясётся, и они вернутся домой. А потом вдруг они узнали, что их Троицкое затопили. Это когда коммунизм начали строить... Лада, помнишь, мы в школе проходили: коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны? Советскую власть построили, принялись за электрификацию. А у них рядом с селом был громадный монастырь – весь под воду ушёл, одна колокольня торчать осталась! А ещё старухи потом говорили, что перед затоплением иконы по деревьям плакали. А потом – я тогда уже в школе учился – мы с бабулей поехали на её родину и видели водохранилище это и колокольню... А в Усть-Каменогорске погибла мамина сестра Милена – утонула в Иртыше. Они там что удумали: когда по реке лес сплавляли, то они наперегонки бежали по брёвнам до островов и обратно. У Милены нога соскочила и застряла между брёвен. После этого они и переехали в Ташкент. А жить где? Дед построил дом – самовольно, без разрешения властей. А потом приходит к нему чиновник-крючкотвор и говорит: «Ты бы ещё на Сквере построил рядом со статуей на пьедестале!» А дед ему отвечает: «На Сквере вот ты и строй, а мне и здесь, в сторонке, неплохо!» Короче говоря, сунул дед ему бакшиш в зубы, он их в покое и оставил. Только дом всё равно потом снесли, когда аэропорт надумали строить. А взамен им дали эту квартиру на Шота Руставели...

На протяжении этого печального рассказа Лада молча, не отрываясь, смотрела на Семёна; и ему казалось, что никогда ещё у неё не было таких выразительных глаз: сначала просто чуткие и внимательные, в какой-то миг они вдруг сделались влажными, прозрачными и бескрайними, растворив в своей глубине всю великую женскую суть – подлинные любовь и ласку, нежность и сострадание. Вопиющая преданность этих глаз сладко шемила Семёну грудь, и ему хотелось говорить и говорить без умолку – пусть его рассказ нескладен и неуклюж, лишь бы Лада вот так же жадно и неустанно смотрела на него...

Но тут Лада робко его перебила:

– Семён, как же я тебе завидую: прямо под тобой – книжный магазин! Ты, наверное, в детстве там каждый день пропадал?

– В детстве – нет, а вот сейчас захожу, если должна выйти какая-нибудь моя брошюрка. Захожу вечерами, справляюсь у продавщиц... Они меня там держат за местную знаменитость – как-никак печатаюсь!

– А когда я училась в универе, один мой рассказ опубликовали в журнале «Юность»! Семён, согласишься, что «Юность» – это круто! Ведь, правда?

Она не испугалась выставить себя на посмеище, набралась храбрости и послала туда свой первый опус. Послала и стала ждать. Вскоре из прекрасного далёка пришёл ответ: её оценили по достоинству! Рассказ назывался «Жжём, девочки!» и повествовал о суровых студенческих буднях. Написанная с доброй иронией, простенькая, бесхитростная, наивная вешница. Позднее она насчитала там кучу всяких несуразностей, но она вложила в это творение всю душу. А они взяли и напечатали! В разделе «Зелёный портфель». Как она была счастлива! Она произвела впечатление! Она талантлива, она подаёт надежды! Пробил её звёздный час! Ну чего ещё желать от жизни? Она таскала номер журнала с веткой мимозы на обложке, где была помещена её малюсенькая фотография и было написано: «Лада Коломенцева, студентка журфака ТашГУ», с собой в сумке, не расставаясь ни на миг. Она задрала нос. Потому что опубликоваться в «Юности» – это классно, это клёво, это круто, это высший пилотаж. С этим соглашались все однокурсники и все как одна принимались славословить и восхвалять её талант. Она не ломалась, не выпендривалась и не лукавила, мол, они преувеличивают. Она соглашалась. Будь её воля, она бы подарила такой мартовский номер со своим автографом всем без исключения своим друзьям и знакомым, но, к сожалению, достать столько номеров «Юности» в Ташкенте – дохлый номер. Она носилась со своим журналом как с писаной торбой и стёрла бы его в пыль, если бы в один прекрасный день не приехала из Мурунтау Забава и не сказала своего веского материнского слова:

– От тшеславия у тебя, дорогуша моя, видать, совсем разум помутился, – и отобрала у дочери несчастный журнал с тем, чтобы запереть его в ящике письменного стола, где у неё хранились другие Ладины публикации, которых уже успело накопиться изрядное количество. На протяжении ряда лет она их благоговейно складывала в особую папку. Это у неё называлось «Ладочкино досье».

Семён тоже согласился с ней, что напечататься в «Юности» – это круто!

– А у меня в детстве под боком был магазин «Радость». Семён, ты помнишь «Радость»?

– Конечно, помню. Кто ж его не знал?

Когда приезжала мама, они прежде всего шли в магазин игрушек, потому что он располагался на первом этаже соседнего дома, носил говорящее и многообещающее название «Радость» и до отказа был забит плюшевыми мишками и зайцами, полосатыми мячами, страусами-марионетками, надувными плавательными кругами, коробками карандашей «Сакко и Ванцетти», машинками и куклами. Куклы были или советские, коротко стриженные платиновые блондинки Алёнки и Катюши, или гэдзэровские, длинноволосые шатенки Эльзы и Габии, все как на подбор курчавые, с симпатичными круглыми, как луна, мордашками, одна другой краше. Были ещё прибалтийские белобрысы Илзе и Ниёле, смуглянки и худышки, с толстыми косами и добродетельными лицами. Игрушки выбирались долго и с толком; Лада предпочитал машинки, Лада, естественно, – куклы.

– А потом магазин ликвидировали, и детство закончилось...

Семёну показалось, что Лада сейчас заплачет. Она просунула руку ему под локоть и лбом прильнула к его плечу.

– А помнишь, в магазине был настоящий бассейн, а в нём плавали надувные крокодилы и белые гуси с красными клювами? Ты помнишь гусей?

– Помню.

– Я всё просила родителей, чтобы мне купили одного. Но, оказывается, гуси не продавались, – Лада грустно вздохнула.

Ей ужасно захотелось прямо сейчас сказать Семёну что-нибудь трогательное, что-нибудь, касающееся только их двоих; но тут самолёт решительно пошёл на посадку, стюардессы пригласили всех занять свои места и пристегнуться, и Лада, побледнев, отпустила Семёна и вцепилась в подлокотники своего кресла.

А Семён наконец отважился:

– Лада, так как же мы решим – ты ко мне или я к тебе?

«Мы решим», – как же он деликатно и ненавязчиво выражается. На самом деле он уже давно всё для себя решил, а вот она, Лада, никак не может... Это было ещё одной причиной её подавленного настроения. Да, она любит его, любит бесстрашно

и безоговорочно, она обожает его, она жить без него не может, она просто не понимает, как она умудрилась целых тридцать лет прожить без него, ведь она без него даже уснуть не может, она готова босиком идти за ним на край света!.. Всё это, безусловно, так. И всё это он уже знает. Вчера, в их последнюю ночь в отеле, отбросив свои страхи, должная девичью застенчивость, она без обиняков всё ему выложила. И, кроме всего прочего, он такой красивый, каким мужчина просто не имеет права быть! Но одно дело не расставаться ни днём ни ночью в отеле, совсем другое заявиться с ним домой: «Здравствуйте! Это Семён! Он будет здесь жить...». Нет, её родные вовсе не святоши какие-нибудь, но всё же... Больше всего её смущала Лолита Четвёртая. С другими уж она как-нибудь сумеет договориться, а вот соблаговолит ли её спесивая горячка принять в их мирное женское общество сразу двух мужиков – Семёна и этого строптивого Ермака? В самом деле, кроме шуток, Лада совершенно не представляла себе Семёна в домашней обстановке – в своей спокойной, размеренной, «утрамбованной», как говорит её лучший друг Марик Варшавский, жизни.

Лада долго и мучительно молчала.

Он смотрел на неё в упор и ждал.

Семён недоумевал. Никогда ещё у него не было женщины, которая бы так влекла его к себе. Лада была, как голубая мечта, как ускользающий в дымке мираж, как родник с чистой и прозрачной водой, бьющий сквозь расщелину в скале, до которой ему не добраться, как навевная ностальгией неуловимая мелодия начисто забытой песни... Весь день он использовал всевозможные уловки, чтобы только разговорить её; и весь день он откладывал этот важный для него вопрос на потом. Но почему она молчит? Да если бы она позволила, он бы, не заходя к себе домой, поехал за ней! Но она сказала решительное «нет!», хотя и в мягкой форме; на неё, видите ли, давит груз условностей, и он должен это понять. И ещё она сказала, что прежде чем что-либо предпринимать, он должен справиться у Ермака, с мнением которого он обязан считаться. Весьма умная затея, ничего не скажешь! «Наверное, – с безотчётным чувством ревности думал он, – существует и другая, скрытая от него подоплека её нерешительности...»

– ...Лада, так ты не ответила – пустишь нас с Ермаком к себе? Обещаем не хулиганить и не безобразничать. Местечко найдётся? Нам много не надо... – как можно более непринуждённо вновь начал Семён.

– Всем места хватит и ещё останется.

– Значит, договорились. Заеду домой, заброшу вещи, потом заберу у сестрицы Натальи Ермака и к тебе!

– Только не очень спеши. Надо же мне подготовить к твоему появлению своих девочек-красавиц!

А внизу под ними уже раскинулись зелёные предместья Ташкента; и вот, наконец, шурша и легко подпрыгивая, совсем как резиновый мячик, их самолёт резво покатился по посадочной полосе.

Родной город встретил их неистовым июльским солнцем. Чувствовалось, что невыносимая жара продержится в Ташкенте ещё долгое время. Над раскалёнными бетонными дорожками тихо трепетал зной; сухая, выжженная солнцем трава устилала необъятное поле и была пронизана едва уловимой вибрацией. Мимо них, упоённая солнцем, протором и бездельем, пролетела стайка воробьёв; где-то вдаль от безысходности лаяла собака; тёплый, мягкий ветерок шелестел высокими кронами тополей, а от потрескавшейся от зноя земли шёл сильный, пряный запах полыни... Лада жадно, как выпущенная из заточения на волю птица, вдохнула родной воздух. Вот он: её город, её радость и гордость, её родина, её семья, наконец, её Вероника! И отныне, здесь же её Семён – её любовь и судьба!

Вслед за другими пассажирами, уже успевшими подзабыть о ташкентском пекле и потому от неожиданности несколько оторопевшими, Лада с Семёном пересекли лётное поле и торопливо вошли в здание аэропорта. И снова эта толкучка! Паспортный контроль, багаж, таможня...

Наконец их, изнурённых долгим ожиданием, волной вынесло к толпе встречающих. Сквозь стеклянную перегородку им виден был копошащийся как муравейник зал. Валом повалили пассажиры; их громкими, ликующими возгласами приветствовали встречающие; находящиеся в непримиримой вражде таксисты и частники выискивали в толпе заинтересованные лица. Рейс из Лондона – это вам не шутики шутить! Сегодня у всех выданы славный денёк! Носильщики, дюжие молодые ребята в униформе, все как на подбор снедаемые маньер величия, взражённой на чувстве осознания собственной значимости, увозили на своих скрипучих тележках бесконечные чемоданы, коробки и сумки...

У Лады потемнело в глазах; Семён же сразу заметил две одинокие фигуры – маленькую и большую, забившиеся подальше от сутолоки в какую-то стеклянную каморку почти у самого входа: тоненькая, как былинка, хорошенькая девочка в донельзя короткой джинсовой юбочке и ярко-розовом топики цеплялась ручкой за огромную ладонь высокого, статного и костистого, лет восьмидесяти с гаком, старика в очках. Зал наполнялся людьми; от нетерпения девочке не стоялось на месте, и она с неприкаянным видом крутилась как егиза. Видимо, разглядев сквозь стекло Ладу, она вдруг расплылась в улыбке, похожей на мамину.

Лада тоже заметила дочку.

– Мои! – сказала она Семёну. – Вероника с дедом.

– Красивая у тебя девочка!

– В самом деле?

Лада почувствовала себя польщённой. От смущения она даже слегка зарделась, хотя и подумала о Веронике: «Вот круть-верты! Никогда ведь спокойно даже минуты не простоит!»

Вероника, не сумев обуздать детские порывы, рывком выпростала свою ладошку из-под кряжистой руки деда и вприпрыжку побежала в их сторону. Там она с кошачьим проворством перелезла через турникет и встала в раздумье – как ей пробраться сквозь толпу. Это зрелище совершенно доконало Ладу, и она, не чувствуя под собой ног, рванулась навстречу дочери. Другие пассажиры расступились, и Вероника вихрем подскочила к ним. Захлёбываясь звонким смехом, она прыгала и скакала вокруг них с неподражаемой непосредственностью.

– Ролики привезла?

– Привезла!

– А часы с калькулятором?

Она произнесла: «с куркулятором», насмешив этим едва ли не весь зал.

– Да!

– Yes!!!

И только вдоволь наскакавшись, она в притворной скромности опустила глазки и позволила-таки Ладе себя поцеловать и потискать.

Глава 21

– Ну как вы тут без меня? Какие новости, бабуля? – участливо спрашивала Лада, вечером того же дня сидя на своём всегдашнем месте за празднично сервированным столом в доме на Паровозной улице; он многое повидал, многое на своём веку перенёс – этот старый, немного обветшалый дом с толстыми кирпичными стенами, побеленными известкой, и глядевшими в сад высокими окнами.

– Какие у стариков могут быть новости? Скрипим помаленьку... – неспешно отвечала Ладе Клеопатра Викентьевна Стрельцова. – Утром проснулись живы-здоровы – вот тебе и все новости!

Она тяжело – намеренно тяжело, как показалось Ладе – вздохнула и, отложив в сторону привезённые Ладой подарки, которые только что разглядывала, скрестила руки на груди. Перед ней на зелёной тарелочке лежал нетронутый кусок английского торта, в чашке оставал крепко заваренный зелёный чай.

Лада поднялась со своего места, сзади подошла к Клеопатре Викентьевне, щекой прижалась к её мягкой макушке и ласково развела её сцеплённые на груди руки. Руки были лёгкие и слабые как у тряпичной куклы, а от волос на Ладу пахло до боли знакомым запахом бабулиного любимого ромашкового шампуня.

– Дед твой целую неделю кашлял, нам с Вероничкой спать не давал. Такая жара, а он простудился! Сказала бы ты ему, Лада... У него на работе молодёжь включит кондиционеры, а много ли старику надо?! Слава Богу, обошлось... А если б совсем слёг, кому он там такой нужен? Они же его и пошлют ко всем чертям!

– Хорошо, бабуля, я обязательно скажу...

– Хотя говори, не говори – всё без толку! Твой дед – сам себе человек!

Вадим Андреевич Проничек лишь недавно вышел на пенсию и оставил свой ответственный пост в строительном тресте, но, дабы не путаться у жены под ногами и не играть на нервах, ни в какую не соглашался сидеть дома. «Вот так и зарастают плесенью и ржой, а там и до старческого маразма недалеко», – говорил он. Сейчас от нечего делать он подрабатывал ГИПом в «Генплане».

– Саша из Москвы письмо прислал, – продолжала Клеопатра Викентьевна, – только

не знаю, куда оно запропастилось. Видно, я его вчера у тётки Лизы оставила. Тётя Лиза тебе привет передавала и баночку с отбеливающим кремом – всё, как ты просила. Потом не забудь забрать – я её в комод убрала. Тётя Лиза распорядилась крем хранить в темноте, но только не в холодильнике. Не понимаю я вас, молодёжь, – зачем нужно сначала загорать, а потом отбеливаться? Это же сущее варварство, что вы творите со своими лицами!

Лада с чашечкой кофе в руках подошла к креслу, села на его широкий подлокотник и посмотрела на свои, туго обтянутые короткой юбкой бёдра.

– Бабулечка, миленькая! – терпеливо начала объяснять она. – Раньше, когда я была блондинкой, к моим волосам подходил загар, а теперь я стала рыжей. А к рыжему идёт белое. А то я чувствую себя какой-то чумазой уродкой, честное слово!

– Тётя Лиза ещё велела тебе передать, чтобы ты начала мазаться сегодня же, пока наше солнце к тебе не пристало.

Тётя Лиза – Елизавета Андреевна Заволокина – была знаменитым на весь Ташкент врачом-косметологом и родной сестрой Ладиного деда. Хотя, пользуясь привилегией своего почтенного возраста, она уже давно не работала, но своих многочисленных клиенток не бросила и дома готовила для них свои чудодейственные снадобья; а они всё шли и шли и нескончаемым потоком стояли в очереди к тётке Лизе за красотой. Лада подумала, что было бы неплохо и ей в ближайшие дни навестить тётку Лизу, а вслух спросила:

– Что Саша-то пишет?

– Пишет, что всё хорошо. У них всегда всё хорошо! – нарочито ворчливым тоном ответила Клеопатра Викентьевна. – А детей Бог не даёт! Или сама не хочет... Разве у них дознаешься?

Сама – Марина Коломенцева, жена Ладиного брата Саши, ещё будучи советской гражданкой, переехала в Москву и, приобретя вкус к столичной жизни, из замухрышки-студентки неожиданно для всех превратилась в деловую настырную особу. Полностью отдавшись карьере в рекламной компании, она, к вполне объяснимому неудовольствию мужниной бабушки, совершенно забыла о своей главной и священной обязанности; причём, то, что отсутствие в их семье детей целиком лежит на совести Марины и только её, у Клеопатры Викентьевны разумелось само собой.

– Ещё твоя мама Забава звонила.

– А они с папой как?

– Говорила, что намереваются к сентябрю приехать. Хочет, мол, сама Вероничку в школу отвести. Лада, ребёнку второго сентября в школу, а у вас ещё ничего не куплено! Ни формы нет, ни тетрадок, ничего из того, что там ещё надо...

– А мы вот с Веронюсиком прямо завтра с утра поедem и всё купим... – невозмутимо отвечивала на ворчание бабушки Лада. – И форму, и портфель, и белые капроновые ленточки, и учебники, и тетрадки, и всё, всё, всё! Да, Веронюсик?

Она щекой прижалась к щеке подбежавшей к ней дочери и в упоении закатила глаза, наслаждаясь её близостью, теплотой и свежестью её детского дыхания.

Закончив хлопотать на кухне, вернулся как всегда свежий и бодренький дед Вадим Андреевич; сел на краешек стула, прямой, как шест.

– Ладусик, голубчик! Какая-то ты другая возвратилась из Англии! Похорошела вроде... что случилось-то? Не пойму. Или духи себе другие завела?

Лада вдруг густо покраснела. Ну вот! От его внимательных глаз никуда не скроешься! Нет, не время ещё...

– Волосы другие, дед! А духи всё те же...

Всё у неё теперь другое: и волосы, и наряды, и мысли, и жизнь – всё с иголки новое. Всё, кроме духов...

– А ещё я жутко по вам соскучилась! Я ведь всех вас очень люблю! И как же это замечательно, что вы у меня есть!

– Дед, а ты помнишь потёмкинские деревни? Один красивый фасад, а за фасадом – ничего! Пшик! Бутафория! А ведь у иных и вся жизнь такая же: одна манишка-обманка, а за ней – пустота... – обратилась к деду Лада, вдруг вспомнив историю Варвары, не дававшую ей покоя.

– Дед, согласиcь, что это равносильно концу света – узнать, что твоя семья – вовсе тебе не родные, а вся их любовь – одно сплошное притворство и обман... Ты наверняка меня не понял? Это я скорее со своими мыслями разговариваю, чем с тобой. Я хотела сказать, что у нас-то в семье всё не так... Потому-то я такая и счастливая сегодня, что у меня есть вы: и ты, и бабуля, и мама с папой, и Вероничка...

Ей показалось немного странным, что её дед вдруг смутился, встал из-за стола и,

сверкая очками, зачем-то подошёл к буфету. Что ему вздумалось там возиться, ведь стол и так ломился от фарфора и хрусталя, заполненных всевозможными яствами?!

Вадим Андреевич открыл запирающуюся на ключик нижнюю дверцу буфета, выбрал из хранящихся там алкогольных запасов графинчик с чем-то подозрительно зелёным, а к нему – два крохотных лафитника, и вернулся на место.

– Выпьешь со мной рюмочку бальзама? Не бойся, он лёгонький, на травах и благоуханиях. Ладушик, голубчик, я вот что подумал... Ты после английских деликатесов на мои пирожки и смотреть-то теперь не станешь!

– Да что ты, дед! Ещё как стану! Куда уж им в Англии до твоих пирожков!

– Так я тебе их в пакетик уложил – дома с Вероничкой в охоточку поедите. У вас ведь наверняка в холодильнике шаром покати! Уж я точно знаю... Вот согреете в микроволновке и перекусите перед сном, хотя я и недолюбливаю эту твою штуковину – после неё вся еда пластмассой отдаёт... Там пирожки и с мясом, и с капустой, и с картошкой, и твои, Лада, любимые – со сливовым повидлом. А для Веронюсика – сюрприз!

– Какой, дед? – встрепетнулась Вероника.

– Так я тебе и сказал! Вот съешь, тогда узнаешь!

Вадим Андреевич подхватил подбежавшую к нему Веронику, посадил себе на колено и затянул с ней дуэтом какую-то старинную бравурную песенку.

Лада знала: её дед обожал закладывать в свои пирожки «сюрпризы»; но, надо отдать ему должное, все его «сюрпризы» были съедобными. Никаких монеток на счастье и прочей антисанитарии! В его пирожках среди мясного фарша мог попасться целый куриный желток, в картофельном пюре – золотистая ароматная шпротинка, а в повидле – долька лимона... И, конечно же, все его сюрпризы предназначались Веронике – кому ж ещё? А она, зная за ним такую слабость, каждый раз ждала этого поистине великого в её немудрёной жизни события с замиранием сердца.

– ...Ладушик, я там тебе приготовил пакетик с виноградом...

– Дед, ну зачем?

– Как зачем? – всполошился Вадим Андреевич. – Он же без косточек! На базаре пока такого нет, а у меня уже поспел – я секрет знаю. Возьмёшь на веранде: в коричневом пакетике – виноград, в белом – пирожки.

Целлофан он не признавал, а покупал на базаре пакеты из вошёной оберточной бумаги и всем шедро раздавал в них свои гостинцы.

– Да, вот ещё что!.. Там же, на веранде, в холодочке я поставил букетик цветов – не забудь взять. Там флоксы, циннии, золотарник, рудбекии, твои любимые ромашки, ...ещё всякая всячина, ...розы...

– Не букет, а веник. Так бы уж и говорил, – пробурчала со своего места Клеопатра Викентьевна. – Ты, Лада, сама дома разбери всё по вазам...

Ладе насмешливо подумалось, что её бабуля Леля как всегда в своём репертуаре – все дедовы старания она отродясь ни во что не ставила!

– Дед, а дед! Как же я это всё домой поташу: цветы, виноград, пирожки? А ещё Лолиту?

Зря, конечно, она сопротивляется. Ведь знает же прекрасно, что от дедки ей с пустыми руками не уйти.

– Веронюсик поможет. Правда, Веронюсик?

Вероника согласно мотнула головой.

– ...А ты разве не на колёсах?

– Нет. Ну, сам подумай: я же только-только прилетела. Домой заскочила лишь на минутку – чемодан раскурочила, переделала и сразу к вам. Я в гараж и не заглядывала.

– А зря! Рачительный хозяин в старину всегда первым делом проверит – как там его лошадь с телегой, а уж потом всё остальное. Машина-то хоть на ходу?

– Надеюсь... До отъезда была на ходу.

Дед хитро улыбнулся.

– Был я вчера там. У тебя бензин на нуле! Так я полный бак залил и свечи заодно почистил. Мы с Веронюсиком тебе в гараже немного беспорядок натворили – пустую канистру искали. Уж ты нас прости!

– Нету канистры. Я её перед отъездом Марику одолжила. Дед, ну какой же ты у меня молодец! Спасибо тебе и за бензин, и за свечи.

Ну, не чудо ли у неё дед?!

Лада подскочила к Вадиму Андреевичу и, потянувшись всем своим гибким телом, звонко чмокнула его в испещрённую глубокими морщинами щёку, а потом, церемонно беря его под руку, сказала:

– Вероника, доедайте с бабулей тортик, а мы с дедом пойдём собираться. Пора домой...

Они вышли на веранду. Лада с широкого крыльца посмотрела вдаль – туда, где в глубине необозримого сада виднелась роскошная крона старой орешины. Она никак не могла себя заставить начать трудный разговор. Вместо этого ей вновь вспомнилась Варвара.

– Дед, а зачем ты с войны подснежники привёз? На войне воевать надо, а ты – подснежники!

– Так я и воевал! А луковички я уже после собрал, когда из госпиталя выписался. Война тогда уже закончилась. Лада, подожди ты со своими подснежниками! Ты же нам про себя ещё ничего не рассказала!

– Спихватился!

Лада послушно повернулась и направилась обратно в комнату, села за стол и налила себе уже остывшего чая. Так бы и сидела до ночи, если бы не...

– Дед, если в двух словах, то у меня всё хорошо, всё просто замечательно! А если хотите подробности, то слушайте: в Англии я начала с того, что как Маша-растеряша заблудилась...

– Как заблудилась?

– Очень просто, банально, как все... Сразу скажу, чтобы вы не волновались, что всё закончилось благополучно. Но я четыре дня проторчала в одном славном городке Адамс-филде, по-русски – Адамово поле. И вот там... бабулечка, послушай, там я познакомилась с одной англичанкой, у которой оказались русские корни...

Бросив на бабулю испытующий взгляд, Лада сделала торжественную паузу. Потом, убедившись, что та ждёт продолжения, сказала:

– Представляешь, её родная бабушка была из Ленинграда, а звали её Лариса Стрельцова... Бабуля, ты такую не знала?

Клеопатра Викентьевна молча помотала головой.

– Я, тупица, сразу не сообразила спросить отчество этой самой Ларисы Стрельцовой. Я-то знаю, что у тебя были брат и сестра: Александр и Ариадна Стрельцовы. Но Лариса?... Слушайте дальше: эта Лариса ещё до войны через весь Советский Союз проехала до Владивостока, потом морем до Чукотки, а оттуда через Аляску – в Голливуд. Там она взяла себе имя Лара Миллер и какое-то время снималась в кино, пока не вышла замуж за англичанина и не стала Ларой Сеймур. С мужем она переехала в Англию. Недавно она умерла... А моя новоиспечённая английская знакомая, кстати, тоже Лара, – её внучка – преподаёт в школе русскую литературу. И если бы не эта Лара, век бы мне куковать в Адамсфилде. Это она посадила меня в поезд и отправила куда следует... Кто же такая может быть эта Лариса Стрельцова из Ленинграда? А, бабуль? Ведь, наверняка, твоя родственница! Вспомни, постарайся...

Внезапно Лада замолчала, а готовые слететь с её уст новые слова комом застряли у неё в горле. Что-то было не так... Услышав в жуткой тишине голос, она не сразу поняла, что он принадлежит Клеопатре Викентьевне:

– Нет, голубчик, не знаю... Нет...

– Ладусик, солнце моё, какой вкусный тортик! Чистейшая амброзия! Тебе налить горяченького чайку? – приторно сладеньким голоском спросил Вадим Андреевич.

Дед вдруг вскочил, засуетился, мотылясь запорхал вокруг Лады. Что это он так подозрительно засюсюкал? И почему её бабуля сидит, как окаменелая, глядя перед собой невидящими глазами.

Эта невысказанная душевная мука... Это лицо... лицо с остекленевшими как у лунатика глазами – оно было беззащитно перед властью терзавших его эмоций; за какую-то долю секунды по нему волной пробежали гордость и унижение, кроткое смущение и откровенное презрение, безнадежность и горькое отчаяние...

Она знала Ларису Стрельцову – это факт! И дед тоже знал! Знали, но не признаются в этом, предпочитают ей, Ладе, врать! Хотя ей с печальной очевидностью стало ясно, что врать они не умеют. Не хотят говорить – не надо! Пусть! Всё равно, полено упрямое, но Лада ещё упрямей. Сейчас она от них ничего не добьётся – это тоже факт; бабуля замкнётся в себе, а дед будет, как натасканный попугай, твердить одно и то же: «Ладусик, голубчик...». «Надо оставить их в покое, не мучить сейчас», – подумала Лада, хотя тысячи вопросов и упреков были готовы сорваться с её языка. Потом... Всё потом... Потом они ей всё расскажут, не сейчас... Сейчас не время и нету сил. Скоро должен прийти Семён. Она вспомнила свою пустую квартиру, будто впервые посмотрев на неё чужими глазами; достаточно ли оно, её жилище, хорошо для Семёна? Приехав из аэропорта на такси, она нашла свою огромную квартиру безмолвной, тоскливой и пустой, пожалуй, слишком безмолвной. Плотно зашторенные окна, уныло повисшая тюль, красивая, со вкусом по-

добранная мебель, уйма пыльных безделушек и книги, книги, книги... Всюду, во всех четырёх комнатах, даже в просторной прихожей книги... И пыль... Как ни закрывайся, эта мелкодисперсная ташкентская пыль всё равно лезет и лезет во все щёлки и прорехи!

Надо поторапидиться, чтобы успеть навести порядок...

– Вероника, нам пора! Давай-ка снаряжайся в дорогу, пакуй Лолиту! – поспешила распорядиться она, широким театральным жестом указывая дочери на специально предназначенную для кошки корзину, а сама вышла в спальню и, не включая света, принялась шарить в комод в поисках обещанного ей крема. Комод был старинный и массивный, как почти вся бабушкина мебель.

Вероника откинула у корзины крышку, и кошка не успела опомниться, как её бесцеремонно принялись запихивать в эту самую корзину; ничего удивительного, что она тут же начала бесноваться, сопротивляться всеми четырьмя лапами, в отчаянии бить хвостом и орать благим матом. Эти её дикие вопли о помощи и вывели Клеопатру Викентьевну из ступора, и она поспешила несчастной твари на подмогу.

Вернулась в комнату с кремом в руках Лада; и поскольку с кошкой уже было покончено, Вероника вкрадчиво обратилась к ней:

– Мамочка, отгадай загадку: четыре растопырки и одна вертушка.

Но её мама была занята своими мыслями, которые галопом носились в её голове, дыбились и бросались наутёк, и от ответа увильнула. Поэтому, сгорая от нетерпения, она сама же и воскликнула:

– Да это же наша Лолитка!

Клеопатра Викентьевна такого беспардонного обращения с русским фольклором стерпеть никоим образом не могла; для пушей убедительности она сдвинула брови и как грозный страж ринулась на его защиту, строгим, наставническим тоном возразив:

– Всё совсем не так! Вероника! Учю тебя, учу, а всё без толку! Правильно говорить: четыре чепырки, две топырки, один вертун. И это вовсе не кошка, а корова!

Эту загадку она помнила с детства – слышала её от своей няньки Нюси, крестьяночки родом из Ярославской губернии; и будто в дремоте ей привиделись нянька Нюся, мама, отец, брат Саша, сестра Ада, бабушка Анна Павловна, которая жила с ними какое-то время после смерти их бедной мамы, пока не убралась в свои палестины... Она вспоминала их старый большой дом на углу Пушкинской и Ассакинской – дом её детства, даже не дом, а богатый, респектабельный особняк, и свою жизнь – жизнь, когда все ещё были живы, а её девичьи чаяния и надежды ещё не были так бесчеловечно испоганены, втоптаны в грязь и превращены в прах...

Клеопатра Викентьевна Стрельцова стояла у высокого крыльца своего дома на Паровой улице и вяло махала рукой вслед удаляющимся по узкой садовой дорожке внучке и правнучке; на прощание она даже заставила себя храбро взглянуть Ладе в глаза, чтобы воочию убедиться, что та, погружённая в свои заботы, уже и думать забыла о странном поведении своей бабули.

В саду сгушался сумрак, как всегда жаркими летними вечерами напоённый изумительным благоуханьем ночной красавицы. С минуту Клеопатра Викентьевна стояла не шевелясь, упиваясь наступившим затишьем, предвестником вечерней зорьки. Когда от сердца немного отлегло, перед её мысленным взором нескончаемым потоком понеслись видения, и все они так или иначе были сопряжены со страданиями и страхом, болью и унижением, нечеловеческими муками и безысходностью, все исполнены отчаянием и неумной тоской, имели мерзкий привкус смерти.

Знала ли она Ларису Стрельцову? О! Ей ли её не знать?!

Лариса Стрельцова, урождённая Лариса Миллер, – дочь российской подданной Софьи Ильиничны Бережной и американского дипломата Уильяма Миллера, брошенная ими на произвол судьбы в страшном 1920-ом году и вскоре повторившая вслед за ними сей тяжкий грех...

Безалаберная и непутёвая Лариса, худая как шепка, с тонкими бесцветными волосёнками и голубыми прозрачными глазищами, оказывается, была вынуждена мыкаться по свету, пока не нашла пристанище в Англии... Вот оно как! Но что эти муки по сравнению с тем, что уготовили ей небеса?! Вспоминала ли она, лёжа на смертном одре, окружённая заботливыми родственниками, а уж коли у неё была внучка, значит, у неё должны были быть дети, вспоминала ли она то своё первое дитя, едва появившееся на свет и брошенное ею.

Бог ей судья!

Немного погодя Клеопатра Викентьевна тяжело поднялась по ступенькам веранды и встала, опершись о подоконник. Почему-то тряслись руки, не слушались ноги, голову

сдавило, будто тисками, а её саму скрючило, как от печёночной колики; путь в три шажка ей показался нескончаемым. Скрипнуло крыльцо. Подошёл Вадим Андреевич (он ходил провожать внучку с правнучкой до ворот), взял её сзади за поникшие плечи, подбородком прижался к её мягкой макушке. Её верный, преданный, заботливый, всеведущий Вадим... Вечно он возится с ней и трясётся над ней, как над какой-нибудь хрупкой вазой; он всегда начеку, бдит, как старый цепной пёс, и терпит всю её дурь и блажь! А каково ей жить с ним всю жизнь, чувствуя себя обязанной его добросердечию и великодушию, не пытка ли?

– Что, мамочка? Тебе нехорошо?

– Нет, Вадим, я в порядке. Так, значит, она умерла... Царствие ей небесное...

Та, которая была жутким кошмаром её жизни, умерла! Та, чьё появление она ждала долгие годы, ждала каждый Божий день, каждый час, каждый свой миг; ждала, засыпая, и ждала, просыпаясь; ждала и боялась её возвращения больше всего на свете – умерла! Всё, она, наконец, свободна.

Все мертвы... Все, кто так, или иначе...

– ...Не мне её судить, Вадим. «Мёртвые срама не имут». Теперь её судит иной суд... Идём в дом.

Вадим Андреевич уже успел убрать со стола и сейчас на кухне мыл посуду. Она одна сидела у окна, выходящего в сад, и равнодушно смотрела, как мгла надвигается на их дом. Она сидела и всё чего-то ждала, будто по привычке, как ждала все долгие годы... Но ведь её химеры отпустили её, нескончаемая пытка надеждой закончилась! Так чего же она теперь ждёт?!

– Как тихо, Вадим, – промолвила она. – Тихо и душно.

Ни птицы не поют, ни деревья не колышутся, лишь в ушах звенит от тишины. Подошёл Вадим Андреевич и закрыл своей мощной, искореженной гранулемами, ссадинами и царапинами ладонью её сухую, маленькую ручку; и события той, другой жизни, когда она блистала молодостью и красотой, когда у неё была такая лёгкая поступь, такие пушистые, чёрные, как смоль, волосы и такой яркий румянец на миловидном личике, когда её душа ещё была полна радужных надежд, а её сердце – её бедное сердце! – ещё не было разбито на тысячи маленьких осколков, замелькали в памяти.

Что-то ещё смутное, неуловимое мучило её. Но что? Наконец она вспомнила слова Лады: «Жизнь, как потёмкинские деревни; всё – одно сплошное притворство и обман...»

Куранты на Сквере пробили девять раз, и этот звук отчётливо разнёсся по их тихой и безлюдной улице. Всё. Её долгая мелодрама подошла к концу. Всё... Вновь, как и тогда, более полувека назад, она подумала: «Жизнь коротка, но иногда она кажется невыносимо бесконечной, особенно когда всё – одно сплошное притворство и обман, миражи и фаты-морганы...»

И вновь, как и когда-то, она почувствовала, что ей больше нечего ждать, кроме смерти...

Конец первой книги

ПОЭЗИЯ

Любая встреча рождена разлукой

Искрится снег лунным светом облитый.
Что-то прилично поют провода.
Слышится вальс мной давно подзабытый...
Помнишь, его танцевали тогда?

Вновь прохожу я подъездом знакомым:
был он надежным укрытием нам.
Мама кричала привычно с балкона:
– А не пора ли, друзья, по домам!

Помнишь, о чем только мы не мечтали?
К счастью стремились влюбленной душой.
Счастье ромашки нам колдовали,
только прошла ты чужой стороной.

Так получилось. Жалею немного.
Эхо затихло детской любви.
Если сужу я тебя, то не строго.
Хочешь, попробуй, меня позови.

Странный как будто вдруг выдался вечер –
Манит чужое, вроде, окно.
Разве заняться сегодня мне нечем?!
Было и было. Не все ли равно.

Только слепит снег, луною облитый.
Не отпускают меня провода.
Кружит отчаянно вальс подзабытый...
Это его танцевали тогда.

Я разучился быть галантным
и комплименты говорить.
Осатанел я от стандартов...
До иступления любить
хочу и в зной, и в непогоду,
в аду, в чистилище – всегда.
Но чтоб над всем над этим годы
не властвовали никогда.
Стремиться к этому упорно
я буду через черт-те что!
Во все века одно бесспорно:
Мы без любви – Никто, Ничто!!!

**Геннадий
КИСЕЛЕВ**

Родился в Ташкенте
в 1947 г.
Член Союза
писателей России.
Окончил Ташкентский
театрально-художественный институт.
Работал актером
Русского драматического театра, театра оперетты в Ташкенте,
автор нескольких
книг для детей и поэтических сборников.

Синеву октября над Москвой
пеленает лохмотьями вечер.
И под тускло затлевшей звездой
зашагал я никем не замечен:
Ни пурпурно-мелькнувшим лучом,
ни лицо остужающим ветром.
И побрел ни при ком, ни при чем,
ни с ответом тебе, ни с приветом.
Что поделаешь, век за спиной,
на распутьях заглохли приветы,
что из дома брести, что домой,
что закаты тебе, что рассветы.
Впрочем, был переулочек один
в лопухах, с проржавевшей калиткой,
я стучаться в нее до седин
был готов. Но из памяти зыбкой
не всплывет нужный номер никак,
ни фамилия на табличке.
Попадешь поневоле впросак,
коль толкнешься туда по привычке.
И не выйдет навстречу никто,
синева злую шутку сыграла.
Только женщина в легком пальто,
улыбнувшись, с порога сказала:
– Переулочек снесли тот давно,
от калитки петьелка осталась...
Вы озбыли?
– Не все ли равно...
– Так чайку?
– Если самую малость...

Я не люблю тебя,
ты этого хотела,
всю правду разом
о себе узнать?
Как будто для того,
чтоб целовать
твое еще волнующее тело,
необходимо страсть изображать?

Конечно, сей секрет
не то чтоб новый,
тебе я доверяю, как всегда.
И это, верь мне,
право, не беда,
что мы с тобой
забудем это слово.

А в остальном, мой друг,
тебе принадлежать
я буду честно, верно,
даже рьяно,
как на страницах

женского романа
друг другом страстно
будем обладать.

И вот теперь, надеюсь,
ты довольна?
Мы станем жить
Без пошлых фраз и грез.
Я это говорю
тебе всерьез.
Ведь я всегда
любил тебя.
Невольню...

Любая встреча
рождена разлукой,
она за встречей
по пятам сколизит,
неторопливо
взрашивая муку,
пока душа в неведении спит
и видит, что
переживет разлуку.
Да канет в Лету
старая беда,
и рассосется
давешняя мука
от новой встречи
раз и навсегда.
Нам блажится,
что в миг
нежданной смерти
родимого
до морока лица,
нет горше часа...
Так-то так,
но верьте,
и эта боль,
увы, не без конца.
А встреча обернется
прежней мукой,
и будет эту встречу
торопить
усмешкой
предстоящая разлука.
И этой странной доли
не избывать.
Да, вот какая
приключилась штука
со мной, мальчишкой,
много лет назад.
Я под венцом стоял
уже с разлукой
и всякий раз
был в этом виноват.

Прогоркла соль, шепотка перца
не гонит ток в моей крови.
Нет мира на душе, а сердце
остыло без твоей любви.

Я сам убил ее в начале,
когда лишь только брезжил путь.
Как долго мы о том молчали,
чего во веки не вернуть.

Чего не выстроить руками,
что создается лишь душой.
Я не в тебя бросаю камень,
а просто озираю свой

нелегкий путь, итог печальный,
все разрушающий финал.
Когда бездарно и банально
любовь навеки проиграл,

Играя весело словами,
а в это время по пятам
мне выжигало душу пламя
из слов простейших: «Аз воздам».

И все ж я благодарен Богу,
что средь житейской маелы
такой ухабистой дорогой
прошла со мною рядом Ты.

Как щедро я слова транжирил,
Шутя, на ветер их бросал.
И все ж они поныне живы,
Порхают там на небесах.

А если падают на землю,
то прорастают все равно
наполненным весною стеблем,
лозой, насыщенной вином.

Потянутся в степи ромашкой,
сиренью буйствуют в саду...
Ну, опрокинутся рюмашкой –
чужую облегчить беду.

Бывает, скорою разлукой,
бывает, встречей на века
слова в протянутую руку
опустятся издалека.

А есть слова на донце сердца,
пусть это сердце далеко,
но все же ты о них согреешься
попробуй, это так легко.

Они для нас во тьме пылают
порой мучительным огнем.
А почему не угасают?
Поймем? Когда-нибудь поймем...

Уходящее
Ласково манит.
И прошедшее
спать не дает.
Настоящее
прошлым не станет.
Ну, а станет,
так снова солжет?

Проплутавши
по детства улице,
я невольно забрел
в старый дом.
Тот еще
сильнее ссутулился,
размышляя себе о былом.

О былом,
в неизвестность ушедшем,
робких клятвах,
успешных прости.
Ну а я лишь
докучивым встречным
промелькнул у него на пути.

Но чего же нас
Прошрое манит?
Отчего оно
спать не дает?
Настоящим оно уж не станет
ну, а станет,
Поверьте, солжет.

караван истории

Вера
ШАСКОЛЬСКАЯ

Родилась в Москве в 1947 г. Окончила механико-математический факультет МГУ, кандидат физико-математических наук. С 90-х гг. работает и живет во Франции. Преподает в университете в Новой Сорбонне. Действительный член Французского Союза переводчиков.

ИЗ ФРАНЦИИ ДО
ТУРКЕСТАНА¹

А здесь – Восток.
Меж нами, как река, пустыня,
А слезы, как песок.

Петербургцы в Средней Азии и тот след, который они оставили в истории и культуре этого края – интересная тема для исследований. Особенно если при этом проследить исторические корни этих петербуржцев.

Моя бабушка, Надежда Владимировна Брюллова-Шаскольская, коренная петербурженка, прожившая в Средней Азии много лет и погибшая в годы репрессий в Ташкенте, написала в начале 30-х годов роман о своих предках. Он начинается так:

«Глухо тикают стенные часы, мерно отзванивают. Оплывает свечка на бронзовый итальянский светильник. Шестилетний больной мальчик в постели, обложенный подушками, штрихует рисунок. А отец – золотарного и лакировального дела мастер, орнаментной на дереве скульптуры профессор и академик, мasonicкой ложи избранного Михаила неперменный член Пауль-Иоганн Брюлло, он же Павел Иванович Брюлло – ходит по комнате в синем шлафроке с прискакивающей пудреной косичкой. Остановится, поглядит на рисунок, и глаза под сдвинутыми кустистыми бровями поблескивают: «Из этого малого выйдет толк!»

...Больше ста лет прошло, как бежали их предки по прозванию Brulleau из греховной Франции, из страны мерзостного папизма, в избранную богом Германию, в меланхолические люнебургские степи.

Но понадобились варварской восточной империи при мудрой Екатерине, покровительнице наук и высоких художеств, сведущие ученые и опытные мастера из просвещенной Германии. Тогда в 1773 году орнаментный скульптор Георг Брюлло вспомнил скитания своих отцов, забрал внуков и стертую, слезами политую библию и отправился в страну белых медведей. Приехал и стал обжигать глину за Невской заставой на императорском фарфоровом заводе на прославление российской изящной индустрии, на посрамление предприятий королей французского и саксонского.

...Крепчала семья... И каждый год рождались дети: Сашинька, Карлинька, Мерихен, Юлинька.

...Мастер стал профессором. Множился, богател, крепко корнями врастал в Васильевский остров упорный род гугенотский»².

Роман называется «Братья Брюлловы». Он до сих пор не опубликован.

¹ Автор выражает благодарность Т. А. Лузановской, В. А. Германову и Н. О. Камилевой за помощь, без которой эта статья не могла бы быть написана.

² Н. В. Брюллова-Шаскольская. Братья Брюлловы. – Рукопись (хранится в личном архиве В. Э. Шаскольской).

О ком идет речь в приведенном отрывке? Шестилетний мальчик Карлинька, штрихующий свой рисунок, – это будущий знаменитый художник Карл Павлович Брюллов, создатель всемирно известного полотна «Последний день Помпеи». А его старший брат Сашинька – будущий архитектор и художник Александр Павлович Брюллов, дед моей бабушки, то есть мой прапрадед.

Братья Брюлловы – Александр и Карл – были очень дружны, разница в возрасте была меньше года. Оба учились в Академии художеств (Карл – в классе исторической живописи, а Александр – в классе архитектуры) и считались лучшими ее учениками. В награду за успехи в 1822 году они были отправлены в длительную творческую поездку за границу на средства Общества поощрения художеств. И в этот момент их фамилия еще раз изменилась: она стала «русской по форме». Императорским указом к ней на конце была прибавлена буква «в» и твердый знак. С тех пор Александр и Карл, а также их потомки назывались Брюлловыми, а все остальные представители их рода, как и прежде, носили фамилию Брюлло.

Мировую славу архитектору Александру Брюллову принесла Пулковская обсерватория близ Санкт-Петербурга, построенная по его проекту, как и многие другие здания и сооружения в Санкт-Петербурге (штаб гвардейских войск на Дворцовой площади, Михайловский театр, Александринская больница, лютеранская кирха Петра и Павла и т. д.) и в других местах (в Севастополе – памятник капитану Казарскому, Морская библиотека, Дом общего собрания флагманов и капитанов, в Оренбурге – караван-сарай, мечеть и минарет, в Тобольске – памятный обелиск в честь битвы между отрядом Ермака и войском татарского хана Кучума, на Куликовом поле – памятник в честь известной победы, и т. д.).

Необходимо добавить, что Александр Брюллов был не только архитектором, но и художником. Он по праву считается одним из лучших портретистов первой половины XIX века, выдающимся акварелистом, рисовальщиком, литографом. Так случилось, что как художник он менее известен, чем Карл, по словам исследователей, громкая мировая слава Карла «своими лучами отодвинула Александра в тень». Но специалисты считают, что как мастер портретной акварели он мало чем уступает «знаменитому Карлу». Известны многие написанные им портреты, в том числе, портрет Н. Н. Пушкиной, жены великого русского поэта. Однако основной его деятельностью, конечно, была архитектура.

В 1832 году Александр Брюллов был возведен в звание профессора архитектуры. В 1842 году «в уважение пользы, которую он принес художествам и учащимся», он был возведен в звание профессора 1-й степени, а в 1854 году стал заслуженным профессором. В 1838 году ему с потомством был пожалован диплом на дворянское достоинство, и тогда же был высочайше утвержден герб его фамилии.

Замечу, что его внукам это дворянство не принесло радости. Более того, впоследствии оно осложнило им жизнь. В эпоху сталинских репрессий принадлежность к дворянскому сословию считаласьотячающим обстоятельством. Следователи не понимали, что дворянское звание может быть пожаловано как награда за работу, за заслуги перед отечеством. Всех дворян они автоматически зачисляли в «эксплуататоры» и «враги народа».

«Упорный род гугенотский», по выражению моей бабушки, «врастал корнями» в Васильевский остров. Врастал в Санкт-Петербург, в Россию. Александр Брюллов сам спроектировал и построил собственный особняк на Васильевском острове, а также загородный дом в Павловске для всей своей большой семьи. Этот знаменитый деревянный дом с высокой красной кирпичной башней, парк вокруг него и расположенный неподалеку семейный участок Брюлловых на местном кладбище – вся эта местность, называемая «Брюлловкой»¹, очень много значила для его внуков. Это была их «малая родина».

Среди похороненных на «брюлловском» участке кладбища – Александр Брюллов и его жена.

Люди, знавшие мою бабушку и рассказывавшие мне о ней, часто упоминали ее обостренное чувство справедливости и присущее ей стремление служить людям. Вполне естественно, что эти мысли, в конце концов, привели ее в партию социалистов-революционеров (эсеров). Так «упорный род гугенотский» все глубже врастал в российскую действительность...

Впрочем, почему я пишу «гугенотский род»? Брюлловы, в сущности, давно уже

¹ См.: Павловск: Исторический очерк и описание /сост. К.Грузинский. СПб., 1911. С. 68).

не были ни немцами, ни, тем более, французами. Они обрусели, стали русскими. Все произошло в соответствии с той концепцией, которую всегда отстаивала моя бабушка: нацию формирует не этническое происхождение, не религия, не кровь, а общая жизнь, общее творчество, общая судьба.

Дело в том, что в партии эсеров моя бабушка Н. В. Брюллова-Шаскольская стала ведущим специалистом именно по национальному вопросу. В одной из своих работ в 1917 году она писала:

«Принадлежность к той или иной нации определяется самим человеком. Никто не может быть записан в списки нации на основании государственной, расовой принадлежности или происхождения своего»¹.

И в другой работе, более развернуто:

«Нация – группа людей, объединенных общей исторической судьбой, совокупностью ценностей, вместе, в поколениях предков, созданных и ныне вместе создаваемых, ценностей прошлого, вылившихся в культуру и создавших культурную среду как почву для новых возможностей и нового творчества, творчества политического, социального и чисто культурного, научного, литературного, художественного»².

Возможно, на эти мысли бабушку навела именно история ее рода: то, как французы Брюлловы стали немцами, а потом из немцев превратились в русских. Причем – и это очень важно отметить – они стали не просто русскими, а коренными петербуржцами, а это, как известно, «особая порода»³.

Но на этом скитания Брюлловых не закончились. Война, революция, репрессии раскидали их в разные стороны. Мою бабушку Надю и ее двоюродную сестру Лиду ждала впереди Средняя Азия. Как, увы, и других близких им людей.

«Видели вы итальянок на картинах Карла Брюллова? С четким профилем, с блестящими черными волосами?» – писала в своей «Автобиографии»⁴ в 1927 году известная поэтесса Серебряного века Елизавета Дмитриева-Васильева и сама себе отвечала: *«Вот такая моя Лида Брюллова, почти моя сестра, мою мать она называет «мама» – мы росли вместе – она прекрасна и лицом и душой»*.

Е. И. Дмитриева-Васильева известна, прежде всего, как героиня и автор самой знаменитой мистификации в русской литературе XX века. Это произошло в 1909 году. «Прекрасная незнакомка» писала стихи под псевдонимом «Черубина де Габриак», посылала их Сергею Маковскому, издателю журнала «Аполлон» (где сотрудничали практически все литераторы Серебряного века), а также звонила ему по телефону и рассказывала о себе. В результате в нее заочно влюбились все «аполлоновцы», а больше всех сам Маковский.

Сейчас, когда все давно раскрыто и рассказано, не секрет, что вторым автором и участником мистификации был поэт Максимилиан Волошин, но мало кто знает, что был и третий участник, а вернее, участница, с самого начала полностью посвященная во все перипетии этой затеи. Это была Лидия Павловна Брюллова, художница и поэтесса, секретарь редакции журнала «Аполлон». Они с Е. И. Дмитриевой-Васильевой действительно были «почти сестры», вместе росли, жили рядом (а иногда и вместе) и были очень близки. Когда «аполлоновцы» стали уж слишком настойчиво предлагать таинственной Черубине встречу, она известила Маковского письмом о своем отъезде за границу месяца на два «по требованию врачей», а вскоре после этого ему позвонила другая незнакомка, назвавшаяся кузиной Черубины княгиней Дарьей Владимировной, и пообещала изредка сообщать сведения о ней. Маковский писал⁵, что своими проникновенными рассказами о болезни и страданиях Черубины «кузина» еще больше взволновала его и остальных «аполлоновцев». А Волошин впоследствии рассказал⁶, что роль этой «княгини-кузины» исполняла Лида Брюллова.

Но эта прекрасная история, как и многие другие воспоминания, осталась в прошлом. Потом были война и революция. Наступили другие времена.

В 20-е годы Лида и Лилия (так звали близкие Е. И. Дмитриеву-Васильеву) по-прежнему

¹ Н. В. Брюллова-Шаскольская. Национальный вопрос в России. Петроград, 1917. С. 13–14

² Н. В. Брюллова-Шаскольская. Партия социалистов-революционеров и национальный вопрос. Петроград, 1917. С. 9–10

³ С. С. Аверинцев. Опыт петербургской интеллигенции в советские годы – по личным впечатлениям. // VITTORIO Международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды. – М.: Три квадрата. 2005. С.40–41

⁴ Черубина де Габриак. Автобиография. Избранные стихотворения. М: «Молодая гвардия» – «Слово-Арт», 1989, стр. 26

⁵ Сергей Маковский. Портреты современников. / Нью-Йорк, 1955

⁶ Волошин М. Рассказ о Черубине де Габриак // Новый мир. №12. 1989

жили рядом, в одном доме. Лида работала управделами ТЮЗа, Лиля занималась литературной деятельностью. В апреле 1927 года их вместе арестовали по обвинению по статье 58-11: «активная борьба с рабочим классом при царском правительстве и при белых», но в июне того же года обе были освобождены¹. Однако в августе 1927 года Е. И. Дмитриеву-Васильеву вновь арестовали, на этот раз «за принадлежность к антропософскому обществу», и выслали сначала в Екатеринбург, а потом в Ташкент. Там она встретилась с моей бабушкой Н. В. Брюловой-Шаскольской, которая уже давно, с 1922 года, отбывала в Средней Азии ссылку за принадлежность к партии эсеров. Об этой встрече – ее стихотворение, посвященное моей бабушке:

Н.Б.Ш.

*От детства в нас горело пламя,
И вел неумолимый рок,
Но только разными путями
Пришли с тобой мы на Восток.
И здесь, в стране воспоминаний,
В песках, таящих кровь земли,
Быть может, у последней грани,
В осеннем меркнушем тумане
С тобой друг друга мы нашли.*

Да, они были знакомы с детства. И связующим звеном между ними была Лида Брюлова. Именно в это время, в Ташкенте, Е. И. Дмитриева-Васильева написала приведенные выше проникновенные строки о Лидии Брюловой, которая «прекрасна лицом и душой», и добавила: «Она жлет меня на Севере. Ее дети – почти мои дети, Юрий и Наташа»².

Живя на Востоке, Е. И. Дмитриева-Васильева называла Севером свой родной город Петербург, по которому она очень тосковала и с которым постоянно сравнивала и сопоставляла то, что видела вокруг:

*Здесь и в реке зеленая вода,
Как плотная, ленивая слюда
Оттенка пыли и пылини...
Ах, лишь на Севере вода бывает синей.
А здесь – Восток.
Меж нами, как река, пустыня,
А слезы, как песок.*

Не дождавшись Лию на Севере, Лида Брюлова в августе 1928 года приехала ее навестить в Ташкент. Не побоялась... Пересекла разделявшую их пустыню, о которой писала Лиля в своих стихах. Через 3 месяца Лиля умерла. А через несколько лет Лидия Брюлова вновь возвратилась в Узбекистан уже не по своей воле. И навсегда...

Вскоре после того, как в декабре 1934 года был убит С. М. Киров, в Ленинграде начались массовые высылки – город очищали от «бывших». Не утруждая себя объяснением причин, высылали всех без разбора. В марте 1935 года семья Лидии Брюловой (по мужу Владимировой) тоже получила предписание в 3 дня собраться и выехать в город Атбасар в Казахстане. Выехали всей семьей – она сама, ее муж и дочь Наташа (сын Юрий еще в начале 30-х годов умер от туберкулеза). Вскоре высылку им заменили на так называемый «минус 15», т.е. на запрет на проживание в 15 городах, что позволило им выбрать самим себе город для проживания. Разумеется, они выбрали Ташкент – там жили их родные (моя бабушка Н. В. Брюлова-Шаскольская и ее сын Валерий), там была могила Лили. Наташе через год удалось вернуться в Ленинград, но судьба ее сложилась несчастливо – она пережила в этом городе первую блокадную зиму, эвакуировалась вместе с семьей в Ростов, где они попали в плен к немцам, а потом в конце войны погибли в Берлине во время бомбежки.

Лидия Павловна и ее муж до 1937 года жили в Ташкенте, а потом 4 года в Намангане. Как и прежде, они работали в сфере искусства и культуры. Лидия Павловна заведовала фондом Наманганского краеведческого музея, а ее муж работал в областном музыкально-драматическом театре.

¹ «Хроника жизни и творчества Е. И. Васильевой (Черубины де Габриак)» Сост. В. П. Купченко. / Черубина де Габриак «Исповедь», – М.: Аграф, 1999. – 384 с. – стр. 318–335.

² Черубина де Габриак. Автобиография. Избранные стихотворения. М: «Молодая гвардия» – «Слово-Арт», 1989, стр.26.

В 1941 году (еще до начала войны) арестовали Лидию Павловну, а через несколько недель – ее мужа. Их вместе судили по ст. 66-1 УК УзССР (контрреволюционная агитация и пропаганда) и приговорили к 10 годам лишения свободы. Через год муж Лидии умер, а сама она провела 10 долгих лет в ИТЛ в Фергане и в марте 1951 года была освобождена. Даже в лагере она работала как художник в кукольно-швейной мастерской. Последнее место ее проживания г. Ленинск (ныне – Асака) Андижанской области. Она жила там «на поселении» и уехать не имела права.

В ноябре 1953 года в дневнике ее старинной приятельницы Л. В. Шапориной, живущей по-прежнему в Ленинграде, появляется такая запись:

«В последнем письме Лида писала, что подавала просьбу о снятии судимости. Ей ответили, что смогут пересмотреть ее дело в том только случае, если у нее есть близкие родственники, дочь, сын или сестра, которые взяли бы ее к себе! У Лиды погибли все: муж, брат Борис Павлович¹, Наташа. Сын умер уже давно, до их высылки.

А за что она была выслана 18 лет назад! Муж был когда-то офицером, а ее отец был профессором императорской Академии художеств. Вот и все грехи этой семьи»².

Это были последние месяцы жизни Лидии Павловны. В апреле 1954 года поздравительная телеграмма, посланная ей ко дню ее именин, вернулась обратно с уведомлением о смерти адресата. Точная дата ее кончины неизвестна.

Судьба моей бабушки, Н. В. Брюловой-Шаскольской, была не менее трагической. Она тоже прожила много лет в Средней Азии. А в 1937 году ее расстреляли по нелепому, надуманному обвинению. Конечно, сейчас она, как и Лидия Павловна, полностью реабилитирована, но ведь этим их не вернешь...

Бабушка была высокообразованным и очень талантливым человеком. Она окончила Высшие женские курсы и Петроградский университет. Была историком, этнологом и этнографом, автором многих серьезных научных работ. Еще до начала Первой мировой войны она написала диссертацию, защитить которую помешала война. Тем не менее она получила звание профессора.

Общественный темперамент и обостренное чувство справедливости привели ее в ряды одной из политических партий, в гущу революционных событий 1917-18 годов. Но и там она действовала скорее как ученый-этнограф, глубоко занимаясь разработкой национального вопроса. Советская власть не простила ей этого краткого периода революционной деятельности и, в конце концов, из-за него она и погибла.

Впервые ее арестовали в 1922 году в Петрограде и отправили на 3 года (позднее срок продлили) в ссылку в Ташкент. Там ее сразу взяли на работу на кафедру общей этнографии Восточного института, входившего в состав САГУ. Она читала студентам курс общей этнографии и готовила к печати в Госиздате необходимый университетский курс. Но это длилось недолго – по непонятной причине через несколько месяцев ее перевели в Самарканд, а потом в Полторацк (так тогда назывался Ашхабад). Она возражала, доказывая, что как профессор должна жить и работать в университетском городе, требовала оставления в Ташкенте – ей отказали. Она не растерялась, не опустила руки. Хоть поначалу в захолустном Полторацке пришлось трудно – действительно, не нашлось возможности для научной или преподавательской работы, и бабушке пришлось зарабатывать на жизнь частными уроками, но как прирожденный исследователь, ученый-этнограф, оказавшись рядом с неизвестными ей ранее народами, она сразу же стала обдумывать план их изучения. Впоследствии этот план ей удалось частично осуществить, применяя оригинальные методы, со всей присущей ей энергией и исследовательским талантом. С 1924 года она была научным сотрудником Государственного ученого совета ТССР и местного краеведческого музея, затем стала работать во вновь созданном Туркменском НИИ.

В 1926 году, будучи начальником первой в Туркменистане научной этнографической экспедиции, она провела этнографо-антропологическое изучение одного из наиболее труднодоступных и наименее исследованных округов – Керкинского³.

¹Борис Павлович Брюлов – тот самый двоюродный брат моей бабушки, о котором она писала в своих воспоминаниях о детстве. Историк, искусствовед, краевед. Репрессирован, погиб в заключении.

²Л. В. Шапориная. Дневник. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. 2-е изд. Т. II, стр. 240–241 Н. В. Брюлова-Шаскольская. На Амударье: этнографическая экспедиция в Керкинский округ ТССР // Новый Восток, № 16–17, 1927.

³Н. В. Брюлова-Шаскольская. На Амударье: этнографическая экспедиция в Керкинский округ ТССР // Новый Восток, № 16–17, 1927.

Она занималась также составлением этнографических схем по родовому и племенному составу Туркмени. Эти схемы вошли в инструкцию ЦСУ республики по проведению переписи населения. По заданию ЦСУ она также подготовила историко-этнографический очерк некоторых районов Туркменской ССР.

Позднее ей все-таки удалось перебраться в Ташкент, где она стала работать в Главном среднеазиатском музее и преподавать этнографию в САГУ и педвузе. Разрешение на этот переезд она получила лишь в 1927 году, когда в САГУ поступил ее сын Валерий Шаскольский. Как и упомянутая выше Наташа Владимировна, он принадлежал к уже следующему поколению потомков Брюлловых, заброшенных судьбой в Туркестан.

Оставшись в 1918 году после скоропостижной смерти мужа вдовой с тремя малолетними детьми на руках, бабушка долго скиталась с ними по стране в годы гражданской войны. Отправляясь в 1922 в ссылку в Среднюю Азию, она взяла с собой только 12-летнего сына, а дочерей (9 лет и 4 года) взять не решилась, оставила у родственников. С тех пор ее сын Валерий практически всю свою жизнь прожил в Средней Азии. Он окончил среднюю школу в Ашхабаде в 1926 году, год проработал рабочим в Копетдагской экспедиции, в 1927 году поступил в САГУ и окончил его и САГРИ в 1931 году по специальности «Разведка металлов». После этого он работал начальником различных геологических экспедиций в Узбекистане, Киргизии, Таджикистане, разведывал многие месторождения цветных и редких металлов.

Валерий был одним из лучших студентов курса (и при этом еще совмещал учебу с работой – был коллектором в различных геологических партиях), но, как сыну ссыльной, ему приходилось нелегко. Его то и дело попрекали «политической неблагонадежностью» матери. Вот как описывает его однокурсник и друг А. С. Федоренко одно из факультетских собраний, посвященное «очистке пролетарского студенчества от чуждых элементов»:

«Оратор, не дойдя до трибуны, громил:

– Вон эсеровских последышей, засоряющих пролетарские ВУЗы! Выметем железной метлой из рядов пролетарского студенчества...

Уже на трибуне, картинно облокотясь на столик, оратор продолжал громить. Постепенно сглаживая и как бы извиняясь за свой дурной характер, предложил вызвать и выслушать парня.

– А, может быть, он и не виноват? – заключил оратор, сходя с трибуны.

...На трибуну твердым шагом поднялся Валерий. На вопрос председателя о том, разделяет ли он контрреволюционные идеи и намерен ли он отказаться от матери, проповедовавшей борьбу с большевиками, Валерий после непродолжительного раздумья сказал:

– Я своих твердых убеждений, кроме необходимости учиться, не имею! Я не разделяю идей матери, но от нее не отказываюсь, она всю свою сознательную жизнь отдала борьбе с царизмом, забывая себя и семью. Я хочу быть таким же стойким борцом за победу Мирровой революции.

В зале стало необычно тихо от ясно сказанных слов в защиту матери и своих убеждений, от слов, которые не каждый из присутствующих решился бы произнести. Они были равносильны, в лучшем случае, исключению из ВУЗа.

Это было за год до опубликования письма Сталина Иванову, где снималась ответственность детей за поступки или деятельность родителей.

Выступающие явно симпатизировали Валерия, но ни у кого не хватило смелости сказать, что не следовало бы собирать подобное судилище. Хотя многие знали, что вопрос о студенте Шаскольском решается не здесь и вне зависимости от мнения собравшихся.

Ему потребовались десятки дней волнений, чтобы стало ясно – серьезных последствий не будет.

Но Валерия не оставили в покое, и в следующем году повторилась аналогичная история. Его терзали как цыпленка. Наконец, измученный до предела, он обратился к директору с просьбой исключить его или оставить в покое.

В покое оставили – до весны 1937 года»¹.

В 1929 году бабушка вернулась в Ленинград. Несколько относительно спокойных лет плодотворной работы. Но передышка была недолгой. В 1933 году – снова арест, снова ссылка, снова Ташкент. Снова она работает в Главном среднеазиатском музее, создает там отряд кочевых народов, но преподавать общественные науки (историю, этнографию)

¹ Неопубликованная рукопись А. С. Федоренко, предоставленная его дочерью Т. А. Лузановской.

ей уже не разрешают. Она не теряется – становится доцентом кафедры иностранных языков.

По рекомендации ректора университета ее принимают на работу в УзНИИМЛ (Узбекский НИИ марксизма-ленинизма), где поручают работу по составлению хрестоматии «Древние авторы о Средней Азии». Но когда эта работа заканчивается, институт заявляет, что хрестоматия будет опубликована без указания имени составителя. Конечно, бабушка против этого возражает. Тогда книгу просто откладывают «в стол», и она выходит в свет уже после гибели автора – в 1940 году¹. Стоит лишь взять в руки эту замечательную книгу и открыть ее, чтобы увидеть, с какой любовью она сделана, какой большой и кропотливый труд в нее вложен и как высок профессиональный уровень выполнения. Но, увы, – Н. В. Брюллова-Шаскольская в этой книге не упоминается. Сказано лишь, что «Хрестоматия составлена научными сотрудниками УзНИИМЛа». А на титульном листе стоит: Под редакцией Л. В. Баженова².

Вот как бывает...

Я знакома только с некоторыми произведениями моей бабушки. Думаю, что нет человека, который бы все их читал или хотя бы видел. Есть несколько списков ее трудов, но ни один нельзя назвать полным. Бабушка много писала на самые разные темы и в разных жанрах (серьезные научные труды и популярные брошюры, детские книжки и политические статьи, учебники и отчеты и т. д.), но издавалось все это обычно малыми тиражами, а затем в течение многих лет систематически выбрасывалось из библиотек и уничтожалось. Никто никогда не задался целью собрать многочисленные статьи, рассеянные по разным журналам, по архивам и спецхранам. Кое-что было опубликовано под другими именами, когда бабушки уже не было в живых, и она не могла этому противостоять. Некоторые ее книги вообще никогда не публиковались. А сколько замыслов осталось незавершенными или вообще не осуществленными!

Остались также бабушкины стихи. В том числе стихотворные переводы, в которых тоже частичка ее души. Вот, например, отрывок из ее переводов Махтумкули, знаменитого туркменского поэта XVIII века:

*Проходит жизнь, и мимолетны звуки.
Мы все пришли, идем, уйдем опять.
Кто жизнь схватил и хочет удержать,
Бессильно раскрывает руки.
Ты всем, судьба, сулишь так сладко-сладко,
Но горечь горькую приносит труд.
Скоксизит, манит обманная загадка,
Вот-вот догнал, – но призраки бегут.
В круженье, в вихре мчатся времена;
Одни сияют, удел других – скитанье,
Одним лампада жизни зажжена,
Другим – погасло краткое сиянье³.*

Мне кажется, что, хоть это и перевод, но в эти строки она вложила что-то глубоко личное. Во всяком случае, не только о древних туркменах она думала, когда писала: «Одни сияют, удел других – скитанье»...

И эта литературная работа, как многие другие, была ею сделана в ссылке, где она провела много лет, в тяжелых условиях полного бесправия, бытовой неустроенности, финансовых затруднений, оторванности от родных. Потрясающая работоспособность, упорство, преданность делу. Ну и талант, конечно.

¹ Древние авторы о Средней Азии. VI в до н. э. – III в н. э. Хрестоматия. / Ташкент, Гостехиздат УзССР, 1940 – 172 стр.

² Об этом см. также: Германов В. А. Истинно говорю, что один из вас... // Звезда Востока. Литературно-художественный журнал. Ташкент. 1995. №3–4. Март-апрель. С.109–127; Германов В. «Восточный фронт» // Восток – Ориens: История и современность афро-азиатских обществ. Москва. 1996. №3. С.115–137; Германов В. Благословлена от дней творения. Древние авторы о Средней Азии. Всего лишь пыль с обложки книги. ... // Звезда Востока. Литературно-художественный журнал. Ташкент. 1995. №1–2. Январь-февраль. С. 105–107; Германов В. Благословлена от дней творения. Древние авторы о Средней Азии. Всего лишь пыль с обложки книги. ... // Звезда Востока. Литературно-художественное издание Республики Узбекистан. Ташкент–Москва. 2002. Выпуск 2. С. 4–5. Германов В. А. И здесь, в стране воспоминаний!.. Этнограф Надежда Брюллова-Шаскольская в Узбекистане и Туркменистане. Личность/Общественное мнение. Права человека. Узбекстанский гуманитарный журнал. Научно-информационное издание. Ташкент. 2010. №2[50]. С.86–95 и другие.

³ Н. В. Брюллова-Шаскольская. Старинная поэзия туркмен. // Литературный Узбекистан, кн. 3, 1936. Стр. 144–159.

Сидят (справа налево): Валерий Шаскольский, Лидия Брюллова (Владимирова), Надежда Брюллова-Шаскольская, ее сводная сестра В. Г. Конради. Стоят (слева направо): Наташа Владимирова, А. С. Федоренко, его жена Кира. Ташкент. 1935 г.

В апреле 1937 года бабушку арестовали в последний раз, и она исчезла. Много лет спустя мы узнали, что в сентябре того же года «тройка» НКВД приговорила ее к расстрелу «за антисоветскую агитацию и пропаганду» и что приговор был приведен в исполнение 9 октября 1937 года.

А в ноябре 1937 был арестован Валерий. Более полутора лет он провел во Фрунзенской тюрьме НКВД. А потом его освободили «за отсутствием состава преступления». Повезло... Но тюрьма подорвала его здоровье. В 1948 году, в возрасте 38 лет, он заразился дифтеритом и умер. Не выдержало сердце... Его могила в Ташкенте, на старом Боткинском кладбище.

А на старом кладбище в Павловске, на семейном участке Брюлловых, куда маленькие Надя, Лида и их старший брат Борис приходили пообщаться с «теньями дедов» и почувствовать себя «частичками неумирающего рода», сейчас установлен обелиск, на котором высечены их имена. И надпись:

«Память о невинно убиенных – на земле предков».

проза

**Эльдар
ЮЛДАШЕВ**

Родился в 1985 г. в Бухаре. Участник Международных конференций и фестивалей. Композитор, аранжировщик, поэт и звукорежиссер. Старший научный сотрудник ГИИКУз. Живет в Ташкенте.

ИСТОРИЯ ЗВУЧАЩЕЙ ЛЕГЕНДЫ

Эссе*

Новый день открывал мне новую страницу моей жизни. Новые лица, эмоции и знакомая идиллия. Выйдя из дома, я, как обычно, направился по старой узкой улочке к дороге. Именно с этой старой улочки, где обычно приходится фланировать, и началась новая история о неизведанном...

Не сказать, что это был необычный прохожий-дедушка, скорее среднестатистический житель города. Подошел уточнить дорогу, потом выяснилось, что и ему на автобус. Идем. Он воодушевленно рассказывает о будничных делах, я слушаю. Не потому, что ему поговорить не с кем, у него, наверное, семья: жена и дети, которым он и травит байки. У меня роль прохожего — мне спокойно идти и слушать. Нашли свою волну. Подходим к пустующей остановке. Через минуту другую подъехал наш автобус, заходим в полупустой салон, садимся. И тут раздается плач ребенка. Мальчуган рядом с дедушкой заливается слезами, мама с сестренкой стараются успокоить его. Шепчут что-то на ухо, пытаются развеселить. Он ни в какую, у него вселенское горе, а значит необходимо затопить соленым морем слез весь автобус. Тут «мой» дедушка достает из пакета конфету и протягивает ее сестренке плаксы. Поток слез мальчугана прекращается, готовый возобновиться с обидой, имя которой «а почему не мне?». Тут же в руках у попутчика возникает вторая конфета — мальчику. Все счастливы. И тут маленькое кареокое чудо начинает улыбаться и смотреть на обычного жителя города, убежденного седиными. Сидят они и ловят улыбки друг друга. И всё бы ничего, но на какое-то мгновение я увидел дедушку ровесником этого пацана. Вот они, два юных мечтателя, полные зора, невероятных иллюзий и планов на будущее. Они вырастут и станут если не космонавтами, то летчиками-испытателями точно. Мгновение прошло, опять передо мной дедушка и снова мальчик со своей семьей. Я не скажу, что дедушка жалеет о своих прожитых годах в тот момент. Ему могло вспомниться что угодно, хотя, вероятнее, он просто улыбался мальчику. Заговорил контраст времен. Между тем мальчиком и дедушкой океаны переживаний, необдуманных разговоров, несовершенных поступков. Их разделяют пустынные степи, в которых нет ничего, кроме тех моментов, когда можешь признаться и быть непонятым, можешь бояться обидеть и не находить слов для прошения. Между ними стремления к целям и разочарования. А еще там есть счастливые мгновения, солнечное утро и летние дожди. То, ради чего стоит жить. То, чего хватит на целую жизнь без сожалений. Пойду-ка и я жить, тем более, что моя остановка. Улыбаюсь, выхожу. Оборачиваюсь, старче тоже на остановке и направляется в сторону

*Статья основана на воспоминаниях главного инженера (с 1964 по 1999 гг.) «Ташкентской студии грамзаписи» Валерия Анатольевича Милоградова.

Анхора. Нам опять по пути. Мудрый незнакомец продолжает рассказывать набившие оскомину «истории» из своей жизни, и вдруг, упомянул свое, и в то же время мое, родное, то чем я страстно занимаюсь всю свою жизнь. А именно: коллекционирую и реставрирую старые потертые и просто любимые виниловые пластинки с «гордой» надписью «Ташкентская студия грамзаписи», под которой маленькими, но знаменательными буквами написано: «Завод грампластинок им. М. Т. Ташмухамедова». Этот эпоним, как эхо, отражает яркую часть нашей эпической музыкальной культуры.

Вероятно, в ретроспективу времен каждый век уходит со своим особым знаком, и это обеспечивает ему уникальность, незаменимое место в истории. Завершившийся XX век, думается, войдет в летопись нашей культуры, прежде всего, мощным движением музыкального богатства, которое запечатлелось и осталось вечным наследием на бесценных носителях времени – пластинках. Самая прекрасная манящая вещь – это тайна. Именно она – источник настоящей истории, занавес которой нужно приоткрыть. А история наша о маленькой мастерской, которая станет ярким маяком будущей грамзаписи во всей Азии.

В 1959 году Министерство культуры Узбекистана в своем здании, в крайнем левом подъезде на последнем этаже, открывает студию грамзаписи, которая ровно через пять лет, в 1964 году, стала называться «Мелодией». «Мелодия» становится центром грамзаписи в целом регионе и своеобразной альма-матер, творческой «кузницей» кадров, откуда вышли лучшие из лучших в области «режиссуры» звука: Валерий Милоградов, Валентин Селютин, Александр Селютин, Тухташ Умурзаков, Алексей Умурзаков, Наби Хасанов – пионеры звукозаписи, творцы, живущие по утвержденному годовому плану, де-факто романтики эвфонии.

Зачаровавший меня незнакомец все шире раскрывал мне эпопею звука. Так, остановившись у Анхора, где Батыр Закиров некогда пел знаменитое «Арабское Танго», старец начал вспоминать одну из романтических командировок этого «годового плана»: «Студия работала по всей Центральной Азии. В одну из очередных поездок в Ашхабад нас попросили записать солистов их оперного театра. Единственное, что отличало здание театра от соседних скромных построек, это мемориальная доска – «Здесь пел Шаляпин». Тогда мы поняли, что наш ГАБТ им. А. Навои – дворец по сравнению с другими театрами в регионе. В то время мы записывали все коллективы на аппаратуру марки МЭЗ (московский экспериментальный завод). Это был эталон техники! По приезду на место, я спросил у администрации театра, когда приходить на запись? На что ответили: «Позвоните ближе к началу спектакля. Если билеты не будут проданы, то вы спокойно придете и будете работать». Вот так в нашем распоряжении изо дня в день был целый оперный театр! Ташкентская студия грамзаписи была просто нарасхват многие годы».

Экскурсия во времени, рассказ с поэтическим названием «Мелодия» лился из его уст, как звенящий сказочный ручей. Для меня была окутана полной тайной история о внезапном переезде «нашей» студии в здание кинохроники, «читатель симфонии звуков», как назвал это архитектурное сооружение дедушка.

Оказалось, что от «Цитадели» меня отделяла пара остановок. Даже бывал в тех местах, где она стояла, а внутри не бывал. А тут случай представился. Некоторое время я изучал акустику помещения, где-то час ходил по всей «Цитадели звука» и поражаюсь масштабам, некогда царящим. Я внимательно слушал старика, который вел спонтанную экскурсию для непосвященных, каким был и я. Окружающие слушали его внимательно, но произносили ни единого слова. «Звук, по-ораторски произносил он, – многолик и многослоен, он – главный элемент музыкальной культуры! И запечатлен он на виниловых «живых» архивах, которые титрами, как росчерком – преамбулой, доносят до нас творческую ротацию. Написано гениально. Серьезно. Так сейчас не пишут. Это было время терминальной фоники, когда эвфония входила в каждый дом, творческие архитектурные структуры ткали, порождали из звучащих молекул звуковую ткань». На главный вопрос, какое отношение имеет кинохроника к грамзаписи в Узбекистане, «мой» дедушка гордо ответил новым сказом: «С первых дней открытия и до 1975 года студия грамзаписи находилась в здании Министерства культуры. В 1975 году на старой телебашне был установлен и запущен в эксплуатацию передатчик УКВ ЧМ. От антенны передатчика шли радиоволны, которые создавали сильные помехи работе аппаратуры в студии. Из-за этого было принято решение поменять место дислокации. После долгих поисков выбор пал на здание Кинохроники. Большой зал на первом этаже был отдан под студию, где и прошли ее лучшие, «золотые» годы».

Захлебываясь от гордости и эмоций, он рассказывал, как в далеком 1975 году высоко в горах, в прекрасном городе Тбилиси, специалисты легендарной фирмы AMIC наградили его дипломом высшей категории как одного из лучших в мире специалистов

многоканальных аналоговых магнитофонов Ампрех. Продолжая, он помпезно вспоминал, как в былые годы был единственным в нашем регионе счастливчиком, кто тесно сотрудничал со специалистами знаменитой немецкой компании «Studer». Для нашей творческой коалиции это то же самое, что обывателю дружить с Гагариным. Мне лично вспомнилось еще одно их новаторство, как наши герои проводили первые «Международные фестивали макомной музыки» 1978, 1983 и 1987 годов на площади «Регистан», жемчужине Центральной Азии, как ее официально величают.

Эти фестивали обслуживались именно звукорежиссерами студии грамзаписи. Когда в Министерстве культуры нашей страны стоял на повестке дня вопрос о том, кто будет курировать Международный фестиваль в плане звукового оформления, то, не задумываясь, выбор пал на «Ташкентскую студию грамзаписи», которая была на тот момент хорошо технически оснащена, и где работали лучшие специалисты региона. В итоге радиоприемники и телеканалы всего мира транслировали «звучащее волшебство» наших мэтров, «повелителей звука». По воспоминаниям тех лет, звукооператоры и инженеры специальных телевизионных автобусов «Тонваген», съехавшихся со всего мира, были восхищены работой кудесников студии грамзаписи. Еще яркий пример – «Международный музыкально-этический симпозиум» 1979 года в Самарканде. В рамках симпозиума студией грамзаписи была осуществлена сложнейшая запись большого концерта, проходившего в стенах древнего медресе Шер-Дор, под сводами куполов и минаретов ансамбля Регистан, и впервые выпущена пластинка легендарного Мохаммада Хоссейна Сараханга (Афганистан), получившая высокую оценку у поклонников восточной и индийской музыкальной культуры.

У каждого из нас есть свое сокровенное, связанное с культурой, искусством, и ностальгировать по этому личному – испытывать свежие святые чувства. Старая потерянная грампластинка – это отпечаток не только истории, но и кусочек чьей-то жизни: поэта, композитора, исполнителя, ну и, конечно, того, кто запечатлел на виниле этот определенный период эмоциональной жизни души. Для меня это неоспоримый факт. И конечно же суть его в том, что главная творческая Мекка родного края «Мелодия» стала и была всю свою «жизнь» фундаментальным оплотом многих видов искусства страны, пульсом музыкальной культуры во всех ее жанрах и направлениях, начиная с классики и национального фольклора, заканчивая предпосылкой эстрадного и джазового искусства. Отдельным драйвером студия стала и для девятой музы республики – кинематографа. Именно здесь долгими ночами в стенах этой аудиокрепости творили великие композиторы, поэты, писатели и музыканты. В творческом цехе «Мелодии» родился новый грандиозный жанр – киномузыка. Здесь делал первые шаги эпатажный, а позже и легендарный ВИА «Ялла», чьи «платиново-народные» пластинки, рождаемые в художественной крепости «Мелодия», становились триумфально звучащими парадонами, заморскими визитными карточками нашей эстрады. Мириады творческих путей начинались с фальстарта Ташкентской грамзаписи. И культурное наследие – от добрых детских сказок на голубых пластинках, которые мы с нетерпением вырезали ножницами из журналов, до феерических симфоний М. А. Ашрафи – запечатлены здесь. Сама же «Мелодия» стала историческим эпитетом культуры и искусства, эхо которого простиралось от Индии до Дальнего Востока России.

На студии на протяжении многих лет трудились в лучших национальных традициях «устоз-шогирад» целые династии: Валентин Селютин – один из могокан студии грамзаписи, первооткрывателей и основателей звукорежиссуры в Узбекистане; его сын Александр Селютин, впоследствии продолжатель нелегкого дела своего отца, ведущий звукорежиссер «Мелодии». Позже звукорежиссер во дворце искусств «Туркестан», уважаемый педагог звукорежиссуры в Государственном институте искусств и культуры Узбекистана.

Тухташ Умурзаков, его сын Алексей Умурзаков, унаследовавший слух, талант и музыкальную эрудицию, одним словом, профессию отца.

Наби Хасанов, «мудрый отец» и учитель не одного поколения мэтров нашей эстрады, в его руках рождались первые застенчивые шлягеры легенда, его сын, достойный преемник, Сайдазин Хасанов станет впоследствии одним из востребованных звукорежиссеров на Ташкентском центральном телевидении.

Апофеоз родной звфонии настал в 1999 году, под бурным натиском медийных «крейсеров» и дворцов-мультикомплексов. Но на этом реноме легенды не закончилось, перелистнув новую страницу, творческая «кузница» респектабельных маэстро дала нам достойную генерацию мастеров, которые создают и творят по сей день для нас с вами...

философия искусства

АВТОПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭДЕМА

22 августа 2014 года за весомый вклад в укрепление независимости Родины, развитие национальной идеи, возрождение духовности, повышение самосознания, талант и самоотверженный труд А. И. Тюрин удостоен почетного звания «Заслуженный работник культуры Республики Узбекистан».

Поздравляем!

Гений – это способность обрести собственную судьбу.

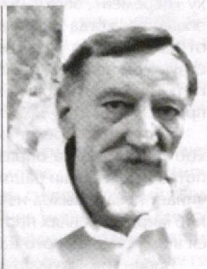
Томас Манн

Каждый период развития живописи (как, впрочем, и любого другого вида искусства) отмечен стремлением художника сделать шаг вперёд в эволюции средств отображения мира. Трудно, конечно, свести поиски выдающихся мастеров, непохожих друг на друга, к какой-то одной элементарной формуле. И всё же, думается, есть общая генеральная тенденция развития, в которую, при всех возможных оговорках, вписываются многочисленные изменения языка живописи за тысячелетнюю историю. Я бы назвал её движением в сторону аутентичности живописного изображения изображаемому.

Говоря иными словами, живописное искусство сегодняшней Среднеазиатской Богемии шаг за шагом двигается в сторону адекватного воссоздания реальной действительности. «Мыслящий и работающий человек есть мера всему. Он есть огромное планетное явление», – так считал Вернадский. А тот, кто мыслит и работает, выходит из ограниченного личного мира в надличинный мир и, если не избавляется от смерти, то избавляется от страха перед ней.

...Жизнь Александра Ивановича Тюрина, известного ташкентского художника, всегда останется недосказанной, не раскрытой до конца, но есть надежда выявить нечто самое главное, определяющее, в жизни маэстро. Он не приспосабливается к изменчивым веяниям времени, но сам возделывает своё окружение, выбирает и изменяет его согласно своим идеалам. И живёт Александр ярко, радуясь и страдая, более страдая за других, чем за себя, живёт напряжённо, порой на пределе сил, порой на краю гибели, боясь не смерти – она неизбежна! – а тусклой, трусливой полужизни с её убогими радостями – жизни обывателя.

Между яркими периодами взлётов и падений в истории искусства подчас лежит полоса сумерек: это время, когда искусство часто тяготеет к символическому мышлению. Это «сумеречное искусство» возникает в эпохи клонящихся к упадку цивилизаций, которые ещё способны дать культуре нечто, но уже

**Владимир
КАРАСЕВ**

Родился в 1949 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Искусствовед, историк, автор многочисленных статей о современной живописи.

не могут создать условий для того, чтобы это *нечто* стало шагом в развитии художественной культуры. И это *нечто* становится «сумеречным искусством», искусством, в котором схватывается данное состояние общественной жизни.

Однако «сумеречное искусство» не является признаком культуры одной эпохи. Такое искусство, в широком смысле этого слова, возникает тогда, когда устойчивые признаки исторически-конкретной монистической (национальной, региональной или определённого типа цивилизации) разрушаются в результате постепенного или быстрого распада её общественных оснований. К несчастью, может быть, нам «повезло» жить и творить в эту эпоху «перемен», эпоху духовных проявлений кризиса, возникающего на том этапе развития общества, когда совершается переход в структуре социально-экономической формации от одного этапа развития к следующему или реставрации старого. Расшатывание старой структуры неизбежно связано с поисками новых систем организации, в том числе, и с попытками создать новую культуру. В искусстве возникает попытка схватить и передать этот процесс.

Наступило время новой убийственной для настоящего интеллектуала культуры «ob grade», когда образовывается ментальная дистанция между людьми, заражёнными потребительскими бактериями, и творческим разумом художника. Человек думающий начинает искать выход из ада лжи, продажности, бесчестия. Кто-то уходит в свой внутренний мир, не в силах противостоять наглому напору «продавцов счастья», кто-то бросается в омут церковного идеализма, наполненного булькающей жижей неврастения.

Тюрин тоже создаёт два портрета главы русской православной церкви: «Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси» – портрет, появившийся в самом начале 2010 года. Он совершенно необычен для изображений духовных лиц подобного ранга. Взгляд «отца русской церкви» направлен куда-то вверх и мысль его, возможно, направлена на Божественную сущность. Однако, глаза с прищуром – то ли от сияния святости, представшей перед ним, то ли от телевизионных софитов, когда он вешал обывателям о том, что такое вера, – наполнены... хитрецей! А свет-то «благоденствия» оказывается за спиной святейшества! Торжественные облачения на фоне сибирского пейзажа выглядят анахронизмом. Роскошь шития и золото посоха никак не говорят о бескорыстии святейшества.

Выбор. Перед ним оказывается всякий: выбирают даже тогда, когда ему (человеку) кажется, что он ничего не выбирает и не решает – всё решено за него кем-то другим. И всё равно, у каждого остаётся *Выбор* – следовать ли принятому кем-то решению, или идти по жизни иным, своим путём. Такая ситуация особенно часто возникает в жизни творческого человека. И вот, написав этот портрет, Александр Тюрин вдруг, возможно, осознал, какое он сотворил нелицеприятное откровение! Редкостная для нашего циничного времени *истина*! Опять «Выбор» или откровенный разговор о нерассуждающем разуме в русском христианстве? *«Искусство – это дорога к Богу, высшей материи, высшему Разуму, совершенству»,* – говорит художник, комментируя свои портреты Патриарха, – *при этом изобразительное искусство на всем протяжении своего развития неоднократно меняло свои стили и направления, но неизменно оставалась его сущность. Эта сущность и есть то самое, поиском чего я занимаюсь всю жизнь*». Он увидел в патриархе сущность земного человека, на которого была возложена божественная обязанность.

Через полгода Тюрин создаёт новый холст «Портрет Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла» (2010 г.), стараясь придать этому образу более глобальный характер, что должно было бы соответствовать значению этой фигуры для россиян.

Теперь на полотне запечатлён совершенно иной человек. Взгляд патриарха стал более вдумчивым, самоуглубленным. На холсте центральная часть России с раскинувшейся широкой гладью реки, на другом берегу возвышается трёхглавый храм. Охранная панагия осеняет своей святостью владельца. Посох стал скромнее – более соответствующий страннику во времени и пространстве.

Получилось ли задуманное художником? Может и получилось, но не всё так просто. Подобная работа, как говорил Тюрин: *«...корректирует твою внутреннюю философию, оттачивает сознание, уточняет взгляд на вещи, окружающий мир. Это судьба. Все это дается свыше. Кто-то тебя ведет, курирует, подталкивает на эти действия в рамках твоих стремлений и желаний*». Несмотря на то, что Тюрин, без всякого сомнения, iconoclast, в его арсенале как бы сохраняется почтительное отношение к духовным авторитетам. Он рассматривает Искусство как, прежде всего, откровение, которое несёт человечеству

очищение. «Отсюда и миссия художника, – говорит Тюрин, – поймать и передать ритм и дыхание времени. Творчество – это некая вулканическая масса, находящаяся в недрах твоей души и устремляющаяся выплеснуться на поверхность. Понять свою сущность, роль и место в современном художественном процессе. Не ввязаться в поточный метод индустрии искусства». По-настоящему талантливый художник обладает немаловажным качеством – способностью к озарению! Но как оно – озарение – приходит к творческому человеку понять и разобраться трудно. Можно применить в этом случае какие-нибудь мистические толкования или психоаналитические научные изыски, но приведут ли эти размышления к истине? Отсюда и художественное воплощение «сумеречного» образа искусства.

Разумеется, нет ничего более ничтожного и глупого, когда художник начинает писать свои философские описи. Стало быть, его живопись или пластическая скульптура не в состоянии передать замыслы своего создателя, и потому он начинает нам растолковывать, свою несостоятельность. Случается, что некоторые излагают свои манифесты в поэтической форме, не замечая, что их рассуждения выявляют глубоко скрытые симптомы несостоятельности и даже паранойи.

...В 2004 году Тюрин пишет триптих, посвящённый сохранению людьми нашей общей исторической Памяти – «Бездонная Вечность». Центральное полотно, кажется, в самом деле заполнено бесконечной Вечностью – это переданный фоном синий небесный свод, застывшие под вечными белыми снегами хребты Тянь-Шаня. Оно именно там, где художник полвека назад родился, где «хлебнул» первый глоток чистейшего воздуха, наполненного исторической памятью, которая всегда сохраняется в нас – людях – на уровне генотики, но никак не на основных рефлексах, ибо этой частью сознания руководит разум.

Застыл в бесконечном раздумье каменный балбал как азиатский сфинкс, как хранитель каких-то знаний и мудрости, которую нам, людям, следует постигнуть. Но вот придёт ли этот волшебный миг постижения? Сможем ли мы шагнуть в Историю относительности, чтобы понять для чего Создатель дал нам разум? А если нет этого Создателя, то кто тогда? Для чего тогда? Может быть тот Портал, который сегодня ищут тысячи землян для связи с другими мирами или Господом Разума, находится в старом забытом Богом мазаре? Или это только знак, напоминающий нам о бренности, тленности и несостоятельности жизни? А Мост Перехода там, на этих парящих в небе скальных пиках, которые хранят и показывают нам тот самый мир на планете, заполненной душами ушедших от нас людей.

Для чего Александр изобразил орла, всматривающегося в нас, зрителей триптиха? Может быть, это скрытый от нашего взора Зевс – могущественный, развратный, безразличный? Он – орёл – как будто спрашивает нас, зачем нам другие миры, когда так старательно поганым собственную, дарованную богами планету? А может быть, люди ищут эти переходные Порталы, чтобы уйти от самих себя, от удушающего одиночества в семи-миллиардной толпе, От непонятной неудовлетворённости этой жизнью, где религиозные шулеры призывают к скотскому терпению, а политические мракобесы толкают миллионы людей к самоубийству? Над орлом в поднебесье облачко, как след души, уходящей в Бездонность. Однако при этом, всё же: – **помянем тех, кто был с нами, кого Судьба не сберегла, их души тают над горами, как след орлиного крыла...**

...Естественно, творчество Тюриня не может быть каноном духовности, но вот душевности, каноном, дающим верные ориентиры для творчества других художников. Действительно, никто из тех, кто обратился к его искусству, его взглядам на понимание роли человека в мире сегодняшней неустойчивости, мире заблуждений и иллюзий, уже не может оставаться прежним. Мы учимся прощать, читать, видеть, слышать, оценивать мировую и национальную культуру, находить единые корни, распознавать и осознавать первородное и непорочное.

...Не могу не отметить маленький штришок из биографии художника, После успешного окончания художественного училища им. Бенькова в Ташкенте, он был направлен обучаться в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина – в знаменитую «Репинку»! Мечта Александра, казалось, осуществилась, ведь его педагогами стали ученики художников, окончивших именно Императорскую Академию художеств, учителями которых были такие известные художники, как П. Е. Кардовский, И. Е. Репин, В. Е. Маковский, В. Серов, Н. К. Рерих, К. Коровин, И. Я. Билибин. Они-то и были носителями тех художественных ценностей, овладеть которыми Александр мечтал. Увы! Это был тот редкий случай, который дарует Судьба – заставить ещё то самое поколение

учителей. Но распался союз, Тюрин возвращается в Ташкент и с отличием оканчивает Институт им. А. Н. Островского.

Судьба, видимо, любит «весёленькие» корректировки. Однако художественные кумиры, представители высочайшей гуманистической культуры, отражающейся в культуре исполнения произведения, глубоком знании темы, над которой работает «мастер кисти», и дисциплине нравственных помыслов, всеобъемлющей завершенности мысли, помогли Тюрину определить свой сектор творческого поиска. Молодого художника восхищало умение бывших мастеров создать из, может быть, простенького сюжета «полнокровное», подчас глобальное по смыслу произведение, от которого у зрителя возникало полное ощущение реальности происходящего, появлялись чувства соучастия и сопереживания. Великой аурой профессионального Искусства, в которую был вовлечён художник своими учителями на поприще живописного творчества, Тюрин Александр неизменно называет творчество известнейшего деятеля искусств Узбекистана В. И. Жмакина и профессора М. М. Девятова из Санкт-Петербурга. Оба прекрасных маэстро дали ему своеобразные и творчески перспективные понятия о сущности изображения человеческого облика, в котором должно быть всё, что присуще человеку в этой жизни.

Работа «Бардо» могла бы стать символом более возвышенной идеи «потребительского искусства», активно сегодня провозглашаемого такими мэтрами, как Э. Уорхол, Р. Гамильтон, Р. Флекснер, Т. Вейселеман, или шагом к обложке журнала «Fashion», где шляпка, шарфик и чувственные губки заменяют интеллект. К этой же серии портретов можно отнести и такие полотна, как «Дама в жёлтом» 1999 г. и «Rendez-vous» 2006 г. Однако, вырываясь из всёпоглощающего смога бесстыдно-циничной скабрёзности, Тюрин бросает откровенный вызов так называемым «новым» художественным ценностям. И вот тут-то и появляется у художника целая серия просто замечательных портретов, где объектами пристального внимания стали две дочери художника. Процесс восприятия и становления жизненных устремлений молодых и стал полем изучения художника. Его работа «Портрет в красных розах» (2006 г.), где есть и зелёный гранат, и незримый ангел, и, самое главное, вопрос поставленный взглядом натуры (эта тема ещё будет продолжена Тюриним спустя пять лет в полотне «Виноградинка»). В 2009 г. он пишет «Портрет Марии» в зеленовато-жёлтых тонах на фоне открытой в сложный мир двери и чудесной птицы, символизирующей душу юную и беззащитную. В этом портрете он впервые отказывается от изображения нижней части лица, оставляя только выразительный взгляд. О чём можно в таком возрасте вопрошать мир?

Художник ищет такую подачу психологического состояния, которая могла бы сама подсказать жизненные перипетии, устремления, надежды, мечты и те маленькие тучки, которые обязательно появятся на жизненном пути. Через год он снова пишет полотно, которое называет «Мария», в исключительно академической манере повторяет портрет дочери. Он как бы сравнивает два способа подачи изображения и пути решения стоящих в связи с этим перед художником задач. Он меняет выразительный язык живописи. Потом, ещё год спустя, уже в полотне «Виноградинка» (2011 г.), эти две изобразительные манеры сольются в единый, очень многозначительный, с симфоническим звучанием портрет, обладающий огромной внутренней энергетикой. И это не панегирик, а констатация объективного факта. Так вот именно ради этой объективности, могу заметить, что его портретное мастерство стоит в одном ряду с работами Юрия Анненкова, Константина Родзевича и Натальи Гончаровой.

«Виноградинка» – полотно, появившееся как отблеск долгих размышлений, само по себе настолько уникально в композиционном и цветовом решении, что о нём можно сказать – исповедь всего невыразимого, недосказанного. Специфика цветового решения напоминает полотно «Smaragdus. Изумруд» или работу «Безмолвие» (2008 г.). И фон из невнятных (может быть никчёмных, потухших?) цветов, и сливающаяся с ними фигура хрупкой девушки с искорками в глазах, глядящей на зрителя. Может быть, и не важно то, что хотело бы сказать это юное создание, а чрезвычайно значительное то, что говорит её взгляд? Расслышать бы. Ясность, пожалуй, вносит зелень не диссонирующего с цветовой гаммой фона виноградинки. И уже не дочь Кристина, стоящая возле виноградной лозы, а, кажется, сам художник говорит: *«Я есмь виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь. Всякую у меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Вы уже очищены через слово, которое Я проповедовал вам. Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе; так и вы, если не будете во Мне»*¹, – как гласит Иоанн.

¹ Евангелие от Иоанна. 15, 1–4

Возможно, и не сорвёт эта юная дама виноградинку (ведь рука просто машинально перебирает спелые упругие ягоды), а уже сама стала этой ягодой. Мир юности беспечен, и от того бессмертен! Какие извечные тайны откроют миру «очищенные через слово»?

...Нельзя не сказать, рисуя творческий портрет Александра Тюриня, о том, что «инфлюэнция» авангардного видения коснулась и его. Через эту «простуду» сегодня проходят практически все художники. И от этого никуда не деться – так и должно быть, ибо ребёнок, начиная свой путь в живописи, обязательно украсит своими «шедеврами» обои или все стены своего дома, а когда этот творческий порыв рождает родительские болезненные последствия, юное дарование выходит в подъезд, на улицу. Попробовать, почувствовать, испытать на себе – это главный путь исканий творческого человека. Чаше всего это заболевание принимает хронический характер (соглашусь – есть отдельные художники, которые провели интеллектуальную вакцинацию от этой болезни).

Тюрин «испробовал» и этот способ самовыражения. Его картины абстрактного характера не «пошли» далее экспериментов с разными цветовыми сочетаниями, с поиском тех оттенков, которые могли бы передавать настроение, состояние, заданную художником характеристику. Для меня абстрактная живопись – это творчество на уровне подсознания. Иногда изучение это вида живописи помогает открыть великолепный и необъятный мир homo sapiens. Некоторые работы А. Тюриня показали, что можно цветосочетаниями передать чуткую ауру восточного мира, внутреннее состояние воспринимающего, аромат необъятного жара, степенность, важность, умудрённость, стойкость перед невзгодами жизни. Даже в своих немногочисленных абстрактных работах Александр, как говорится, «шагнул» дальше признанного на российских просторах авангардиста Сергея Полякова. И, разумеется, эти «тюринские поиски» сегодня кажутся просто грандиозными на фоне так прославляемого ныне в Европе Джейса Таррелла с его полотном «Падение светлого», что по сути своей является не более, чем жонглированием цветовыми эффектами. Тюрин искал язык иного понимания цветовой гаммы. Но всё равно, изображение, пусть даже в неистовой радужной красоте все же не передавало глубины внутреннего борения художника.

Сегодня Александр Тюрин творит в стране, которая в действительности (это нельзя не признать) является несомненно животворящим авангардом движения гуманистических начал в Центрально-Азиатском творческом пространстве.

В рейтинговой десятке лучших художников Центральной Азии, первые восемь мест заслуженно занимают узбекистанские художники и среди первых в этом списке Тюрин.

Тюрин говорит сейчас языком изобразительного искусства, синтезировавшим Восток и Запад. При этом, несмотря на то, что живопись Александра строится на великолепном пласте реалистической школы, ему не чужды авангардные и экспрессионистские решения некоторых тем. Не берусь анализировать все его такие работы, но о двух-трёх следует немного сказать. Это, прежде всего, работа, созданная в 1992 году, – «Пейзаж № 1». Неоднозначный, совершенно фантастический пейзаж, написанный цветами стали и расплавленного металла. Огромное пшеничное поле, над которым раскалённое, как в печи, небо, где лунный шар больше похож на стальное ядро и воссоздаёт атмосферу вселенской гибели. А может быть, это уже не Луна вовсе, но неведомо как переместившийся к нам безжизненный и холодный спутник Сатурна Энцелат? Да и сами колосья, ставшие металлическими сплавами, перечёркивают любые намёки на жизнь. По линии горизонта просматриваются силуэты тонущих в этом стальном жаре апокалипсиса «вечных пирамид». Время как будто обречено. Пейзаж написан буквально на разрыв аорты, до умопомрачения любого состояния, напоминающего разумность. *«В тот день, когда постигнет их наказание сверху и из-под ног, и скажет Он: «Вкусите то, что вы творили!»*¹ Полотно, разумеется, впечатляет и, вероятно, поэтому стало достоянием кабинета шефа Военно-морского ведомства Великобритании в Лондоне.

Тема апокалипсиса постоянно тревожит, будоражит воображение мастера. Как отмечает сам Тюрин: *«Писания – книги великих пророков – одни из самых совершенных источников духовной культуры человечества, переданные нам из прошлых цивилизаций. Я не иллюстрирую, а стараюсь осмыслить эти процессы через призму событий, происходящих с нашим народом в XX веке и, конечно, в том ужасе террора и «демократической» бойни, охватившей уже начавшийся XXI век».*

В своих живописных работах он постоянно пытается подойти к решению этой темы

¹ Коран. Сура 29. Стих 55.

в контексте современного художественного процесса, современной эстетики и философии. Многие полотна из этой серии созданы как уже озвученный реквием веку, эпохе страшных войн, кровавых революций, приведших к массовым неопишемым человеческим жертвам и трагедиям миллионов и миллионов.

«...Знакомство художника с археологами вылилось в «Пейзаж №2», в котором выражено ощущение современным человеком раскопок древнего городища. ...Много веков назад на этом месте, в этих строениях бурлила жизнь, но прошло время, и о древнем городе можно получить представление только по остаткам этих стен...»¹ – так писала несколько лет назад искусствовед Гульсара Бабаджанова о пейзаже Александра Тюрина. Однако и в этой работе видно, что из земли, откуда-то из её потаенных глубин уже стремится на поверхность огненный жар, неотвратимый, беспощадный, всё сжигающий. Не является ли это наказанием людям, исходящим не из небес, а из глубин земных, которые сохраняют память человечества?

Поверхность Земли на полотне безжизненна, покрыта мертвящим снегом или пеплом, изрезана, трещинами, покрыта остатками когда-то выкопанных стен древних жилищ уже умерших во Времени городов. Мир вокруг превратился в Археологию.

Археология – это уже конец жизни или печаль её продолжения? Как знать! Всё славное и гадкое о народе остаётся на Земле и сохраняется в Археологии. Ничего не скрыть, ибо существует она – «печать Каинова», передающаяся в наследование. Археология беспристрастна к любому – грешному и праведному, – она не судит и не оправдывает, не чернит и не обеляет. Археология – только археология.

Конечно, художник Тюрин совсем не Савонарола и не стремится реформировать мировоззрение бесконечного количества людей, но вот душевное равнодушие каждого, даже одного человека, способно сотворить подлинное чудо!

Спустя пятнадцать лет Тюрин повторяет этот сюжет в своём полотне, поданном в несколько иной цветовой гамме, с «заглаженными» и уже мягко прописанными оплывами древних стен как коридоров Памяти, как лабиринтов Исканий. Но изменилась ли от этого сущность его идеи?

История далеко неоднозначна для каждого из нас, ибо мы живём в своём историческом пространстве, которое создаётся в силу внешних, чаще от не зависящих от нас обстоятельств.

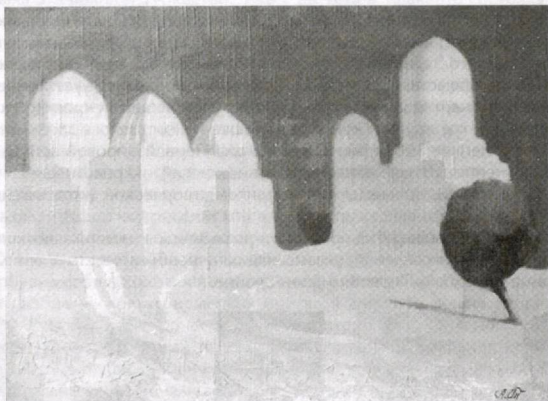

Великолепное полотно Александра Тюрина, написанное в 2007 г., «Шах-и Зинда» напомнило мне об одной археологической поездке с художником, когда мы остановились специально на культово-погребальном комплексе средневекового Самарканда. Мы внимательно осматривали эти погребальные мавзолеи и говорили не о смерти, а о бессмертии.

Александр говорил о том, что все погребённые здесь, в комплексе, люди (кроме

¹ Бабаджанова Гульсара. Отражение. // Саньят. № 3. 2003.

одного¹⁾ для Истории ничего не значили. «Чтобы сохранилась память о них, когда-то живших и, может быть, что-то значивших для своего времени, им надо было умереть! Только тогда, когда над их бранными телами были возведены эти замечательные архитектурные строения, имена их (и то далеко не всех) дошли до нас через половину тысячелетия²⁾. Вон там, – художник указал рукой на обширные пространства по склону Афросиаба, – тысячи, десятки тысяч безмянных жителей города нашли свой покой. А вон над той знаменитой керамической мастерской находится целое поле безмянных могил выдающихся художников-керамистов, которые на века прославили и обессмертили и город Самарканд, и само время правления тимуридов своими изделиями. В чём смысл бытия художника, вообще?»

Звездная ночь

Над Шах-и Зиндой, в мареве полуденного солнца, плыл терпкий запах жёлтых соевых пижмы, который смешивался с горечью полыни и высохшей глины. Тюрин чувствовал это непростое пространство Истории, и всё остальное было *относительно*.

Как бы ни складывалась дальнейшая творческая судьба этого замечательного художника, его гражданская позиция остаётся незабываемой – он *патриот* своей страны. Как бы ни толковали это понятие – патриотизм – оно наполнено самым высоким смыслом. Это позиция неравнодушного к жизни общества человека. Он имеет возможность, наперекор обстоятельствам творить во имя великих гуманистических смыслов. У Тюрина, как и у любого современного художника (именно художника!) Узбекистана, ясная перспектива бурного созидательного характера, но в пределах понимания всего спектра современной жизни.

Поэтика живописных полотен Тюрина опровергает иногда звучащий рекем по Искусству. Самое прекрасное, что есть в искусстве – это его реалистическая основа, какими бы средствами оно ни создавалось. Действительно, как говорит Тюрин, Искусство очень тонкая материя, находящаяся в параллельном мире, которая материализуется через произведения художников. Но разве кто-нибудь в состоянии влиять на параллельные миры? Так и в Искусстве – оно будет пребывать вечно в отведённом только ему духовном состоянии. Художник – только камертон, по которому Время сверяет дороги своих странствий. А может быть, всё, как раз-таки наоборот?..

¹⁾ Это погребение Казы-заде Руми – выдающего астронома средневековья, несомненно, истинного автора «Гурганских астрономических таблиц», которые были закончены в 1437 году.

²⁾ Вообще, весь погребальный комплекс содержит захоронения Эмир-заде и племянники Тимура Шади-Мульк-ага, Туглу-Текин – матери эмира Хусейна, который был одним из военачальников Тимура и сестры Тимура Ширин-Бика-ага, парочку неизвестных ныне (безмянных) мавзолеев и мавзолеев Эмира Бурундука, а также мавзолеев некоего Ходжи Ахмада и комплекс младшей жены Тимура Туман-ага. Есть ещё и мавзолеев, построенный неизвестно пока для кого, но условно называемый «Уста-Али», поскольку сохранилось лишь имя зодчего – уста Али из Несефа (Карши).

100 ЛЕТ С НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Предотвратить войну – это больше, чем выиграть ее.
В этом – вершина дипломатического искусства.*

100 лет назад начался один из самых масштабных вооруженных конфликтов человечества – Первая мировая война, кардинально изменившая облик Европы и всего мира. Долгие годы эта война оставалась фактически «неизвестной», но в настоящее время развернулось широкое общественное движение за восстановление и увековечение памяти о мужестве и самопожертвовании тех, кто принял участие в этой кровавой катастрофе.

В Российском центре науки и культуры в Ташкенте состоялось заседание исторического клуба, посвященное 100-летию со дня начала Первой мировой войны, на котором присутствовали военные атташе дипломатических миссий, аккредитованных в Республике Узбекистан, историки, краеведы, представители творческой интеллигенции и СМИ Ташкента.

Вниманию присутствующих был предложен ряд докладов, содержащих множество интересных, малоизвестных сведений, указывающих на необходимость новой методологии исследования материалов о Первой мировой войне.

Мухамедов Ш. Б.,
к. и. н., замести-
тель директора
Ин-та истории
АН РУз.

Флыгин Ю. С.,
зав. каф. общей
и духовной ист.
Таш. духовной
семинарии

Шигабинов Р. Н.,
ст. научный со-
трудник Института
истории
АН РУз.

Голендер Б. А.,
научный сотрудник
музея Есенина,
краевед.

Саъдуллаев А. С.,
член-корреспондент
Российской ака-
демии пед. и соц.
наук.

Первая мировая война: методология исследования

...необходимо определить методологию исследования материалов о Первой мировой войне.

- 1) Для правильной оценки этой войны необходим комплексный подход.
- 2) Необходима, прежде всего, оценка экономического положения противоборствующих стран.
- 3) Важно изначально определить цели каждой из воюющих стран в Первой мировой войне.
- 4) Работая с материалами, необходимо использовать сравнительный анализ архивных источников и мемуарной литературы, посвященной Первой мировой войне.
- 5) Необходимо исследовать еще один ценный пласт материалов этой войны: солдатский фольклор – анекдоты, частушки.
- 6) Необходимо использовать метод просопографии – создания коллективных портретов личностей, которые сыграли положительную и отрицательную роль в ходе и итогах Первой мировой войны.

Назрела необходимость создания большого коллективного труда, посвященного Первой мировой войне, с привлечением ученых-специалистов из стран участниц этой войны, с использованием современных подходов изучения исторического прошлого.

Мухамедов Ш. Б.

Начало первой мировой войны и Туркестан: патриотическая эйфория и первые проблемы

Объявление 1 августа (19 июля по старому стилю) 1914 года Германией войны России вызвало во всей империи мощный подъем патриотических чувств. По стране прокатилась волна демонстраций в поддержку манифеста императора, в котором заявлялось: «Нам предстоит... оградить честь, достоинство, целостность России и положение её среди великих держав».

Не обошла эта волна и Туркестан. Уже 2 августа в Ташкенте состоялась первая манифестация в поддержку власти и армии.

Подобные манифестации происходили в городе практически ежедневно, были чуть ли не круглосуточными и прокатились по всему Туркестану. В них принимало широкое участие не только европейское, но и коренное мусульманское население. На начавшуюся войну откликнулись все конфессии края, которые молились за победу России.

4 августа был день тезоименитства вдовствующей императрицы-матери. В военном Спасо-Преображенском соборе прошел молебен, а потом на площади состоялся небольшой военный парад. После парада к исполняющему должность генерал-губернатора И. Т. Пославскому подошла большая делегация от мусульманского населения Ташкента, выразила поддержку российской власти и пожелала победы русскому воинству.

Война привела к смене высшей краевой власти. Генерал-губернатор Александр Васильевич Самсонов, опытный военачальник, был направлен на фронт. Он героическим образом проявил себя в ходе военных действий в Восточной Пруссии, но, хотя корпус Самсонова разбил несколько немецких бригад и дивизий, общий итог операции был трагическим. Русская армия понесла большие потери, Самсонов погиб.

В конце августа в Туркестан прибыл новый главный начальник края – генерал от инфантерии Федор Владимирович Мартсон.

В первые же дни после начала войны воинов запаса призвали в армию, семьи лишились кормильцев и нуждались в помощи. Туркестанское общество, независимо от национальности, религии, социального статуса проявило поразительную солидарность по сбору благотворительных средств, организовывались приюты для детей-сирот.

Шедро откликнулся эмир Бухарский. Он пожертвовал 100 тысяч рублей на нужды Российского Красного Креста, такую же сумму в пользу Центрального ведомства по оказанию помощи семьям воинов запаса и раненым солдатам, неоднократно жертвовал деньги в пользу благотворительных обществ Кагана, Ташкента, Петербурга, Ялты (там у него была дача), Харькова. Правда, во всех этих случаях давались относительно небольшие средства. Весьма значительные суммы были пожертвованы на усиление российской армии и флота.

Не остался в стороне и Хивинский хан. Осенью 1914 года он передал в армию 1000 меховых полушубков, немного позже – 5000 папах и 500 тулупов. Солидные средства хан передавал и на усиление армии и флота.

В Ташкенте по инициативе областного губернатора А. С. Галкина был создан дамский комитет по оказанию помощи нуждающимся, в который вошли жены известных в городе людей. Весь город был разделен на 12 районов, каждый из которых подразделялся на ряд участков, во главе каждого участка была участковая попечительница, деятельность которой курировалась районной попечительницей. Пособия раздавались тремя специальными казначействами, которых Комитет выбрал из числа авторитетных и уважаемых людей Ташкента.

В провинции в организации благотворительных акций, в сборе средств активно участвовало коренное население. Казахи Перовского уезда (ныне Кызыл-Орда) постановили собрать в пользу семейств воинов, призванных в армию, а также в пользу раненых солдат по одному рублю с каждой кибитки (в уезде насчитывалось около 29 тысяч кибиток).

Туркестанская община сестер милосердия объявила набор на курсы подготовки медсестер для фронта. Записалось множество женщин, окончили эти курсы и действительно поехали на фронт в составе Туркестанского санитарного поезда жена и дочь ташкентского градоначальника Н. Г. Малицкого – Ольга Николаевна Остроумова и

Елизавета. Елизавете было только 16 лет. Они довольно продолжительное время находились в зоне боевых действий на территории Польши. Община сестер милосердия немного позже организовала в Ташкенте свой лазарет. Лазаретные койко-места оплачивались желающими сделать пожертвования на «именные кровати» – 150 рублей на оборудование одного места (кровать, постель, белье) и 300 рублей на содержание в течение 6 месяцев (питание, медикаменты, уход). Имена жертвователей и число их «именных кроватей» публиковались в газетах и специальных плакатах.

На 20 кроватей деньги собрали жители Ташкента, 10 кроватей содержались за счет Аральского отделения Комитета по оказанию помощи семьям больных и раненых воинов. На 6 кроватей деньги дал хан Хивинский. Даже такая общественная организация со скудным бюджетом, как Ташкентский отдел Российского общества покровительства животным, оплатила содержание одной кровати. Две кровати оплатило русско-еврейское общество г. Ташкента. Деньги на оборудование и содержание одной кровати собрало казахское население одной из волостей Перовского уезда.

Война обусловила рост цен, нехватку и ухудшение качества некоторых товаров. Пытаясь не допустить роста цен, генерал-губернатор Ф. В. Мартсон издал постановление о предельных ценах, которое мало изменило ситуацию, край испытывал лишения.

В конце октября 1914 года в Ташкент прибыла с фронта первая партия раненых воинов-туркестанцев. Их встречали как героев. На вокзал прибыли генерал-губернатор Ф. В. Мартсон и городской голова Н. Г. Малицкий. Играл оркестр. Увы, постепенно прибытие раненых стало делом будничным и торжественных встреч уже не устраивали.

С 1915 года в Туркестане и его столице появляются беженцы (около 80 тысяч). В Ташкенте их было порядка 14 тысяч. Но и такое количество обездоленных людей было тяжелым бременем: требовалось содержание, жилье, медицинская помощь. В Ташкенте их разместили в основном в солдатских казармах. Неизбежные в таких ситуациях скученность и антисанитария приводили к высокой смертности среди беженцев, особенно детей. Краевые власти были этим обеспокоены.

В начале ноября 1915 года генерал-губернатор Ф. В. Мартсон лично посетил городскую больницу и казармы и дал соответствующие указания городским и медицинским властям. Ситуация несколько улучшилась, но нехватка врачей, многие из которых были призваны на фронт, не позволяла решить проблему кардинально.

Помочь беженцам пытались также благотворительные общества, собиравшие для них денежные средства, вещи, продукты. Городская дума озаботилась устройством школ для детей беженцев, чтобы они могли продолжить свое обучение.

Другой приметой военного времени стали военнопленные, преимущественно из австро-венгерской и турецкой армий. Общее число военнопленных в Туркестанском крае к весне 1916 года достигло 200 тысяч человек. Это вызывало немалые проблемы с продовольственным снабжением. В Ташкенте военнопленные привлекались к благоустроительным работам, мошению улиц, получая за это приличную зарплату. Их положение было вполне сносным.

Война затягивалась. Если 1914 год был относительно успешным для России, то следующий, 1915 – год великого отступления, оказался трагическим. В 1916 году положение на фронте относительно стабилизировалось, российская армия добилась некоторых успехов, но в целом по стране, и в Туркестане в частности, бедственное положение населения все усугублялось. Люди гибли на фронте или возвращались домой инвалидами, росли цены, не хватало товаров и продуктов, народ был обременен различными военными сборами, реквизициями, дополнительным военным налогом, которым было обложено все население Империи.

И как следствие росло недовольство народа. Те, кто вначале столь охотно выходил на патриотические манифестации, теперь стали выходить на антиправительственные митинги и демонстрации.

Мировая война принесла немало катастрофических бедствий, казалось бы, человеческий разум более никогда не допустит повторения подобного. Но, увы...

Флегин Ю. С.

Мусульмане в первой мировой войне

...В этой войне проявили героизм миллионы российских солдат, в том числе и воины-мусульмане. К августу 1914 г. представителей мусульманских народов, служивших в регулярной российской армии, насчитывалось: нижних чинов – 35,8 тысячи; штабс-капитанов, поручиков, подпоручиков и прапорщиков – 37; полковников, подполковников и капитанов – 186, генералов – 13. Всего мусульман-офицеров в России было 269. В ходе Первой мировой войны в армию было призвано около полутора миллионов мусульманских солдат, что составляло до 10 процентов общей её численности. Когда были мобилизованы сотни тысяч солдат-мусульман, стала очевидной нехватка военных мулл. Весной 1916 г. военное командование приняло решение, согласно которому число военных мулл значительно увеличилось, и полковым муллам были установлены оклады. На средства туркменского населения был сформирован Текинский конный полк. Его боевые успехи сразу привлекли внимание. Полк не раз спасал положение на русско-германском фронте. В «Русском слове» были описаны бои под Лодзью: «Один из офицеров германского генерального штаба говорил: «Кто же мог подумать, что у русских есть «дьяволы», совершающие то, что должно быть вне пределов человеческого сил? Разве можно предвидать подвиги, граничащие с безумием. Они не поддаются здравому расчёту». 28 мая 1916 года Текинский полк наголову разбил австрийские части, вдвое их превосходящие: туркмены уложили около 2000 человек, взяли в плен более 3000 человек. Всего за несколько месяцев в полку появились 67 георгиевских кавалеров, не считая награждённых другими военными наградами. Громкую известность с первых дней участия в боевых действиях получил добровольческий Татарский полк, входивший в состав Кавказской туземной конной дивизии. Им командовал полковник П. А. Половцев. Боевой дух и воинская дисциплина воинов-мусульман были высоки, и этот факт пытались использовать российские военные и политики. В условиях революционного 1917 г. противоборствующие политические силы нуждались в устойчивых военных формированиях и потому пытались опереться на мусульман. Воины-мусульмане стремились защитить свои народы, тем самым укрепляя и российскую власть.

Шигабинов Р. Н.

Туркестан в Первой мировой войне

Войска, расквартированные в Туркестанском крае, принимали участие преимущественно на Кавказском театре военных действий против турецких войск. На этом направлении, в отличие от европейских фронтов, серьезных поражений российских войск не было.

Среди командного состава воюющей российской армии находились туркестанские генерал-губернаторы А. В. Самсонов и П. И. Мищенко. В начале войны, спасая подчиненных, генерал А. В. Самсонов погиб в бою на Пинских болотах.

Правительство России опасалось восстания мусульман в Туркестанском крае, так как турецкий султан считался халифом суннитского мира. Для предотвращения возможных антироссийских выступлений были приняты особые меры. К чести мусульманских подданных России в Туркестане надо сказать, что эти опасения оказались неосновательными.

Исчерпав значительные внутренние людские резервы, правительство России к середине 1916 года вынуждено было объявить мобилизацию населения Туркестанского края, все жители которого по закону были освобождены от воинской повинности. Против этой меры энергично возражал назначенный генерал-губернатором бывший военный министр А. Н. Куропаткин, туркестанец-ветеран, а также многие местные специалисты, но к их мнению не прислушались. Это вызвало мощное восстание мусульманского населения в Джизаке и Караколе (Пржевальск), хотя призыв в армию был выборочным и только на тыловые работы. Подавление восстания 1916 года имело далеко идущие последствия для политической ситуации в Туркестане после большевистского переворота.

Следствием Первой мировой войны стала также огромная концентрация военнопленных на территории Туркестанского края. Это оказало впоследствии значительное влияние на политические события в регионе после переворота 1917 года.

Голендер Б. А.

Российская дипломатия в годы Первой мировой войны

Целое столетие отделяет нас от Первой мировой войны, которую называют и «европейской», и «величайшим преступлением против человечества», и «Великой», и даже «Священной». Эта война «открыла» XX век громом артиллерии и миллионами погибших, возвестив об окончании эпохи «старой Европы» и изменив облик мира, обусловив коренные перемены в системе международных отношений, падение могущественных империй, становление новых национальных государств, многие тенденции мировой политики, по сути, она определила дальнейший ход развития человеческой цивилизации. Для России, принявшей самое активное участие в войне, она стала великим подвигом и вместе с тем – огромной трагедией, изменив не только ее экономику, политику, общественную психологию, но и индивидуальное сознание людей.

К началу XX века на международной арене назрел серьезный конфликт между великими державами за передел влияния в Европе и во всем мире. Россия могла либо остаться в стороне (и окончательно оказаться на международной периферии), либо попытаться реализовать собственные национальные интересы. Именно это и решило сделать царское правительство. Россия блокировалась с Францией и Великобританией, образовав Антанту, которая, вопреки расхожим суждениям, не имела под собой до 1914 г. каких-либо трехсторонних юридически обязывающих соглашений.

Россия была больше заинтересована в сохранении существовавшего раздела мира, нежели в его переделе. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов и сам Николай II вплоть до последних дней июля 1914 года предпринимали шаги, направленные на дипломатическое урегулирование назревающего конфликта. Однако Германия уже приняла для себя решение и 1 августа объявила войну России, 3 августа – Франции. 4 августа в войну вступила Великобритания.

Интересы России были озвучены в первый месяц войны в так называемом «меморандуме Сазонова». Они сводились к максимальному ослаблению Германии и Австро-Венгрии, отторжению от них ряда земель в пользу России и ее балканских союзников, а также получению контроля над проливами Босфор и Дарданеллы, которые принадлежали Турции. После того, как она в ноябре 1914 г. вступила в войну на стороне Германии, соглашения были детализированы. В 1915 г. Сазонову удалось добиться принципиального согласия от Англии и Франции о том, что вопрос по проливам будет решен в интересах России. В 1916 году страны Антанты совершили (правда, лишь на бумаге) раздел сфер влияния на Ближнем Востоке. Все это свидетельствует об успехе российской дипломатии, который, по известным причинам, так и не был реализован.

Личный вклад С. Д. Сазонова в достигнутое соглашение был огромен. Он активно участвовал и в консолидации уже сложившейся к началу войны коалиции и пытался привлечь на сторону Антанты новых союзников.

С именем С. Д. Сазонова были связаны отказ России от политики балансирования между Англией и Германией, крутой поворот внешнеполитического курса России, направленный на всемерное укрепление Тройственного Союза России, Франции и Англии. Такова была историческая необходимость.

Отставка С. Д. Сазонова и назначение его преемником Б. В. Штюрмера не привели к изменению внешнеполитического курса страны, направленного на дальнейшую активизацию военных усилий, доведение войны до победного конца, достижение большей согласованности действий с союзниками как в военной, так и в дипломатической областях, и реализацию намеченных совместно с ними целей.

Русские дипломаты активно содействовали укреплению союзнической коалиции, выходу на новый, более высокий уровень политической работы и налаживанию интенсивных межгосударственных контактов в двустороннем и многостороннем формате, обеспечению взаимодействия со своими главными партнерами, добивались международной изоляции Германии, разрабатывали программу послевоенного сотрудничества. Достижением внешней политики Петербурга стали Босфорские соглашения 1915 года, хотя реализовать их так и не удалось.

Реальность военного времени потребовала от МИД России осуществления информационно-пропагандистских и контрпропагандистских функций, использования внешних рычагов для снабжения армии, заботы о военнопленных и т. д. Все больше заявляли о себе публичная и экономическая дипломатия. Происходила оптимизация структуры внешнеполитического ведомства, в рамках которого были созданы Отдел военнопленных, Особый политический отдел, Правовой и Экономический департаменты.

В годы войны обозначилась гуманитарная составляющая во внешнеполитической и дипломатической деятельности России: помощь раненым, поддержка российских подданных, застигнутых войной за границей.

Сегодня мы говорим о дипломатии в годы Первой мировой войны, обращаемся к ее истории не для того, чтобы выявлять виновников, делить участников на победителей и побежденных. Главный урок заключается в том, что будущее цивилизованного мира, всего мирового сообщества в единстве и сотрудничестве, в органичном сочетании национальных, региональных и глобальных интересов, а не в попытках отстаивания своих интересов, в ущерб другой стороне.

Садыллаев Д. С.

Запавшие в Душу слова могут прорасти ростками мудрости!

Хвастовство – это тот же инстинкт самосохранения и самоутверждения!

Только теряя близких, понимаешь, как ты был по-настоящему богат и счастлив...

Гениальность – в простоте восприятия окружающего Мира!

Соразмеряй свои желания со своей полезностью людям!

Время не повернуть вспять и потому успевай всё делать так, чтобы все было вовремя!

Счастье – это способность радоваться каждому новому дню!

Победа, одержанная коварством – самое позорное поражение...

проза

Исажон СУЛТАН

Родился в 1967 г. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУЗ). Писатель, переводчик. Автор повестей «Молитва» («Муножот»), «Родник, освещенный луной» («Ойдинбулок»), романов «Вечный скиталец» («Бокий дарбадар»), «Азад».

ЧАША НА ВОДЕ

Рассказ

(перевод с узбекского С. Камиловой)¹

...Флюгерок, кружись не останавливаясь!

Пусть волны дальних неведомых стран подхватят нас в едином порыве.

С детства я завидовал людям, живущим у моря. Мне всегда хотелось увидеть бурлящие пенные волны, сотрясающие окрестности своим шумом и ревом; рыб и других морских обитателей, выброшенных неугомонными волнами на берег; молнии, являющиеся внезапно из-за стаи туч и вонзающие свои огненные стрелы в морскую пучину.

И вот я на берегу моря... Чтобы испытать силу и мощь волн, мы с приятелем выбрали самую необычную лодку. Я соорудил из фолги флюгерок, указывающий направление ветра, и водрузил его на нос суденышка. Он весело закружился на морском ветре.

Ближе к обеду мы отважно отправились в морскую даль.

Серые волны тяжело и глухо бьются о борт лодки. Она ветхая, доски почерневшие, истертые. Я холодею, представив, что под нами тысячи бездонных водных впадин. Мне жутко от осознания того, как мала и ничтожна наша лодка, словно ореховая скорлупа на этой серовато-голубой водной глади. На ум приходят строки Джалолиддина Руми: «Мы словно чаша на воде. Чаша плавает не как ей заблагорассудится, а по воле водной стихии. Это так. Некоторые знают, что они на воде, другие нет. Если бы ты даже увидел, как изяшно и размеренно плавает чаша по воде, то вряд ли смог бы оценить это».

Море сливается с океаном, в недрах которого обитает бесчисленное количество огромных чудовищных акул и невиданных диковинных существ. Медленно двигаются какие-то огромные рыбы и гигантские осьминоги. В вечной темноте грезятся мне плавающие слепые рыбы, которые никогда не выберутся наверх, потому что ближе к поверхности их чешуйчатая кожа может лопнуть. Невозможно осознать, как они могут жить в этой вечной темноте.

Увидеть эти завораживающе прекрасные зелено-голубые волны моря – мечта моего детства. Их сила, бескрайность восхищают и вместе с тем рождают в душе неведомые, странные чувства. По ту сторону раскинулись таинственные экзотические страны. Огромные фабрики беспрерывно извергают в небо клубы дыма, то и дело вспыхивают блестящие огни. Люди тех мест говорят на незнакомом мне языке. Наверное, они по-особому общаются, по-другому воспитывают и любят своих детей и выглядят как-то иначе.

¹ Родился в 1974 г. в Ангрене. Кандидат филологических наук, доцент, автор литературоведческих публикаций, переводчик.

Море – удивительное явление. Оно живет своей жизнью, полной мощного движения: шумит, плещется, ни на секунду не умолкая. Даже, когда оно спокойно, задумчивая мелодия его плеска выразительнее шелеста нашего ветра. Луна, растущая день ото дня, приводит в движение морские воды: с утра стаи волн в пене и брызгах катятся на берег и бьются, и напирают, взбегая одна за другой на белеющий косогор, оставляя скалистые камни под водой. А вечером вода возвращается, и беловатый песок берега снова обнажается, кое-где в ямках трепыхаются мелкие серебристые рыбки, которых течение не возвратило в море. Кое-кто специально вырыл лунки и сейчас эти люди заняты ловлей плененных рыб.

Остаются позади берега. Лодка мерно покачивается. Иногда под водой мелькает огромная тень. Скорее всего, это громадная рыба, которая то появляется, то исчезает. Опасаясь, не акула ли людоедка намного больше нашей лодки плывет за нами, почуяв человеческий запах. Мне страшно, а вдруг она одним ударом перевернет судно.

Мы люди, выросшие вдали от моря, и потому оно нам кажется несколько чужим. Действительно, здесь совсем ничего нет из того, что нам знакомо. И откуда ему быть? Вдали мелькают точки – головки играющих детей, им хорошо знакомо море. Да, наверняка, им известны нрав и особенности мелких морских обитателей. Если они когда-нибудь окажутся в тех местах, где вырос я, не удивительно, что наши края тоже покажутся им чужими. Возможно, они даже не захотят жить там, где нет моря. Здесьние люди строят свои дома близко к берегу, фундаменты домов высокие, собраны из каменных глыб. По утрам, выйдя на террасу, завтракают и наслаждаются свежим ветерком, который набегает с моря, обдавая прохладой. А вечерами ветер дует уже в сторону моря. Это морской бриз, который появляется во время прилива и отлива.

Взыгравшее море – зрелище устрашающее. Вы ощущаете какую-то грандиозную непобедимую силу, глядя, как на поверхности моря рождаются эти гибкие и сильные волны и, всё поднимаясь, бурля и пенясь, наступают плотной стеной, тесно связанные каким-то единством цели. Удивительно, но все это – проделки луны! До рассвета тонкий серп ее льет нежнейший свет. Почему на рассвете бывает прилив, а к вечеру – отлив? И какая здесь связь с луной?..

Волны плещутся и бьются о лодку. Наша одежда давно уже влажная, лодка намокла и отяжелела. Из какого дерева она сделана? У нас растут тополь, ива, карагач, орех. Возможно, это кипарис. У нас из него, помнится, делают погребальные носилки. Кипарис вертикально прямой, древесина его непрочная. Значит, не он. Для лодки нужен легкий, сухой и не мокнувший материал. Наш тополь подошел бы, но здесь его нет, здесь растут сосны, ели, довольно много белых берез. Они напоминают наш осокорь (черный тополь), только пышнее, листочки тоньше и шелестят, даже без ветра.

Берега постепенно отдаляются. Теперь люди едва различимы, дома кажутся совсем крошечными.

Под лодкой все еще мелькает огромная тень. Горизонт пуст. Покажутся ли берега других стран, если мы будем плыть в этом направлении еще несколько дней? Земля необъятная и бескрайняя в тех райских местах. Там тоже живут люди? А землепашцы, садовники у них есть? А когда громко плачут их дети, испугавшись внезапно вылетевшей из-за деревьев птицы, матери так же кидаются успокоить их? Дети же на земле везде одинаковые! А взрослые? Нет, взрослые другие! Дети такие же, а взрослые совсем другие. Конечно, есть и землепашцы, и садоводы! Не удивительно, что они похожи на наших соотечественников. Только каковы их посевы? У нас фрукты очень сладкие. А фрукты из холодных стран отдают чужбиной. В тех странах цвет одежды, которую предпочитают люди, весьма необычный. Наши люди любят многоцветность. Наверное, отношение к цвету формируется на основе цветовой гаммы своей родины... Неудивительно, что у людей тех стран свой облик, цвет, говор, даже глаза, взгляд и выражение лиц другие.

Я вырос на лоне полей. Приехав к морю, заметил, что наши деревья на самом деле не такие уж и высокие. Самое высокое дерево в моем селе – тополь, тополя растут по краю каждого огорода. Невольно восхищаешься при виде ровных, в ряд растущих вдоль берега кипарисов. Будут ли они расти на моей родине, если их привезти и посадить? Нет, скорее всего, не перенесут особенностей нашего климата. Смогут ли зеленый кипарис выдержать силу ветров моей Отчизны? Я вспоминаю деревья во дворе, где я вырос: все они изогнуты в сторону восхода, это работа ветра-суховея.

«Хлюп, хлюп», – плещутся волны.

Хотя вокруг вода, но солнце печет безжалостно. Внезапно я ощутил насколько дороги и любимы сероземы моего отчего края. Все мое существо внезапно охватила тоска по Родине, будто плотина прорвалась внутри меня и бушующая стихия заполнила сердце.

А вдруг мы не сможем вернуться и останемся здесь? А если погибнем от жары и жажды за несколько дней плавания?! Чувствую, что не хочу быть погребенным в пучине. Вода – это другой мир! Под водой ветры превращаются в течения. И только господь Бог, только солнце и луна и для суши, и для водного мира. И все! Остальное отличается. Но я хочу умереть не здесь, а у себя! В этот момент даже кладбище на моей родине кажется дорогим и родным. Мне дороги могилы, выкопанные весной, когда теплая темно-песчаная земля перемешана со всходами. Если бы я умер в родном краю, то был бы похоронен, конечно, рядом со знакомыми и близкими мне людьми. А если смерть настигнет меня в этом месте, с кем рядом я буду лежать?

Вода тихо бьется о борт лодки, жажда усиливается.

Чужбина! Чужая! Эта вода чужая! Это небо чужое! Птицы, летающие в нем, Божьи создания, но и они чужие. И тут понимаю, что птицы наших краев шебечут... на родном мне языке. Удивительно, птицы поют на моем языке?! Деревья моего края понимают мой язык! Осознаю, что их внешний вид соответствует облику наших людей. Все: и отец, вечно пропадающий в огороде, и мать, разжигающая тандыр, и птицы, наблюдающие за ней, и куры с цыплятами, важно шагигающие из зарослей кукурузы, и бараны в загоне – все превращается в единое целое...

Меня не признает море, потому что мне не дано постичь тайны водного мира. В своем краю я был господином. Деревья росли так, как я хотел, земля приносила плоды, которые я желал – все вокруг подчинялось и служило мне. Зная, для чего существует все живое, я мог подчинить его своим потребностям. А здесь, среди волн, единственное, что подвластно мне – вот эта лодка.

...Море волнуется, пенится.

Эта бескрайняя вода... На суше, где кончается власть моря, необычные страны, люди... манят к себе, привлекают, поражают своей красотой. Диву даюсь, для всех ли так дороги родные места? Ощушаю единение природы моей Отчизны с моими соотечественниками. Люди становятся похожими на природу или природа на людей? Те же иностранцы на лоне природы моей Родины покажутся чужими, они не впишутся в нее. Интересно, если мы попадем на чужую землю, то, наверное, тоже будем чем-то инородным, словно белое пятно на черном крыле птицы или серебристая прядь в смолянисто-черных волосах. Не могу представить себя бродящим по незнакомой земле, сознаю, что и мой родной язык не уместен в тех местах...

Вода непрерывно бьется о борта, покачивая лодку. Под нами все еще мелькает, то появляясь, то исчезая, черная тень. Белые чайки парят над морем, изредка касаясь грудью воды.

Мой приятель, погруженный в свои мысли, внезапно запаниковал:

– Надо возвращаться! Как бы нам не заблудиться и не оказаться в открытом океане!

– Неужели! Вроде лодка стоит на месте.

– Течение, – сказал он, указывая на воду. – Когда начинается отлив, может отнести минимум на сто верст от берега, понимаешь?

Вот как? А ведь он прав! Действительно, ближе к вечеру вода отходит от берегов, и тогда вряд ли мы сможем плыть против течения, нас вынесет в открытые воды. Мой товарищ внезапно схватился за весла.

– Мы должны грести к берегу, – взволнованно сказал он. – Если нас отнесет течением, мы не сможем вернуться.

А берега уже давно не видно. Вдруг осознаю, что здесь Время отсутствует. Такое ощущение, будто мы попали в те времена, когда вода поглотила землю. Это какой век? Когда был всемирный потоп? Говорят, что во времена Ноя на земле не осталось суши. Мы словно в том времени, будто на земле, кроме нас, никого нет!

Да, мир затоплен, на воде два правоверных мусульманина, под водой безгласые немые рыбы, в небе мечущиеся морские птицы, кричащие на чужом языке, словно тень плывущий силуэт... может, это кашалот?

Его беспокойство передается мне. Сначала медленно, а затем все энергичнее работаем веслами.

А если начнется шторм? Сейчас пока в воздухе не чувствуется признаков бури. Как бы внимательно я ни вглядывался, предвестия шторма не увидел. У себя на родине я различал малейшие перемены в погоде, здесь же и знаки другие, свои. В моем краю, если скапливаются комары, ласточки начинают кружить близко к земле, а горлинки не вылетают из своих гнезд, значит, в воздухе накопилась влажность, и пойдет дождь. Если птицы чистят свои перья, быть жаркому дню... Если закат алый, завтрашний день будет ясным... Белые птицы, с криком кружащие над нами, не подают мне никаких знаков. Морской шторм – страшное зрелище, что делать, если он начнется? Я не боюсь остаться в безводной степи, эти места знакомы мне. Я знаю, какие корни нужны для еды, какие травы освежают, избавляют от жажды. А здесь? Море тоже степь, только водная, но вода непригодна для питья. Боже мой! Сознание, лихорадочно работая, мгновенно находит выход: если прокипятить воду, соль осядет, можно собрать капли и напиться. Или дождевая вода – пресная, если ее как-то собрать... Можно ли в лодке развести огонь?

Волны вздымаются. Между ними образуются глубокие водяные ямы. Море бурлит и пенится.

* * *

Внезапно мой напарник перестает грести. Он хватает меня за руку с такой силой, что лодка качается.

– Стой, – говорит он, впадая в панику. – Мы заблудились, мы плывем в противоположную от берега сторону.

– Не может быть, – возражаю я. – Если ориентироваться по солнцу, то закат должен быть слева, если мы плывем верно.

– Взгляни на течение, – говорит он.

Действительно, казалось, что неразличимые многочисленные течения направлены в открытое море, и возвращающиеся воды уносят нас в противоположную от берега сторону.

– А может, это не так, – говорю я и бросаю в бурлящую воду платочек. Какое-то время он кружится вместе с лодкой, затем какая-то любопытная рыбешка уносит его вглубь.

– Все воды от берега движутся в открытое море, и чтобы ты ни бросил, оно будет плыть рядом с лодкой, – сказал мой напарник.

– Ты глупец? Если будем грести в ту сторону, куда указываешь ты, мы выйдем в открытый океан, – говорю я, окончательно потеряв терпение.

– Нет, это ты заблуждаешься. Я стараюсь указать тебе верный путь, – стоит он на своем.

Что делать? Жажда постепенно усиливается, делаю глоток, долго держу во рту воду, затем тихонько глотаю. На самом деле, отлив отнес нас вглубь, и, как назло, не на что равняться, мы даже не знаем, как ориентироваться по солнцу. И только океан со всех сторон.

Продолжаю решительно грести, тогда мой товарищ, подняв весло, начинает угрожать: – Послушай меня, иначе сейчас огрею тебя по голове и утоплю!

Что с тобой случилось, дружище? Мы же всегда понимали друг друга! Почему ты колеблешься? Ведь ты ошибаешься, и если мы поплывем в этом направлении, то наверняка погибнем! Почему ты не хочешь понять этого?

– Не торопись, подумай, – умоляю его. – Ты ошибаешься! Подумай, мы сможем найти верный путь лишь по солнцу, а оно вот-вот зайдет! А если мы останемся в море на ночь? Вспомни, вспомни – где было солнце, когда мы начали наше плавание!

– Было над нами, – буркнул он, все еще хмурясь и сомневаясь. – Помню точно, было в зените!

– Эх, если бы мы были дома, то вообще бы не сомневались, – с сожалением замечаю я. – В нашем краю на закате всегда появляется ветерок, и деревья склоняются в направлении ветра, к востоку, и тогда хоть как-то можно определить дорогу. А здесь невозможно.

– Не знаю, – ворчит мой напарник. – Но знаю точно, что течением нас уносит. Берег в той стороне, туда надо грести!

– Подожди, друг. Не торопись...

Небо затянуло. Горизонт слился с океаном. Скоро и солнце скроется за серыми тучами, тогда не на что будет ориентироваться.

Волны росли, становились все более грозными. Как представил, что на тонком дне

лодки может собраться слой воды в пять-шесть саженей – охватывает паника. Появляется шальная мысль: «А что, если связать его и выбросить за борт? Но где веревка? Или, может, просто толкнуть в воду?» Гляжу на него исподлобья, он смотрит точно так же на меня. Неужели у него такие же мысли? Он тоже хочет толкнуть меня в воду?! Беру неторопливо весло. Он делает то же. Весло тяжелое, увесистое, с него капает вода.

...Мир затоплен, на воде два правоверных мусульманина, и они как враги... а под водой безгласные немые рыбы... гигантская рыба, плывущая как тень... в небе летающие птицы, щебечущие на чужом языке...

– Давай договоримся, – примирительным тоном говорю я, – какой толк от того, что мы потопим друг друга? Все равно одним веслом невозможно догresti до берега, смотри, и питьевой воды не осталось.

– Мы уже в открытом море, – безразлично говорит он, опустив весло. – Да смотри же ты!

– Смотреть на что?

– Чайки... – уныло сказал он.

Действительно, вокруг не видно чаек. Ну и что? Может они вернулись... И тут до меня доходит – чайки не улетают далеко от берега, потому что их гнезда на берегу, на скалах...

– О, Боже! – воскликнул я, уронив весло. – Может они улетели потому, что испортилась погода? Если пойдет дождь, их крылья намокнут, отяжелеют, и им трудно будет летать?

– Они морские птицы, их перья не намокают ни от волны, ни при дожде, – сказал мой напарник. – Все конечно, друг.

Мы сидим по обе стороны лодки. Мой мозг лихорадочно ищет выход. Вокруг летают чужие птицы. Я их не знаю, может, это океанские птицы? Я слышал о птицах, которые отдыхают и даже спят, сидя на волнах!

Под лодкой движется все та же громадная тень-призрак.

– А если придется ждать до утра?! Нас отнесет к берегу течением, когда будет прилив!

– Нет, не отнесет!

– Тогда... с какой стороны дует ветер? Подожди! Я сказал «ветер»?

Я вскочил, лодка сильно качнулась.

– Ветер! Я нашел выход! Ветер!

– При чем тут ветер? – удивленно спрашивает меня напарник.

– Здешний ветер с утра дует в сторону суши, а вечером в сторону моря! – от радости не могу усидеть на месте. – Понимаешь? Сейчас ветер дует сзади, значит, сторона, на которую ты указываешь, не берег, а открытое море. Берег сзади, куда указывал я, теперь понял?

– Почему ты стал таким непонятливым? – все еще злится мой напарник. – В открытых водах ветер дует в любую сторону. Может это ветер отлива, а может и ветер бури?

Я тоже засомневался. Если это окажется ветер шторма, то мы, несомненно, плывем навстречу своей гибели. Не лучше ли, ничего не предпринимая, надеяться на то, что не сегодня, так завтра проплывет рыболовное судно и подберет нас? А волны растут, бурлят, ветер действительно непрерывно дует в разные стороны.

Вот и... смеркается.

Сумерки... в моем краю наступают незаметно, сверканье вечерней росы напоминает сияние жемчужин. Вечер медленно оседает, распространяя аромат цветов и запах каленного масла, наполняет окрестности блеянием овец, пением удивительных птиц. Здесь тоже вечер уже наступил, разнося запах соленой воды и рыбы. Закат отражался на поверхности воды, как в зеркале, образуя яркие пятна, волны потемнели, стали бурными, а зарево заката, все разгораясь, блистало кровавыми бликами.

Ветер в открытом море нагоняет гигантские пенные волны.

Я не знаю тебя, морской ветер. Но ты же не ветер, образующий смерч? Мне очень хочется, чтобы ты оказался лунным ветром, который появляется на рассвете и на закате вместе с приливом и отливом. Не знаю, какая может быть связь между великим светлом, тихо плывущим высоко над землей, и этим ветром воды. Но твоё дыхание вселяет надежду.

...Скоро океан полностью погрузится в темноту.

В моем краю наступление сумерек прекрасно. Их приход незаметен: точно тонкая вуаль медленно и плавно спускается на деревья, на опоры виноградных лоз, на пыльные улизы, на аккуратно убранные поля – спускается тихо и бережно! Кое-где во дворах можно увидеть семьи, оживленно беседующие за ужином под желтым светом фонаря, висящего на ветке айвы или яблони. Соседи угощают друг друга ужином. У очага слышен звон посуды, которую моют и раскладывают по местам. Вокруг стоит запах клевера, молока, запах свежесрезанных листьев тутовника, смешанный с ароматом базилика, растущего во дворе.

Ночь опускается на волны бескрайнего океана. Но она для меня чужая. Я не узнал тебя, ветер бури, я не понимаю, о чем ты реवेशь. Флюгерок на носу лодки бешено вращается так, что вот-вот сорвется.

Эй, кружись, вращайся! Пусть грозные суровые волны этого неизвестного места сокрушат тебя, как и меня, и закружат!

Похожа ли наша лодка на чашу на воде? Говорят, чаша плавает не так, как ей заблагорассудится, а по воле водной стихии. Да, это, должно быть, так... Но скоро ее будет подбрасывать так, что другие чаши бросятся наутек, увидев это...

Чаша... лодка... Господи, какая связь между ними?

Эй, океан, хоть ты еще и сохраняешь нам жизнь в пучине высоко вздымающихся и с треском падающих волн, но ты совершенно чужой! «Поразительно, – думаю я, – крепко ухватившись за борта лодки. Всевышний создал Вселенную, чтобы люди смогли в ней жить. Не так ли? Тогда почему я не чувствую тебя, океан? Почему ты не говоришь со мной? Или говоришь, но я не понимаю?

О чем реवेशь, ураганный ветер? О чем воешь, вихрь, тревожа весь свет?

В моем краю все вокруг: небо, земля, солнце, зоря, дождь, ветер, травы, ночь, рассвет, горы, сады – все было со мной единым целым, я был частью всего этого. А здесь... я лишь деревянная чаша на воде».

Ночь распростерла свои объятия. Наступила кромешная тьма, теперь из мрака слышны лишь знакомые странные звуки. Руки, голова, тело, волосы мокрые от соленой воды. Мы изо всех сил пытаемся уцелеть, вцепившись за борта лодки. Сверкает молния, разрывая небеса, рокот грозы сливается с грохотом морской воды. Внезапно начинается проливной дождь. Такой дождь я вижу впервые. От дождевой воды, собравшейся на дне лодки, мерзнут ноги. Я вспоминаю о громадной тени, плывущей под нами. Ее не видно в темноте, но она, наверное, еще рядом. Эй, чудовишная тень-призрак, от самого берега верно следующая за нами! Может, ты кашалот, спасший когда-то святого Иона? Может, как ни странно, ты пришла по мою душу? А может, пришла помочь мне, потому что я вдалеке от Родины? Эй, благословенное создание Всевышнего, если хочешь, проглоть меня! Затем стремительно плыви в сторону берега и выплюнь меня на песок, и, может, тогда в бессознательном состоянии меня укурат от солнца огромные листья тывки, растущей в родном краю. И все! Я вовсе не хочу, чтобы лодка перевернулась, чтобы я остался здесь в бездонной чужой пучине в момент судного дня вдалеке от близких, от своего народа! Не хочу оставаться в чужом краю!

Эй, ураган, эй, волны, эй, морская пучина с ее бесчисленными обитателями, эй, создания других миров! Может, вы подаете какие-то предупреждающие знаки на своем языке двум правоверным мусульманам, заблудившимся в открытом океане? Как это беспокойное шепетание чаек, улетающих к беспредельно далекому берегу до наступления темноты, пока серые тучи не затянули небо? И когда мир погрузился во мрак, и сушу накрыла вода, они, наверное, тоже сочувствовали двум заблудшим человеческим созданиям, сидящим на деревянном островке, который, словно травинка, беспомощно дрожал на воде? Может, и все морские жители: рыба-меч, акулы, скаты, камбала, медузы – отчаянно предупреждали их о чем-то, то выныривая, то уходя под воду? Может, сочувствуя, они и меня хотели предупредить, но я не слышал?

Мне трудно ориентироваться в темноте, но в душе теплится надежда: а вдруг, выбранный мною путь окажется верным? Возможно, ветер и течение несут меня не к гибели, а к спасительному берегу. Пока я здесь, на поверхности воды, я ничего не чувствую, кроме желания подчиниться воле Всевышнего и судьбе. Меня охватывает ужас при мысли, что я могу превратиться в ничто в этой бушующей бездне. Осознание этого рождает в душе ураганы страшнее шторма в этой кромешной тьме. Громадные волны с грохотом на-

брасываются на лодку, в шели проникает соленая вода и, смешавшись с дождевой, собирается на ее днище. Временами молния, вонзавшаяся, как огненный меч, в пучину бурлящей воды, готовой выбросить все на свете, освещала моего друга, сидящего на противоположной стороне лодки, как и я судорожно державшегося за борта. Он вглядывался в бушующую стихию, надеясь увидеть в сверкании молний и страшных волнах очертания спасительного берега.

Кружись, флюгерок!

Дуй сильнее ветер, унесший его в объятия волн! Шторм, вздымая до небес волны! Все мы в этот миг подвластны одной неукротимой силе! Наверное, тот, кто создал твои волны, молнии, бури и ветра, создал и путь к спасению? Когда человек тонет, то всякая попытка спастись бессмысленна, он в полной власти воды. Что для тебя дорого, я не знаю. Но двух людей в лодке, которую вертит, словно соломинку среди бушующих волн, манит Отчизна. Страстные желания и мечты лишь о встрече с Ней. Возлюбленная моя, ты услада души... Я ощущаю всем своим существом неразрывную связь с Любимой, и, если ее не будет, мне остается лишь сгинуть в этой пучине. Водная стихия во власти Высшего Наставника. Это он распоряжается ею, он сделал так, что мы оказались здесь и, спасая мою душу, направляет к Ней и предупреждает: «Помните добро, молитесь». Бури и молнии посланы для того, чтобы я осознал цену Ей и, преодолев все страхи, сомнения, панику захотел еще раз взглянуть в умиротворенное лицо Возлюбленной Отчизны.

Когда ты любишь и любим, весь Мир наполнен Добротой!

Сердцем видим то, что непостижимо умом!

Искусство дано Нам, чтоб увековечить прикосновение к прекрасному!

Решительность создает Личность!

Любовь к Природе познаётся только в близости с ней!

Глупому многое мешает жить, тогда как умный радуется всему на свете!

Велик не тот, кто повелевает, а тот, кто покоряет своей справедливостью!

караван истории

ТРИ СЕСТРЫ ЖДАНКО

Часть II

МУЗЫКА СФЕР

Сестры Жданко и их окружение составляли некое историко-философское небесное космическое созвездие. Удали одну звезду, и единое сверкающее созвездие исчезнет. Таинственно звучащей Музыке сфер будет нанесен непоправимый урон. Поэтому представляется необходимым продолжить рассказ о сестрах Жданко.

Ирина Жданко внесла знаковый вклад в образование коллекции русского авангарда в Каракалпакском музее искусств имени И. В. Савицкого.

В 1950 году к работе в Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Каракалпакстане по рекомендации этнографа Татьяны Александровны Жданко был приглашен И. В. Савицкий¹. У истоков этой рекомендации стояли профессор Л. Ю. Крамаренко, известный живописец, ректор Киевского института пластических искусств, создатель художественного объединения, ориентированного на западное авангардное искусство, и его жена и ученица – живописец и график, мастер декоративно-прикладного искусства – Ирина Александровна Жданко.

Родилась Ирина Александровна 9 сентября (22 сентября по н. с.) 1905 года в Санкт-Петербурге. С 1920 по 1927 год училась в Киевском художественном институте в мастерской монументальной живописи у Льва Юрьевича Крамаренко, ставшего впоследствии её мужем.

По окончании института вступила в Общество современных художников Украины.

В 1924 году Ирина Жданко дебютирует на профессиональной художественной выставке, организованной в Киеве Секцией изобразительного искусства Всеукраинского Союза работников искусств и становится активным участником городских, республиканских, всесоюзных и зарубежных художественных выставок.

С 1932 года жила и работала в Москве. В 1934–1935 годах вместе с Л. Ю. Крамаренко посещает Бухару и Самарканд и потом неоднократно путешествует по Азии, Крыму, Кавказу. Эти поездки оказывают решающее влияние на формирование образного мира и оптимистического строя её искусства. На протяжении всей жизни она находится под неизменным очарованием неповторимости и красоты восточного и южного пейзажа.

**Валерий
ГЕРМАНОВ**

Родился 1950 г. в Ташкенте. Окончил ТашГУ (ныне НУУз).

Кандидат исторических наук. Автор около 200 публикаций по истории и историографии государств Центральной Азии и России. Член

Творческого союза журналистов Узбекистана. За цикл лекций во Франции в Институте восточных языков и цивилизаций и Институте человека удостоен Большой медали INALCO.

¹Игорь Витальевич Савицкий – создатель знаменитого музея авангардного искусства в Нукусе. См.: Эркин Жодасов. Задумал я роман... //Звезда Востока. Ташкент, 2013. №2. С. 15–48

С 1965 по 1990-е годы Ирина Жданко работала в Комиссии по народному искусству при Союзе художников СССР. В последние годы жизни она регулярно совершала поездки в Узбекистан, во время которых активно изучала среднеазиатскую голубую керамику. В 1969 г. в Подольске состоялась её первая персональная выставка. Там же в 1983 г. с успехом прошла её расширенная, третья по счёту, выставка. Художница ушла из жизни 23 мая 1999 года в Москве. Произведения И. А. Жданко представлены в музейных и частных собраниях в Украине, России, Узбекистане и других странах.

Восток Льва Крамаренко и Ирины Жданко пленит чистыми свежими красками, игрой света в дрожащем воздухе и ошущением непрерывности жизни, вечного движения. Супруги, путешествуя по Средней Азии в 1934-м и 1935-м годах, а в начале 1940-х живя в эвакуации в Самарканде, не переставали восхищаться гармонией восточного мироустройства. В среднеазиатских пейзажах сама древняя архитектура старинных городов с её геометрически крупными формами как бы диктовала художнику обобщённую живописную манеру письма. Государственному музею искусств народов Востока в Москве в начале 90-х гг. Ирина Жданко передала художественное наследие супруга, а также коллекцию среднеазиатской керамики.

В 1941 году с началом Великой Отечественной войны Ирина Жданко с мужем эвакуируется в Самарканд, здесь происходит их знакомство с И. В. Савицким, тоже эвакуировавшимся сюда в 1942 г. вместе с Московским художественным институтом.

Их сблизила общность интересов и взглядов, укрепляется знакомство И. В. Савицкого и с приехавшей к сестре из первоначальной эвакуации в Сибирь Татьяной Александровной Жданко. Этому способствует её сестра Ирина Александровна. Лев Юрьевич Крамаренко всячески поддерживал интерес обеих сестёр к талантливому студенту, которому предрекал особое предназначение.

Ирина Александровна Жданко
(1905 – 1999 гг.)

Тяжелы были последние годы жизни Льва Юрьевича в эвакуации – в свирепствующем тифом Самарканде в 41-м – начале 42-го годов. Эту эвакуацию ему не довелось пережить. После его преждевременной кончины в 1942 году Ирина добивается командировки в только что отвоёванные Орёл и Брянск. Там много работает и выставляется до конца войны.

Игорю Савицкому принадлежит честь сбора и сохранения народно-прикладного искусства каракалпаков. Собирая коллекцию, он следует методике и урокам Т. А. Жданко. Она не только успешно собирала предметы народно-прикладного искусства Каракалпакстана, но и передавала нарабатанный ею опыт другим¹.

Именно её советы, её методика подворного сбора каракалпакского народно-прикладного искусства помогли И. Савицкому сохранить национальное достояние в созданном в городе Нукусе Музее Русского авангарда и тем самым акцентировать его ценность².

Немногие музеи могут гордиться такой известностью во всем мире, как Государственный музей Республики Каракалпакстан, носящий имя московского художника Игоря Витальевича Савицкого.

¹ Савицкий И. В. Резьба по дереву. Народное прикладное искусство каракалпаков. Под грифом Академия наук Узбекской ССР. Каракалпакский филиал АН УзССР. Ответственный редактор доктор искусствоведения Л. И. Ремпель. Ташкент: Издательство «Наука» Узбекской ССР, 1965. 196 с. Предисловие Л. Ремпеля «К изучению каракалпакского народного искусства». С. 5–25.

² Авангард, остановленный на бегу. Альбом. Авторы статей Е. Ф. Ковтун, М. М. Бабаназарова, Э. Д. Газиева. Авторы-сопоставители С. М. Турутина, А. Б. Лошников, С. П. Дьяченко. Фотограф А. Ф. Сягин. Художники С. П. Дьяченко, А. Б. Лошников, А. Ф. Сягин. Консультант по вопросам экологии кандидат географических наук К. В. Цыченко. Редактор М. Н. Григорьева. Ленинград: Издательство «Аврора», 1989. 610 илл.

НОВЫЕ ИМЕНА

Гоар РШТУНИ

Родилась в 1943 г. Окончила химический факультет Ереванского государственного университета, аспирантуру при МГУ, кандидат химических наук. Автор стихотворных сборников «Звенит струна. Стихи разных лет», «Гроздья ягоды винной», «Притихшие бури», переводчик, прозаик (сборники «Невыдуманные истории», «Бабушкины пословицы»). Член СП России. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

Я ЖЕНА ХУДОЖНИКА

Рассказ

*О, бедные, покинутые женщины!
На вашем ожидании держится земля!*

Я жена художника. Так думаем мы оба, может быть, он немного меньше об этом думает. Все остальные считают меня чем-то типа Лолиты, а его – безнравственным циником. Вообще многие художники или писатели довольно циничны, но не Роб. Он до сих пор наивный, как мальчик.

Немного забавно, что меня действительно зовут Лолой. Правда, Лолитой никому из родителей и в голову не пришло бы меня назвать, мы здесь не Италия, называли меня красивым именем Лала. А безграмотная секретарша в ЗАГСе, видимо, решила, что русские всегда говорят «а», когда пишут «о» и нацарапала в метрике Лола. Дома меня звали Лалой, а в садике, школе и техникуме Лолой. Документ, ничего не подделашь. А Роб часто смеётся, вспоминая историю своего имени. По своим документам он почему-то Руберт. Дед его плевался, но ничего не смог поделать, слишком поздно кто-то разглядел в метрике неизвестное Руберт. Его беспрекословная мама тихо радовалась, что не Шуберт, были тогда лихие времена на имена... Дед и до этого так и произносил: Руберт вместо Роберта. Живём мы в мастерской, а больше нигде. После смерти мамы папа сразу умер, и в нашу квартиру переехал брат с тремя детьми. Я пожила там немного, но с невесткой не сложились отношения. А Роб свою квартиру ещё лет десять назад оставил бывшей жене, она до сих пор числится в законных, видимо, чтоб забрать потом и мастерскую. Роб не любит произносить даже её имя. Когда дети нечасто навешают его, он свою радость скрывает под ухмылкой и осторожно их спрашивает:

– Она знает?

Ему категорически было запрещено даже встречаться с детьми. Роб с неохотой рассказывает об этом периоде, но вспоминает, что «работал зверски». А денег всё равно не было. Ну, был беден, как церковная крыса, как все не пригретые дворцом художники, примеров уйма. А жена предъявила ультиматум:

– Какой ты отец! Что ты за муж? Без денег даже не думай! Кто кормит, того и дети!

Странно, а на что она рассчитывала раньше? Мне кажется, что он до сих пор её побаивается. Вообще-то, и я боюсь, правда, с Робом мне не так страшно. Сосед по мастерской, косматый Хачо, по утрам пьёт с нами кофе и мечтательно смотрит через огромные стёкла мастерской на просыпающийся город:

– Какой ты молодец, что оторвался от этой Кобры! Под Коброй он имеет в виду не жену Роба, этого он не смог бы себе позволить, а её мать. Оба дымят, затягиваются поглубже, пьют

свой кофе и рассматривают последнюю картину Роба. Он у нас почти абстракционист. Почти, потому что его картины напоминают мне рэп. Посередине что-то вполне реально, а вокруг короткие мазки и «абстракция с умислом», как он называет своё направление. Умысел заключается в цветовой гармонии. По мне, картины все и с умислом, и полны смысла, но их покупают неровно: то приходят кучками, долго торгуются и забирают всё, что попадётся на глаза, то Роб несколько недель просит купить ему сигареты попоше, а я перехожу на здоровый образ жизни.

Разница в летах у нас слишком большая, он не сердится на меня за то, что тратить я совсем не умею. Вернее, трачу только на нехитрую еду, на оставшиеся деньги Роб набирает краски, холст. Подрамники делает сам, но готовые вещи нередко завораживают быстротой появления в руках, поэтому он всё чаще приходит домой с новыми подрамниками, ставит в угол и виновато разводит руками:

— Им ведь тоже надо заработать!

Люблю ли я Роба? Странно спрашивать у других, но ещё более странно спросить себя. Я люблю смотреть, как он долго рассматривает свои непонятные ему самому творения, пытаюсь выудить оттуда умысел. Люблю слушать, как он прикалывается с друзьями, обычно я не участвую в этих беседах, так как до сих пор не могу понять, кого он на самом деле уважает, а кто из них «малярчо». Строго говоря, он может несколько раз в день поменять своё мнение, но делает это всегда интеллигентно, без ехидства. Люблю, когда он виновато заглядывает в глаза и спрашивает:

— Лолуш, на сигареты у тебя хватит? Завтра обещали покупателю...

А ещё люблю, как он пахнет краской и растворителем с дымом сигарет вперемешку, люблю, когда он решительно отходит от рабочего полотна и командует:

— Марш туда!

Изменял ли он дочери этой Кобры? Я тихо и злорадно радуюсь одной этой мысли. Но правильно говорят взрослые, нельзя радоваться чужой беде. Я радовалась своей жизни, своему Робу, нашему уютному дому-мастерской. Ждала с его мужских посиделок, отваривала ему травы, без отваров у него начинали болеть почки. Но как-то к нам пришла эта женщина, и с тех пор я потеряла покой. Собственно, с этого и стоило начать. Женщину звали Медеей, у неё были золотистые длинные волосы, которые она постоянно теребила, пухлые белые пальцы в поблескивающих кольцах и потрясающий аромат духов, к которым в парфюмерном отделе, куда заходила по случаю праздника, я даже не принималась. Медеея, как и подобает золотоволосой девушке, стояла в дверях, накручивая локоны на пальчики, это такой сексуальный жест, наверное, и ласково смотрела на моего... на моего... мужа. В такие минуты даже без опыта чувствуешь какую-то надвигающуюся опасность, всегда думаешь: а кто мы друг другу? Кто он мне? Типа, кто он Гекубе, кто ему Гекуба? В ту минуту я с ужасом осознала, что не могу ручаться, кто ему Гекуба. И вообще, кто из нас Гекуба, я или Медеея. Мой возлюбленный (назовём его так, я не подлизываюсь, так вернее) подошёл к ней и, не стесняясь, обнял, потом поцеловал, потом усадил и только тут вспомнил обо мне:

— Лолуш, знакомься, это моя бывшая... бывшая натурщица!

Ах, вон оно что! Но почему он запнулся? Ну, конечно, ведь и я начинала этого. Признаться, я ведь тоже его бывшая натурщица. Но было ли что-либо между ними, мне интересно и неинтересно одновременно. Они о чём-то стали беседовать, глядя на холст, а я ушла варить кофе в тот угол, который мы зовём кухней. Красивая. Молодая. Богатая. Смелая. Свободная. Господи, как много превосходств в одном только перечне сравнений! Все антонимы ты предназначил мне! Кофе чуть не убежал, я постаралась придать лицу уверенность и нагнала улыбку. Медеея уже сняла пальто, жакет и осталась в одной кофточке. Я же говорю, сразу видно, богатая, вся кофта так и переливалась стеклярусом, а юбка была хорошего глубокого чёрного цвета. Тогда я ещё не догадалась убежать. Разве так быстро всё решается? Но Медеея пришла ещё раз. Смотреть на неё было невыносимо, такая она была красивая и противная. На этот раз она была в красном пиджаке и длинной полупрозрачной юбке. Конечно, она пришла не зря. Да ещё так принарядилась. Но Роб спокойно расцеловался с ней, и она уселась на моё любимое место напротив Роба. Вот тогда-то мне захотелось убежать от них. Не мешать, вдруг он и ей скамандует «Марш туда!», а может, скажет это тише и ласковей, или другими словами... Мне стало невыносимо сидеть перед ними, и в отчаянии я деревянным голосом произнесла:

– Я пойду за сигаретами, сегодня рано закрывают.

По дороге в магазин я вволю нарыдалась. Каким-то животным чувством я поняла, что это конец. Сигареты я не купила. Деньги на них давно закончились, я давно стала тратить из накопленных на занавеси денег и теперь рассудила, что и занавесок не надо, говорят, в Голландии вообще занавесок не бывает, даже на первых этажах. Лучше я на эти деньги куплю билет и уеду к тётке Маргуш. В автобусе было полно пассажиров, в пятницу или субботу на какую-то сторону их больше. Сегодня все ехали к себе в деревню. Тётушка Маргуш удивлённо всплеснула руками:

– Одна? А где твой папочка?

Папочка! Вот так все и дразнятся! А сейчас он там чувствует себя юношей! Мне опять захотелось зарыдать.

– Покупателя ждёт, сегодня обещали купить сразу несколько картин. Маргушик, сыр есть? Я голодная, даже кофе не пила, вот, привезла пачку. Маргуш вглядывается в мои заплаканные глаза и изрекает без пауз:

– Выгнал? Сбежала? Разошлись?

Я молчу. Скажу – сбежала, тогда отговорит. Скажу – выгнал – пойдёт выяснять. Но чувствую, если скажу – разошлись – вздохнёт и прокомментирует:

– А на что ты надеялась? Была бы законной женой, хоть угол тебе, горемычной, достался бы! «Угол мне без него не нужен», – мысленно спорю я с тётушкой, но старики всё равно не понимают, когда им приводишь какие-то доводы про любовь. Для них важен только угол, куда я могла бы приткнуться. Тётушка всегда говорит:

– Тут всё твоё, но прежде, я должна умереть. А этого долго ждать, если, конечно, не рак-мак... – и задумчиво умолкает, так как и моя мама, и оба дяди умерли от этой страшной болезни. А младший дядя, возможно, просто не дожил до рака, в 29 лет разбился на мотоцикле. То есть у меня в перспективе все четыре угла есть, и даже помноженные на две комнаты. Но ждать тётушкиной смерти всё равно, что желать её, а это невыносимо, Маргуш – единственное, что у меня есть на свете, и никакие Медени нас с нею не разлучат. Вечером мы пьём чай с взрньем, и я чувствую, что меня отпустило. Кто она такая, в конце концов? Подумаешь, кофточку нацепила, белые ручки – в бриллиантах! Во-первых, днём их не носят, отсутствие вкуса называется, во-вторых, я тоже могу покрасить волосы. Правда, я как-то плохо представляю мою курчавую голову рыжей, но бывает же курчавые рыжие! Пушкин вот был рыжий и кудрявый! И всем нравился! Пушкин мой кумир, я и школу-то его имени окончила. И обожаю всех, кто учился в нашей школе. Бывшая! Натурщица! Видно, хорошо выскочила замуж, раз в бриллиантах разгуливает! Интересно, о чём они до сих пор щебечут?

– Лала, ты меня не слышишь? Он знает, что ты здесь?

– А куда я ещё могу деться, ай Марго? Не к брату же! У них двухэтажные кровати и то места не хватает, на полу спят!

– На полу только твой брат спит! Видно, поссорился с этой... – Маргуш ищет подходящее слово, но кроме «змеи» мы не можем найти ничего подходящего. «Кобра» уже занято. – А вдруг у него приступ опять начнётся, а ты непонятно где! Хоть предупредила бы!

Я холодею при слове «приступ». Как я могла забыть! Он же вчера чуть пожаловался, сглазили – почти год ничего не было. Простудился, наверное. Не может ведь Медени сделать ему укол, он и не даст. А может, сделает. Ну и пусть! Пускай скорую вызывает! Но его не так легко уговорить на скорую. Я шатаюсь от усталости, хочу спать, но слово «приступ» парализовало мне мозги.

– Маргушик, я пойду, утром транспорт хуже.

Маргуш что-то заворачивает и рассовывает в пакеты.

– Это ему отдашь, он любит! – указывает она на белый пакет. – А это спрячь, я тебе кофточку купила. На Новый год обнову наденешь и желание загадаешь. Загадай на дитё, с твоей беспечностью ЗАГС тебе всё равно не видать! В голове ничего нет, никаких мыслей. Хочу думать – не получается. Ладно, начну не с отсутствующей мысли, а с актуального вопроса: «Ждёт ли он меня? Как встретит, если узнает, что я сбежала?»

А вот и наша мастерская. Свет везде включен, но через прозрачные, тщательно вымытые окна никого не видно. Я толкаю незапертую дверь, в мастерской никого нет. Я обегаю зал, кухню, спальню. Никого, постель даже не примята.

– Хачо! Ай Хачо! – барабану я в дверь напротив. Хачо испуганно открывает и тут же

закрывает:

– Подожди, оденусь!

– Хачо, Роб пропал! Никого дома нет, и дверь незаперта!

– Не ори, Мариенк проснется, она сегодня у меня ночует.

Мари – бывшая жена Хачо. Когда ссорится с новой свекровью, берёт дочку в охапку и заявляется в мастерскую «к папе Хачо». Оба они философы, но Хачо всё же одинок, одиноких людей мне жалко. Периодически у него кто-то появляется и так же периодически исчезает. У бедных художников ничего не задерживается: ни деньги, ни женщины, ни дети. Утром дочка захныкает, и Хачо с трагическим спокойствием станет одевать её в обратный путь. Он понимает и сочувствует Мари, ведь именно его мать стала причиной их развода. Поэтому он боится шевельнуться, пока они спят. Всё это, конечно, я давно знаю, поэтому с надрывом шепчу:

– Где Роб? И дверь незаперта...

Хачо медленно соображает, что сказать. Наконец, поднимает на меня свои философские глаза и выдавливает:

– Пошёл за сигаретами.

– А дверь?

– Он боялся, что у тебя нет ключей.

– То есть он так далеко пошёл за сигаретами?

– Ну да, так далеко. Или в аптеку, – придумывает он на ходу, – у него колики начались, говорит, ещё вчера. Надо ему камни в почке раздробить, сто раз говорил, у брата побольше камень был, раскололи, как миленький выскочил! У Роба вообще мелочь, и хирург сам звал, боится, что ли?.. – заводится Хачо.

– Хачо, а кто это?

– Никто. Портрет свой хочет заказать, говорит, в спальне модно вешать.

– А говорит, бывшая.

– Ну, бывшая и есть. Ты куда отлучилась? От бывшей сбежала? – косматый Хачо думает, что шутит, но он провидец.

–Э, Хачо, будто не знаешь, к тётушке Маргуш сбежала. Куда я могу деться? Она мне и Робу гостинцы к Новому году приготовила.

Чувствую, что Хачо ещё что-то хочет сказать. Он оглядывается на дверь спальни и бубнит:

– Больше не бегай к Маргуш, когда он дома. А когда ещё и бывшие тут ошиваются, тем более. Много ли нашему брату надо! Вцепилась, я, говорит, у постели посижу. Знаем мы эти «посижу», сама только «полежу» и думала. А нашему брату много надо? Вернётся, не спрашивай ничего. Мы не любим, когда расспрашивают...

Ну и Хачо! Вот тебе и косматый! В иной раз слова от него не добьёшься, знай, курит да в окно смотрит. Я поняливо киваю головой и обещаю глазами, без слов. Хотя мне хочется реветь, не плакать, а реветь. Хачо встаёт и раскрывает полусломанный диван. Интересно, что подумала эта Медея, когда я смылась? Согласился ли Роб написать ее портрет? И, самое главное, даже не придерёшься, ишь, дежурить взялась, раз никого рядом нет! В следующий раз умней буду. Своё никому не доверяй, мама всегда повторяла: «Раз твоё – береги!»

Когда зазвонил телефон, я кинулась со всех ног к столу. Приятный женский голос спрашивал Роба ли мастерская. Она!

– Его нет дома. Что-нибудь передать?

– Ничего, ничего. Я не ему звоню, просто хотела узнать, что это за приступ. У него это часто?

– Каждый день, особенно поздно вечером.

– А... А что говорят врачи?

– Говорят, лучше не трогать, слишком большой камень. Почка пропадёт.

А без почки, сами знаете, человеку как! Лучше пускай на уколах держится.

– Очень грустно. А вы... вы кто?

– Жена. Разве он вам не говорил?

– Но я слышала, что... что-то слышала, извините...

– Мы вчера расписались! – нагло заканчиваю я разговор и вешаю трубку. Не знаю, как я уснула, но во сне видела Роба: стоит в дверях и разглядывает меня, словно в первый

раз, и спрашивает:

- Как Маргушик? Что на этот раз насоветовала?
- Дитё загадать на Новый год.

Утром я брожу по углам мастерской, не зная к чему прикоснуться. Наконец, беру старое недоконченное вязание. Робу свитер вязала, на рукава не хватило, жилет получился. Аккуратно тяну нитку, развязываю и снова набираю на спицу. Буду вязать себе. Жилет. А завтра перееду к Маргушику. За ней тоже поухаживать надо, совсем постарела. Дверь Хачо открылась, звонкий голосок дочери позвал:

- Маам, я домой хашю! Я бабуску хашю!

На площадке перечекиваются, и сейчас Хачо пойдёт обратно и будет сидеть, как и я, один, а вместо вязания отмывать кисти. Но я не пойду к Маргушику, передумала. Не может Роб не вернуться. Ведь не попрошался... Хотя, говорят, не обязательно уходят, попрошавшись. Просто уходят и всё. Я вздрагиваю. Как это – всё? А я и наша жизнь? Он ведь всегда клялся быть рядом...

Подожду ещё немного. Приступ, наверное, прошёл. Он мой, значит, надо его беречь. Но из маминого совета не совсем ясно, для кого я должна беречь: для себя, для него? Или ещё для кого-то?

- Лала, кофе есть? Мари всё выпила!

Бедная Мари, сама приносит кофе, наверное, а Хачо просто хочет рядом со мной посидеть, приободрить.

- Хачо, заходи, всё есть. Только Роба нету...

Честолюбие – инструмент совершенствования!

Привычки – это как созревшие на дереве плоды, среди которых могут быть и червивые ...

Кто боролся и страдал – не сломится, кто счастлив и любим – не состарится!

Лень всегда поджидает Нас за порогом благополучия...

Любить Детей так же естественно, как ощущать тепло Солнца!

Чтобы понять Жизнь, надо знать людей!

Любить или ненавидеть – это просто, прощать – куда сложнее!

Хитрость – это разумная предосторожность!

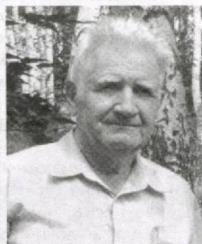

НОВЫЕ ИМЕНА

Вот снова осень позолотою искрит

В мае 2014 г. Николаю Павловичу
Свириденко исполнилось 75 лет.

Поздравляем!

**Николай
СВИРИДЕНКО**

Родился в 1939 году.

В 1967 окончил
Ташкентский авиа-
ционный техникум.
Работал технологом,
конструктором. С
1973 г. – професси-
ональный художник:
графика, плакат,
монументальная
роспись, мозаи-
ка, чеканка, лепка,
скульптура. В 1977–
1988 гг. – штатный
художник журналов
«Муштур» и «Гунча».
Участник более 70
международных вы-
ставок, многочис-
ленных конкурсов
авторской песни, фе-
стивалей.

ТОТ ДВОРИК

Тот дворик у отчего дома
Всё чаще мне снится теперь,
И память на крыльях былого
Уносит в далёкий апрель.

И всё то, что было когда-то,
Встаёт предо мной миражом,
Уходит реальность куда-то,
Я вижу родительский дом.

А рядышком с домом в арыке
Течёт величаво вода,
Там солнечных зайчиков блики
Весёлым мне слепят глаза.

И я, зачарованный сказкой,
Парю над былой красотой,
А в сердце моём – свистопляска,
В душе у меня – непокой.

Я вижу крыльцо, две ступени,
Плетьень небольшой у крыльца
И яблоньку в первом цветении,
С войны возвращенье отца.

Я вижу родимые окна,
А в них отраженье тех лет –
Всё то, что осталось далёко,
Всё то, чего больше уж нет.

Я вижу, как ветка сирени,
Умытая вешним дождём,
Сверкая, блаженствуя в лени,
Мечтает о чём-то своём.

А там под окном, у арыка,
Невестою вишня цветёт,
Свисает к воде ежевика,
И листик куда-то плывёт.

Куда он плывёт, я не знаю,
Но вижу в том участь свою,
Я так же, как он, уплываю
Из мира, который люблю.

ВОТ УЖ СНОВА ОСЕНЬ ВЫЮЖИТ

Вот уж снова осень выюжит,
Позолотою искрит,
Листья вальс осенний кружат,
Да о чём-то клён грустит.

А в бездонном поднебесье,
Опираясь на крыло,
Журавли уносят песни
В край, где будет им тепло.

Провожая я их взглядом,
Им завидую всегда,
Как хотел бы с ними рядом
Улететь и я туда.

А в осеннем поднебесье
Журавлиный тает клин,
Он уносит свои песни
В мир загадочных долин.

Но пройдёт когда-то стужа,
И вернутся журавли,
И весенний вальс закружат,
Вальс Надежды и Любви.

А пока что, осень выюжит,
Позолотою искрит,
Листья вальс осенний кружат,
Да о чём-то клён грустит.

ВСЯ ЖИЗНЬ – ОДНИ МГНОВЕНИЯ

Вся жизнь – одни мгновения,
Летят, мелькая, дни:
Одни летят в забвение,
Другие – в наши сны.

Одни уносят в сказки,
В крутые виражи,
Другие в свистопляске
Несутся в миражи.

Так миг за мигом мчится,
И дни летят, летят,
Порою жизнь струится,
Но вот он – водопад.

И всё перевернулось,
Всё встало на дыбы,
Спокойствие наткнулось
На остриё беды.

И в грохоте обвала
Ты понимаешь вдруг,
Что миг – это не мало,
Что жизнь – это не вдруг.

Так будем жить сегодня
И завтра будем жить,
В житейском половодье
Бороться и любить.

Давно уже нет того дома,
Садов, огородов, полей,
Лишь в памяти снова и снова
Всплывает мир сказки моей.

И мне до сих пор всё неймётся,
Всё тянет в родительский дом,
Но память в реальность упрётся,
Душа заботит о былом.

Тот дворик у отчего дома
Всё чаще мне снится теперь,
И память на крыльях бывшего
Зовёт в тот далёкий апрель.

И НЕ ВАЖНО...

Кто сказал,
что восемнадцать,
только раз бывает?
Если честно вам признаться,
Я так не считаю

И не важно, сколько тебе лет,
И не важно,
чем ты в жизни занят,
Главное,
чтоб был душой поэт,
Главное,
что к жизни тебя тянет.

Но а коль душа твоя поёт,
Значит, тебе возраст не помеха,
Значит, твоя жизнь – всегда полёт,
Значит, ты от жизни жди успеха.

И не важно, сколько тебе лет,
Важно то,
чтоб духом был ты молод,
Важно,
чтоб в глазах искрился свет,
А в душе бы
не копился холод.

А проблемы,
им-то нет конца,
Они были, есть и вечно будут.
И, пожалуйста,
не хмурь лица,
Когда где-то
про тебя забудут.

проза

ГДЕ НАЙДЕШЬ, ГДЕ ПОТЕРЯЕШЬ...

Повесть¹

Посвящается моему другу и учителю Мидату Каганову.

Часть первая

Поздней июльской ночью самолет Ташкент – Минводы приземлился в аэропорту города Адлер. Угрюмой и недоброжелательной показалась земля, на которую ступил Родион. Таможенники долго осматривали его багаж, состоявший из чемоданчика с нехитрым столярным инструментом и сумки со сменой белья, задавали вопросы о цели приезда, скептически вглядываясь в его азиатскую физиономию. Пройдя наконец все процедуры, связанные с пересечением границы, и облегченно вздохнув, Родион вышел из здания аэропорта. Основная часть пассажиров, прибывших его рейсом, уже разъехалась, на стоянке такси маячили два-три человека.

– Тебе куда? – раздался над ухом Родиона голос, – автобуса не жди, до шести утра не будет. Или ночевать в порту, или такси, я тоже сейчас уезжаю – это последний рейс. Давай, решай. Куда, в Адлер, в Кудепсту?..

– Мне вообще-то в Сочи... – ответил Родион.

– Хм... Сочи – город большой. Куда именно?

– Я здесь впервые, меня пригласили на работу, вот у меня есть сочинский адрес, – Родион протянул таксисту исписанный лист бумаги.

– На работу, говоришь?.. А что же никто не встретил? – изучая листок, заметил таксист.

– Значит, так ждали, – сокрушенно отозвался Родион.

– Ладно, садись. За деньги не переживай, лишнего не возьму.

Положив чемоданчик в багажник, Родион устроился на переднем сидении рядом с водителем.

– Дорога предстоит неблизкая. Меня зовут Петр.

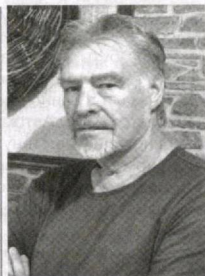
– Родион, – пожимая протянутую руку, отозвался пассажир.

Машина выехала из аэропорта в бархатную, темную ночь черноморского побережья. Огромные светлячки пронизывали крошечную тьму, попадая в лучи фар, вспыхивали фосфорно-серебристыми искрами и глухо шлепали о лобовое стекло автомобиля. Родион жадно ловил врывающиеся в открытое окно сладковато-приторные, дурманящие запахи субтропиков.

– Значит, говоришь, на работу к нам? – нарушил молчание Петр, – а чем намерен заниматься, по какой части будешь?

– Я столяр, как говорится, эксклюзив делаю на заказ, но не гнушаюсь и плотничьих работ: настилка паркета и прочего, связанного с древесиной. А здесь собираемся реконструировать адлерский узел связи.

– Интересно. Ты, конечно, извини, не в обиду... а что у нас

Николай ПОПОВ

Родился в Омской области в 1950 г. Окончил Ташкентское республиканское художественное училище им. П. П. Бенкова оформительское отделение; Ташкентский государственный педагогический институт (ныне ТГПУ) им. Низами художественно-графический факультет. Член творческого объединения при Академии художеств Узбекистана. Дипломант, участник международных выставок.

¹ Журнальный вариант.

нет таких специалистов, что приходится приглашать людей за тысячи километров? – ухмыльнулся Петр.

– Да я не думаю, чтобы таких не нашлось, все гораздо проще, – Родион состроил иронично-печальную гримасу. – Наш труд, как минимум, на половину дешевле, а что делаешь – нужда заставляет.

– А-а-а... дела, – пристально глядяваясь в дорогу, протянул он.

Родион «нырнул» в свою дорожную сумку, извлек оттуда на две трети опорожненную бутылку водки, отвинтил пробку, налил грамм сто в пластмассовый стакан и выпил.

– Самолетом боюсь летать, – прокомментировал Родион появление бутылки, – а так, малость накатишь и глядишь – все страхи побоку. А сейчас для снятия стресса...

Убрав бутылку и стакан, Родион стал всматриваться в чернеющую водную гладь за окном. Горизонта не было видно, гладь упиралась в черный бархат небосвода, сливаясь где-то вдали в единое целое, не позволяющее определить, где заканчивается море и где начинается небо. Автомобиль скользил по новой трассе. Справа теснились горы, упиравшись основанием в стену из рваного камня, а слева чернел крутой обрыв, внизу которого шумом волны напоминало о своем присутствии море. Мысы, громадными клиньями вонзившиеся в море, светились огнями пансионатов, свет которых, отражаясь, плясал на поверхности воды. Далеко в море вырисовывались контуры нескольких стоящих на рейде кораблей.

– Стрессы часто снимаешь? – Петр недвусмысленно кивнул на сумку, в недрах которой исчезла недопитая бутылка.

– Да так... – уклончиво ответил разомлевший Родион, – все зависит от обстоятельств, а они, сам понимаешь, всегда разные: то радость, то печаль, то безысходность...

– Да я тебя не порицаю, я и сам не прочь, забросив руль, нет-нет расслабиться. Парень ты, я вижу, хороший, я тебя, будет время, непременно отыщу, посидим, «погутарим», как говорят наши казаки. Угощение, безусловно, с меня.

– Спасибо, Петр, спасибо. Я, кажется, начинаю менять мнение о россиянах.

– Э-э... не кажи гоп, люду всякого в нашем мире хватает.

– Сам я тоже далеко не святой, – на Родиона нахлынули воспоминания, как частенько бывает, когда вдруг захочется излить душу совершенно незнакомому человеку, зная, что вот они встретились и разойдутся, и никто никому ничем не обязан, а на душе от этого становится легче.

– Двенадцать лет я прожил со своей супругой Ядвига. Она у меня из Эстонии, родители ее переселились в Ташкент вскоре после землетрясения. Ребенка мы завели поздно. Поначалу надо было определиться с жильем, встать на ноги, обеспечить себя как-то материально, поэтому дети отходили на второй план. За три года купил кооперативную квартиру, затем приобрел кое-какую мебелишку, что-то смастерил сам и неплохо. Отцовские гены. Он был столяр-краснодеревщик, стало быть, и мне перепало. Откровенно скажу: я и сам во многом разбираюсь, как говорится, не пальцем деланный. В то время я еще шоферил, сначала на «ЗИЛе», потом пересел на такси, «поливал» день и ночь. На пятом году супружества родился сын. Ну, на радостях я стал попивать, все вроде ладилось, появились лишние денюжата, прикупил подержанный «Москвичок». После работы обычно друзья, застолья, нет-нет – девочки, в общем, не скучно было. Жене, конечно, все мои разгулы не очень нравились, стала коситься, часто возникали ссоры. Но как бы там ни было – все шло своим чередом. Сын Алешка пошел в школу. Я, по мере возможности, старался оспепениться. Но вот, как-то, буквально перед самой сменой, выдать, притомился за день, а может, сказало вчерашнее застолье, только не заметил я «Жигуленка» на светофоре, ну и впечатался ему в задок. Слава богу, с водителем ничего, а вот машину помял капитально. Себе раскроил череп. Видишь вмятина, – Родион приподнял волосы и провел пальцами по лбу, показав рваный кривой шрам.

Петр, оторвавшись от дороги, мельком взглянул на Родиона, затем вновь сосредоточился на подминаемой колесами серой полосе. Миновав тускло освещенное здание сочинской галереи, машина забрала влево и начала подниматься в гору. Родион продолжал:

– Конечно же, в аварии признали виновным меня, да я и не отрицал этого, кто «влетел в зад» – тот и виноват

– Это однозначно, – отозвался Петр.

– Так вот... продал я, значит, свой «Москвичок», деньги все пошли на ремонт железяки.

В общем, со всеми рассчитался, и со мною тоже рассчитались – профессию водителя пришлось оставить, как говорится, по состоянию здоровья. Вот тогда я крепко запил, напивался до омерзения, стал продавать из дому. Жена закатывала грандиозные скандалы, грозила забрать ребенка и уйти к родителям. Угрозы действовали, я с выпивкой завязал, занялся столярным ремеслом, мастерил прилавки для магазинов, конструировал торговое оборудование, вроде бы, все наладилось.

Тут, как на пакость, случился горбачевский развал. Стремительная инфляция, перебои с работой, какое-то время старался, выкручивался, а потом безысходность опять загнала в рюмку. Жена угрозу сдержала, забрала мальчишку и ушла. Я несколько раз пытался ее вернуть, но клятвенные заверения на нее уже не действовали, она оставалась непреклонной. Я, разумеется, не мог смириться с бездомным положением своей семьи, оставил жене ключи и площадь, а сам перебрался к своей матушке. Стиснув зубы, стал выкарабкиваться из топи, в которую влип.

В эти годы жизнь столкнула меня с одним ловким человеком, Юрием Ягодой, – Родион сделал ударение на букву «Я», – а может Ягода, – теперь Родион акцентировал на букве «О».

Петр вопросительно взглянул на собеседника, живо представив связанные с этой фамилией мрачные картины.

– Не знаю, не знаю... – рассмеялся Родион, видя, что шутка произвела впечатление. Затем продолжил: – В Ташкенте он подкидывал мне кое-какую работенку, конечно, не без своего интереса, а вот недавно предложил работу в России. Выбирать мне было не из чего, к тому же семейные узы уже не держали, вот так я и оказался здесь...

– Невеселая, конечно, история, могу только посочувствовать, время нам досталось такое, как говорится, «селяви», – Петр потянулся вперед, разглядывая за окном сквозь листву веток неясно виднеющиеся номера домов, – вот, кажется, и прибыли. Машина остановилась у калитки с номером 12. – Идем, я должен удостовериться, туда ли тебя завез. Как зовут твоего работодателя?

– Да, Юра! Тот самый Ягода, – подхватив вещи, отозвался Родион. – Кстати, что там с меня?

– Пять тысяч. Не пугайся, это символическая сумма. У нас бутылка пива стоит девяносто рублей, это тебе так, информация для ориентации в ценах.

Петр отыскал звонок, скрытый густыми ветками лавра, надавил на кнопку. Через некоторое время калитка отворилась, явив заспанное лицо Юры. Убедившись, что свою миссию он выполнил, Петр пожал Родиону руку, не забыв при этом напомнить, что договор остается в силе и, пожелав удачи, скрылся за дверцей автомобиля.

II

Время тянулось на удивление медленно и бесполезно. Минула пара недель с тех пор, как Андрей Пономарев находился в Адлере, а реализация проекта реконструкции переговорного центра так и не начиналась. Небольшие имеющиеся деньги катастрофически быстро таяли. Нужно было платить за квартиру, тратить на поддержание своей биологической массы, которая при возрасте сорока двух лет и росте в один метр восемьдесят пять сантиметров составляла порядка ста пяти килограммов. Обреченного на вынужденное безделье Андрея очень удручала сложившаяся ситуация. С тревогой он думал о том, что вскоре должна была приехать Диана с ребенком, а значит, возникала необходимость подыскать квартиру в Сочи и обеспечить более или менее сносное проживание. Правда, после того, как он ушел от жены и переехал жить к Диане, их отношения сильно разладились. Прежних чувств у Дианы к нему уже не было, в отношениях ощущался холод и отчуждение. Складывалось впечатление, что она его терпит лишь потому, что их совместной дочери нужен был отец и хоть какая-то материальная поддержка. Андрей терялся в догадках, желая найти причину ее перемены. Предлагал расторгнуть брак с женой и юридически скрепить их союз. Но ей эта жертва уже была ни к чему. Андрей больно переживал ее безразличие. Вечерами старался как можно реже бывать дома, допоздна пропадал на работе, нередко оставался на ночь у друзей. Но, казалось, ее это абсолютно не трогало. Когда поступило предложение поехать поработать в Россию, он с удовольствием согласился. Это, пожалуй, был лучший выход из сложившейся ситуации.

Андрей сообщил Диане о принятом решении. Она его не удерживала и в общем-то была рада этому сообщению. Более того, обласкав Андрея, попросила, чтобы, устроившись, он обязательно ей позвонил. Обещала с дочерью приехать к нему. Андрей, счастливый, в надежде на грядущие перемены покинул Ташкент.

...Нужны были деньги. На звонки в Сочи с вопросом, когда же, наконец, приступить к работе, Юра Ягода отвечал шаблонно: «Потерпи, скоро все разрешится, утверждаем смету, определяем материалы, потерпи...»

Андрею время ожидания приходилось коротать на пляже или в питейных заведениях. Вот и сейчас, устроившись за столиком в одной из адлерских забегаловок с размалеванной вывеской, изображавшей два желтых выпученных глаза с надписью: «Стой, утоли свою жажду!», Андрей терпеливо ждал, щедя сквозь зубы дрянное поило. Там и сям кучковались «ковбои» с побитыми и отеками мордами, очевидно, занятые рассказами о своих недавних «подвигах», или просто решали проблему приобретения очередного «фонфурика», с сосредоточенным видом обследуя свои карманы и внимательно глядя-ваясь в извлеченные на свет мятые купюры своих событыльников.

Что он Гекубе? И что ему Гекуба? Какое дело ему до этих «ковбоев», прозванных так Андреем за вечно побитый и потрепанный вид. И какое дело им до него? Каждый занят своими проблемами... «Эти забулдыги, наверняка, у себя дома, а что буду делать я, оставшись без копейки, не имея возможности даже приобрести билет назад? Что буду делать я? – с тревогой размышлял Андрей, – и не постигнет ли меня участь этих лихих парней?» В постепенно хмелеющей голове мысли уносились в прошлое, заставляя вновь и вновь проходить витиеватый путь, называющийся жизнью, забросившей его в этот экзотический край.

... – «Андрюша! Не пожалей ребенку на хлеб, позолоти ручку, а я тебе за это судьбу нагадаю», – пришла почему-то на память давняя, еще в ранней юности, встреча с цыганкой. Очень тогда удивился Андрей, как цыганка могла угадать его имя? По этой причине остановился, «позолотил ручку», присовокупив к мелочи сначала синюю, а потом и красную купюры, быстро исчезнувшие в проворных руках цыганки. Последняя категорично заверила, что деньги она вернет, просто купюры необходимы для ее магического ритуала. Попавший под чары Андрей уже плохо соображал, он был готов отдать больше, но, к счастью, в карманах ничего не осталось. Убедившись, что клиент хлопает себя по пустым карманам, цыганка выпалила: «Андрюша, бабы тебя любить крепко будут! Целовать, обнимать крепко будут! О деньгах не жалея... Что нагадала – правда будет!»

Вот и нагадала... Вскоре Андрей женился. По любви, как положено, с жаркими поцелуями, со страстными объятиями, и не было ему дела ни до каких прочих баб... Но, впрочем, как говорится, без «но» редко что-либо обходится. В том же году Пономарев Андрей сдал экзамены и поступил в художественное училище, наконец осуществив мечту, к которой стремился все свои сознательные годы. А там... Дневное отделение... Красивые, раскрепощенные студентки... богема... И понесло Андрюшу от одной гавани к другой, от одного причала к другому: «Эх, цыганка, цыганка...» Прокуролесил Андрей все четыре студенческих года, влюблялся, расставался в силу определенных обстоятельств, снова влюблялся и снова расставался, пока не зацепила его «нелегкая», как оказалось, аж на целых двенадцать лет.

Когда они встретились, Диане было восемнадцать, а ему тридцать один. Она была студенткой, а он теперь уже Андреем Николаевичем, преподавателем того самого училища, принятым на работу по окончании художественного вуза. Дирекция неоднократно «прорабатывала» его, указывая на недопустимые отношения педагога и студентки. В итоге предложили уволиться по собственному желанию от греха подальше. По поводу работы Пономарев не переживал, на тот момент имя его уже имело вес в художественной среде. Как он и предполагал, работа сама нашла его. Получив приглашение на работу в рекламное агентство, он стал заниматься рекламой, витринами, наружным оформлением, разработкой брендов. Не оставлял и сотрудничество с издательствами. В общем, деньги зарабатывал приличные. Хватало на все: и на семью, и на личные нужды. Свободное время проводил весело, устраивали вечеринки с девочками, с водочкой, а то и просто просиживали за игрой в карты. Как не крути, Андрей не был однолюбом – всегда параллельно жене, любовнице, находился еще кто-нибудь... Это придавало остроту жизни. Как только ему ни приходилось изворачиваться, чтобы не быть избалованным женой и любовницей

в возникавших то и дело мелких интрижках. Приходилось врать беспробудно и каждый раз все более изощренно, порой ложь сводилась к абсурду. В итоге объяснения, какими бы они нелепыми не были, всех устраивали. Кто верил, кто делал вид, что верил, и все шло своим чередом. Пономарева бросало по этим жизненным ухабам то вправо, то влево, то вверх, то вниз, а случалось и по диагонали – юзом... Но Андрей держался лихо на взнузданной однажды «кобылице», уверовав, что это его судьба, и лишь сильнее встал в нее плотью и мчался, мчался, помня напутственные слова цыганки...

– ...Братуха! Дай штуку, денег на бухло, понимаешь, с приятелями не хватает... – раздался голос, сопровождаемый постукиванием по плечу, прервавший экскурс Андрея в прошлое.

– Каждому будешь давать, штаны не успеешь снимать, – глядя в оплывшую физиономию просителя, яростно отрезал Андрей. Отвернулся и отхлебнул из своей кружки, давая понять, что разговор окончен.

От одного из столиков отделились две фигуры. Одна невысокая, в ковбойке, со сморщенным лицом, напоминавшим сухофрукт, другая – высокая и широкая, с распутившим крылья кондором на черной майке. Вид второго не производил впечатления алкоголика, скорее находящегося в запое человека, пившего несколько дней кряду. Крупные габариты, толстая шея с круглой физиономией, словом, типаж, именуемый в народе шайбой. Подойдя к столику Андрея, оба устроились напротив, проситель на всякий случай переместился под крыло верзилы.

– Че за базар, братэлла? – разнузданно начал верзила.

– Не уважает... с гонором! Я ему, мол, одолжи, а он того, оскорбляет... – с ехидностью Табаки взвизгивал проситель в ухо верзилы.

– Пацанов моих обижаешь, падла, да я... тя... ша... здесь урою!

– Мужики, валили бы вы своей дорогой, – подтянув кружку ближе к себе, Андрей стиснул ее ручку.

– Ты че... нервный или слишком крутой? – осекся детина, следя за рукой Андрея. – Откуда ты такой борзый?

– Я из Ташкента, слыхал, поди? – не столько отвечая на вопрос, сколько выражая решимость постоять за себя до конца, отчеканил Андрей, акцентируя на слове Ташкент. – Есть претензии?

– А там, что у вас, все такие крутые? – явно невпопад, растерявшись, спросил верзила.

Пацанва перекидывала взгляд с одного на другого, недоумевая, почему их заступник вдался в какие-то ненужные дебаты: «В лоб без лишних разговоров, а если что, так они подсобят...»

– Через одного! – видя, что противник в смятении, Андрей, тем временем, быстро закреплялся на отвоеванных рубежах. Его натиск все-таки произвел впечатление на троицу. Лицо верзилы преобразилось, в его взгляде исчезла решительность. От нахальства и надменности не осталось и следа. Он не знал, как выйти из сложившегося положения.

– Ладно, братэлла, – с напускной серьезностью, дабы не допустить мысли у окружающих, что он струсил, продолжил: – Не горячись, вишь, мы здесь отдыхаем. Ну, иногда колем залетных лохов, а ты, смотрю, парень ничего, можешь за себя постоять. Держи краба...

Андрей понимал, что в чужом городе, а теперь уже и в чужом государстве ему не вполне улыбалась подобная ситуация. И ее исхода не мог предположить никто. Балансируя между опасностью и чувством чести, не видя для себя в предложенном компромиссе ничего унижительного, он пожал протянутую верзилой руку. Инцидент был исчерпан. Андрей взглянул на часы, близилось время связи с Сочи, надо было спешить...

III

Утром следующего дня за завтраком Юра Ягода познакомил Родиона еще с двумя квартирантами – членами команды. Это были молодые ребята. Один, коренастый блондин с круглым лицом лет двадцати двух, именовался Василем, второй, лет двадцати, высокий сухошавый юноша с «ежиком» темно русых волос, представился Алексеем. Юра вкратце объяснил Родиону настоящее положение вещей – работа, ради которой его вызывали, находилась пока в стадии организации. Да они и сами, мол, временно вынуждены

бездельничать, перебиваясь мелкими сторонними халтурками. Также он сообщил, что в Адлере изнывает в ожидании работы еще один их коллега – художник-дизайнер из Ташкента.

– А нам-то что сейчас делать?! – возмущенно воскликнул Родион.

– Ничего, – умиротворенно пропел Ягода, демонстрируя тем самым, что он не господин бог и сам пока находится во власти обстоятельств. – Вот ребята знают, как пройти через зону пансионата к морю, там у нас уже свои завязки. Отдыхайте, загорайте, пейте пиво, кому позволяет карман. В общем, проводите время по своему усмотрению. Вы же в курортном городе, редко кому выпадает такая удача. Так наслаждайтесь! – не без иронии молвил Юра.

Весь день Родион прожарился на пляже под лучами июльского солнца в обществе своих новых знакомых. Как водится, на правах хозяев парни угощали его пивом, заблаговременно по дороге наполнив небольшую пластмассовую канистру из бочки у Натана. Рассказывали о себе, о том, как очутились здесь. Василий из Донецкой области, а Алексей из Узбекистана, из Чиназа. Познакомились друг с другом в Харькове, когда поступали в политехнический – не поступили. Вот Алексей и уговорил Василю рвануть к родственнику в Сочи. Алексей сообщил, что учредителем фирмы, через посредничество которой они будут работать, является его дядя, как и он, Алексей Волков.

– Да-а-а, только он настоящий «волчара», сволочь, хоть и родственник. В Чиназе рыбный бизнес держал. Полгода назад перебрался в Сочи. Теперь подтягивает таких, как мы, чтобы греть свои «волосатые лапы» на чужой нужде, – Алексей все более распалялся. – Он и меня вызвал сюда по «родственному», чтобы на паях запустить чипсовую линию, обещал хороший процент от дохода. Ну, а когда линия заработала, затянул свою волчью песню. Так что доходы от реализации в обозримом будущем не светят. Я тогда долго не думая... – Алексей на мгновение запнулся, потом добавил: – В общем, сгорела, она, эта линия. Не веришь? Спроси Василю...

Василий утвердительно кивнул головой.

...Юра за весь день так и не показался. Утомленная солнцем и разморившаяся от пива компания возвратилась к месту дислокации. На квартире их уже ожидали Юра с Андреем.

– Вы простите меня, бога ради, ребята, – быстро, по-крольчачьи двигая губами, начал Юра, – нужно было встретить Андрея, а потом уже было поздно, так что не обессудьте. – Он позначкомил Родиона с Андреем.

При рукопожатии, глядя в глаза Родиона и отмечая на лице печать пережитого, пострадавшего, Андрей ощутил пробежавший по нервам импульс. Он вдруг подумал, что не случайно судьба свела его с этим человеком.

На следующий день команда уже из пяти человек «вялилась» под лучами черноморского солнца, не зная, куда себя деть от вынужденного безделья. Обжигаясь о раскаленные булыжники пляжа, глядя на до чертиков надоевшую лазурную гладь, каждый раз надеясь на следующий день, они с покорностью обреченных коротали день текущий...

Наконец, Ягода объявил о начале работы в детском саду.

– В общем, работа предстоит разная: покраска полов, шпаклевка, побелка стен, плотничьи работы – двери, шпингалеты и прочее. Распределяйтесь по своему усмотрению, – Юра выдержал небольшую паузу, надменно окинув взглядом приободравшуюся команду. – На время ремонта сад детей не принимает, заведующая предоставляет нам полный пансион: проживание и питание! Так что, сейчас же перебираемся, размещаемся и приступаем к работе.

Родион занялся плотничьими работами, Андрей попросился к нему в напарники. Василий с Алексеем принялись за стены. Ну, а Юра, пользуясь привилегией шефа, красил валяком пол, где плинтуса уже были покрашены ребятами.

Угадав среди работников начальника, как-то к Юре подошел хозяин соседнего кафе. Попросил, разумеется, за вознаграждение изготовить вывеску. Ягода быстро сориентировался: Василю с Алексеем отправил погулять, а Родиону подsunул лист фанеры, чтобы тот вырезал эллипс – основу будущей рекламы. Задачей Пономарева было расписать вывеску красками. Ну, а за собой Ягода оставил авторский надзор. За несколько часов работа была завершена. Пока Родион возился с монтажом, Ягода разыскал хозяина и уже наваливал только что изготовленную вывеску. Хозяин одобительно кивал головой. Затем они вместе скрылись в кафе. Выйдя, Юра вручил Нишанову несколько купюр.

Отсекая всякие вопросы по поводу суммы вознаграждения, бросил скороговоркой:

– Это за твою часть работы. Я считаю вполне достаточно. Что можешь даже пойти выпить сегодня. Только к нам не вяжись, у нас с Андреем дела.

– Как скажешь, шеф, – не скрывал иронии Родион.

Ягода отмахнулся от Родиона, мотнул головой Пономареву и повлек его за собой.

– Идем, здесь неподалеку есть довольно уютный погребок. Зайдем, посидим, попьем пивка с рыбой. Я угошаю – не переживай. Я же знаю, как тебе сейчас нужны деньги. К тебе, как я слышал, кто-то там приезжает. Дама! Романтика... Вот двадцать тысяч за вывеску, твоя доля, – он сунул Андрею деньги.

– И не хрена им обижаться, – выговаривал слегка захмелевший Ягода. – Никакой уравниловки не будет, это как пить дать. Вот Нишанов сейчас меня наверняка порицает. Мол, исключил часть людей из работы. А скажи на милость, какого черта сгрудились бы мы все над этим куском фанеры? Только бы мешали друг другу. А денежки, будь любезен – поровну. Что, я не прав? Да каждый, кто при деле, рад такому раскладу, только молчит, строит из себя благородного. Ты-то как считаешь? Что, тебе лишняя копейка не нужна?

Пономарев неторопливо потянул из кружки, переваривая слова Ягоды. Изрядно отпив, оставил кружку:

– Разумеется, денег хочется всем, и чем больше, тем лучше. Я тоже не исключение. Мы же сейчас одна команда, и всем хочется жить. В любом случае можно распределить работу так, чтобы каждый принял в ней участие. Если на то пошло, я один в состоянии от начала до конца исполнить эту вывеску. Значит, подойди первым заказчик ко мне, я мог бы взгрзнуть в эту «кость» и никого не подпускать. Рви на себя каждый! Нет, ты не прав, Юра. Негоже на чужих костях в рай везжать.

– Спасибо, Пономарев, умыл. Сегодня по-любому – была бы вывеска, или нет – я собирался с тобой посидеть.

– Чем обязан? – спросил Пономарев, не замечавший ранее, чтобы Ягода стремился к его обществу.

– Мы с тобой оба художники, – продолжал он, – и нам как-то нужно плотнее держаться друг друга. «Затянул... в одиночестве боится остаться, плечо ишет, – пронеслось в голове Андрея. – Наслышан я о твоём «творчестве», наслышан, благо ребята прояснили».

Пономарев вручил Ягоде деньги.

– Я привык платить за себя сам. Не люблю быть кому-то чем-то обязанным.

– Как знаешь, – приняв купюры, пожал плечами Ягода. – У меня тоже свой принцип: «Дают – бери, бьют – беги».

IV

Проснувшись, Диана еще некоторое время понежилась в постели. Сквозь жалюзи на окнах в комнату спальни пробивалось утреннее солнце. Тело было преисполнено истомы и неги, разливающаяся по всей плоти умиротворенность оказывала какое-то благотворное влияние на мысли, которые лениво, находясь еще в состоянии полудремы, пытались проникнуть в причину этой удивительной эйфории. А все объяснялось более чем прозаично. Диана поймала себя на ощущении полной свободы. Теперь не нужно было принуждать себя, отвечая на домогательства нелюбимого мужчины, вставать по утрам, готовить ему завтрак, а потом молить бога, чтобы он как можно позднее возвращался домой. Идти на всякого рода ухищрения, чтобы как можно реже делить с ним ложе и выслушивать бесконечные притязания. Отъезд Андрея освободил ее от неприятных обязанностей. Теперь ей не нужно было притворяться, она вновь могла быть сама собой и не давать никому отчета в своих действиях.

День начинался замечательно. Покормив дочь – шестилетнюю Лолиту – и позавтракав сама, Диана наказала ей слушаться бабулю, нанесла легкий макияж и, пошеलोвав ребенка, скрылась за входной дверью. Чуть вздернув бровь, придав лицу выражение таинственности, она с достоинством, слегка покачивая бедрами, как лодочка при мелкой волне, гордо дефилировала по улице. Под легкой облегающей майкой рельефно обозначалась упругая грудь. В свои тридцать два года она была еще очень привлекательной. Русые волосы, гладко убранные назад, высокий, правильной формы лоб с дугообразными бровями, большие, глубокие, искрящиеся лазурным свечением глаза, прямой нос... Над верхней

чуть вздернутой губой едва-едва приметный шелковистый пушок, свидетельствующий о ее темпераментной натуре.

Диана позвонила в дверь своей подруги. На пороге появилась жгучая армянка с крупным типично армянским носом, с черными навывкате глазами, что придавало ей сходство с самой популярной домашней птицей. Марина впустила подругу, проводила в зал, усадила ее в кресло за столик для десерта.

– Извини, конечно, что к кофе ничего нет, – смущенно сказала хозяйка, ставя чашки на столик, – ты же сама знаешь – я здесь практически не живу. Наведываюсь в субботу или воскресенье смахнуть пыль, вымыть полы. Ну и, сама понимаешь, встретиться с кем, я ведь девушка свободная, не замужняя... – лукаво блеснула глазами Марина. – Вот и с тобой можем поболтать, никто не помешает. Кстати, как твой, отпустил спокойно? Возпросов не задавал: куда в выходной?

– О-о-о! – нарочито театрально протянула Диана. – Так я его и спросила, кто он мне? Да к тому же, укатил он вчера вечером.

– Как укатил... Куда?

– На заработки в Сочи. Пускай потрудится. Чтобы обладать такой дамой, как я, нужно очень и очень стараться. А я... я посмотрю... – не без сарказма заметила Диана.

– Не понимаю, – закухала Марина, – ведь ты же его так любила. Куда все это делось?

– А ты как будто не знаешь! Живя с женой и со мной, он гулял направо и налево. Я с ребенком в больнице, а он спутался с этой страшной коровой. Меня после этого будто холодной обдали. Оборвалось у меня все, увидела я его истинную личину. А он, поняв, что все кончено, прихватил свои пожитки – и ко мне: «У нас, – говорит, – с тобой ребеночек». Только позано. Он, как побитая собачонка, все чего-то выжидает. Пусть ждет, как ждала я... – отольются кошечьи слезки... – с какой-то недоброй таинственностью в голосе закончила Диана.

– Так что ж, все время, пока Андрей живет у тебя, он терпит к себе такое отношение? Я, как поняла, и секс там для него по большим праздникам? Не могу поверить, он такая своенравная натура, странно...

– Судя по тому, что иногда он не приходит ночевать, я полагаю, что он как-то заполняет эти пробелы.

– Ну, а как же ты?

– Я? А что я? – Диана поднялась с кресла, слегка потянулась и, томно прикрыв глаза, вскользь провела ладонями по своей груди. – Я тоже стараюсь не упустить отпущенный мне срок.

– И давно ты так? А кто он? Интересно, я знаю? – глядя снизу вверх на подругу, окружив свои птичьи глаза, зачастила Марина.

– Да, знаешь, знаешь! – снова усевшись в кресло и жеманно жестикулируя рукой, отвечала Диана. – Ризо! Вот только не знаю точно, осетин он или абхазец? Да кабак у них тут рядом с нашим рекламным агентством...

– «Дигория»! Что борцовская мафия крышует?

– Да! Ризо из их команды.

– А-а, такой красивый, высокий?

– Познакомилась я с ним еще до того, как Андрей перебрался ко мне. Поначалу мы встречались у него на квартире, потом, когда приехала его жена, на квартирах его друзей, а то и вовсе в подсобке того же самого кабака.

– Ужас! И как ты умудрялась все это скрывать? А что, Андрей ни о чем не догадывался?

– Не знаю. Даже если бы и знал, это его проблемы. Угрызений совести и страха перед ним я не испытываю. Тем более Ризо заверил, если что – бока они ему намнут, мало не покажется. – После небольшой паузы, устремив бесстыжий взгляд своих красивых глаз на подругу, Диана продолжила, – ты же знаешь, дома у меня мама, дочка... У меня к тебе огромная просьба – одолжи на время ключи от своей квартиры...

– Ты что? – мгновенно отреагировала Марина. – Ты хочешь мой дом превратить в бордель? Ну, тебя! – махнула она рукой. Затем, помолчав, добавила: – Ох, и везет же тебе, подруга, на «женатиков»! Ладно, дам я тебе ключи. Только смотри, чтобы после вас был полный порядок и чистота. И чтобы не вошло в привычку.

– Да что ты, я на днях уезжаю в Сочи. Это так, напоследок. Спасибо, я знала, что ты не откажешь, – Диана поцеловала Марину.

– Тебе сегодня?

– Конечно!

Хозяйка встала, подошла к шкафу, извлекла из секретера ключи и вручила Диане:

– Вот тебе дубликат. Пользуйся пока. Дверь я закрою своим ключом, к вашему приходу меня здесь не будет.

Через некоторое время Диана уже поднималась по ступенькам «Дигории». Войдя в кабинет, она увидела Ризо, сидящего за своим рабочим столом с телефонной трубкой в руке. Подойдя к столу с уверенностью хозяйки, Диана облокотилась о край, вожаделенно улыбаясь и не отводя взгляда, вперила в него бесстыжей синевою. В ее изящной ручке, со сложенными в виде американского ОК пальчиками, покачивались ключи...

V

Завершение ремонта в детсаду автоматически переходило в начало работ по адлерскому переговорному пункту. Юра Ягода, рассчитав бригаду, применив формулировку «от каждого по способностям – каждому по труду». Вывел коэффициент вклада труда каждого в общий котел, учел при этом начеты, штраф за всякого рода нарушения, не преминув поставить в пример свое безупречное отношение к делу... Чем, разумеется, заслуживал более высокого материального вознаграждения. Но эти мелочи особо никого не огорчили. Василий с Алексеем уже привыкли к тому, что при расчете их Гобсек не выпускал копейки из рук, не будучи уверенным, что она полностью отработана. Поэтому просто отмахивались. Что касается Андрея и Родиона, для них в тот момент более важным было осознавать, что вот они – первые российские денежки, заработанные своим трудом вдали от дома, – приятно похрустывали в кармане и вселяли надежду на лучшие времена. А Ягода – это временный, незначительный «изыан» на их нелегком пути.

По издавна заведенной традиции первые деньги требовалось обмыть. Так что предложение Родиона и Андрея выпить по этому поводу коллективом было принято единогласно. Вскоре в кафе «У Акиса» компания закусывала чебуреками, сдобряя их пенным бочковым пивом. На душе было спокойно. Несколько выпитых кружек притупили состояние тревоги и неопределенности. Представлялись иллюзорные картины грядущего... Как же мало порой надо человеку! Всего небольшой лучик, сверкнувший в темноте тоннеля, чтобы снова почувствовать себя удачливым и счастливым.

На следующий день команда перебазировалась в Адлер. Заместитель начальника узла связи – поджарый, сухощавый хохол, с седыми прядями волос в сивой шевелюре – представил четко, по-военному:

– Казаченко Николай Петрович! Ну-с, с вашим бригадиром мы уже знакомы, – он дружески похлопал Юру по плечу. Затем, крепко пожав всем руки, продолжил: – Я к вам приставлен руководством вроде как интендантом. Так что все вопросы по материалам, инструменту, быту – ко мне. Питаться можете в нашей столовой, правда, сразу скажу – не бесплатно, и никакого кредита. Ну, я полагаю, вы сюда не на курорт приехали, а заработать, поэтому понятно: должны быть экономными. На этот случай рядом рынок, берите продукты и готовьте сами, а посуду и электроплитку я вам найду. Конечно же, главное – жилье! Не далее как вчера мы посоветовались «наверху», – Казаченко ткнул пальцем в потолок, – и приняли решение, что жилье мы предоставим вам здесь – на переговорном. Правда, невесть какие хоромы, зато бесплатно. С вас лишь устное клятвенное заверение: «Не пить, не курить, баб не водить»!

Затем Николай Петрович ознакомил народ с объектом: огромный зал, в центре которого находился узел расчета, выполненный из стеклблока – модерн шестидесятых. Остальные стены по периметру занимали обшарпанные переговорные кабины. С потолка свисали старомодные светильники, серый пол в стиле «а-ля мозаика» зиял шербиными на стыках плит.

– Сам вижу, что мрачно, – промолвил Николай Петрович, глянув на постные физиономии своих спутников. – Так вас за тем и пригласили, чтобы, так сказать, создали интерьер, соответствующий времени. Выполненный вашим коллегой проект у нас имеется, – Казаченко взглянул на Ягоду. – Но он ни в коем случае не должен служить безоговорочным руководством к действию. Проект – картинка, а мы с вами поставлены в реальные условия, и надо действовать, исходя из материалов на рынке. Так что поле для воплощения

ваших творческих замыслов огромное, творите, так сказать. Предложения, разумеется, будем разбирать коллегиально, и если они приемлемы, будем воплощать.

Все закивали головами.

Ознакомив присутствующих с проектом, Николай Петрович показал комнату для проживания – помещение, некогда служившее душевой. Теперь перегородки были убраны, а о душевой напоминали только кафельный пол и стены, да небольшие окошечки под потолком. Пожелав всего наилучшего, Казаченко распрощался. Весь остаток дня мужики занимались обустройством своего жилища. Аккуратно складировали завезенные материалы, максимально высвобождая пространство для проживания, поскольку тут же должны были разместиться спальня, кухня и столовая...

– «Баб не водить!» – передразнил Родион Казаченко. – А куда их тут водить-то? В этот гадюшник, что ли?

...Утром следующего дня бригада приступила к демонтажу старого оборудования. Работа не требовала особого умственного напряжения, скорее наоборот – полностью высвобождала голову, создавая благоприятные условия для сторонних мыслей. Думы Андрея то мчались вперед, то возвращались назад... Нужно было до приезда Дианы определиться с жильем, снять в Сочи недорогую, но сносную квартиру. Мысленно он уже представлял, как после трудового дня будет возвращаться, пусть во временный, но дом, где его будут ждать дочь и любимая женщина... Очень хотелось надеяться, что здесь, в России, оставив далеко-далеко прошлую жизнь, они наладят взаимоотношения. Вновь без фальши зазвучит инструмент любви, настроенный их обоюдными усилиями. Сама обстановка должна способствовать этому. Теперь они одни. Одни в этом безбрежном людском океане. Одни? А как же те, которые остались там?.. Ведь они тоже одни... Сердце Андрея пронзило остриё. А как же они?

Художник очень живо представил: комната, приглушенный свет лампы, детская кроватка-качалка, в которой маленькая кроха тянет к матери ручонки, путаясь в ее свисающих волосах. Чему-то улыбается, дрыгает ножками, пытаясь что-то сказать маме, очевидно, что-то очень важное: «Угу... угу... угу...». Улыбается маленький человечек, улыбается... не ведая пока, на что обрек его родной отец... Мать нежно поглаживает головку сына, утопая пальцами в шелковистом пушке, губы беспрерывно касаются лица малышки. Всё перемешалось в этих поцелуях: и радость, и отчаяние, и невыносимая боль разлуки, и страшная неведомость грядущего. Поцелуи, улыбки и слезы слились в чувствах любящей и покинутой женщины... И на всё это лишь безответные вопросы: «За что? Как? Почему?..»

Мысленно предстала перед глазами кроткая, грустная старшая дочь – студентка первого курса художественного колледжа. Как она там? Одна в круговерти раскрепощенной, бесшабашной жизни именитых отпрысков. Как выстоять, не поддаваться соблазнам кажущейся беззаботной и красивой жизни? Не привил отец иммунитет стойкости, не научил изворотливости на перипетиях взрослой самостоятельной жизни, а подло бросил, оставил в момент, когда она больше всего нуждалась в нем. – «Чего ради? Ради большой и страстной любви? Чего ради? – бичевал себя Андрей. – Ради женщины, помыкающей его чувствами? Ради совместной дочери? Так, чего же ради?» Он запутался, не видя выхода. Что же важнее? Любящая жена, дочь, маленький сын... Или же желание склонить к любви утратившую к нему интерес женщину, у которой тоже от него ребенок?

VI

– Это что? – не без иронии хихикнул Алексей, показывая головой на раскладушку, где, раскинув руки, как обвисшие крылья Икара, лицом в подушку распластался Родион Нишанов. Рядом с постелью на полу стояла наполовину опустошенная бутылка вина. Родион зашевелился, издавая невообразимый треск каждой пружины раскладушки. Подперев голову рукой, обвел комнату мутными покрасневшими глазами. Уставился на прибывшего.

– А... это вы, салаги... а че так поздно? – плохо владея языком, выдавал Родион. Затем пошарил под кроватью, нашупал бутылку, поднес к губам, громко булькая, проглотил остаток содержимого. Снова со скрипом повернулся на живот и затих.

– Запой это. Вот что это, – глядя на Алексея, констатировал Ягода.

Тяжело после выходного дня, будто переваливая жернова, рабочий день входил в свое

русло. Монотонный металлический голос оператора раздавался под сводами переговорного пункта: «Третья кабина – Москва, пройдите в третью кабину», «Нижевартовск – пятая кабина». Один Ягода как всегда неумоимо метался по залу. Его можно было увидеть наверху под потолком с чашкой шпательки или внизу, прилаживающим декоративную планку, то вдруг с линейкой на полу, производящим какие-то замеры и сосредоточенно записывающим цифры. Он успевал отреагировать на всякий посторонний звук: дзырканет ли дрель, получившая свободу, сорвав головку ненавистному шурупу, цокнет ли стекло, отклонившееся от заданного стеклорезом направления... Юра тут как тут: «Что, сорвал?», «Что, запорол?». Вот и теперь, глядя через плечо Пономарева на медленно погружающийся в бетонную стену бур победитового сверла, он не скупился на замечания и наставления:

– Андрей, очень медленно работаешь, пока ты сверлишь одно отверстие, я уже бы пять насверлил.

Незадолго до обеда появился Родион со следами ночного возлияния на физиономии. Нацепив на лицо идиотскую улыбку, он подошел к Алексею, поздоровался. Василий в это время кашеварил на кухне. Затем все с той же улыбкой подошел к Андрею.

– По-но-ма-рев! Андрюха! Брось ты эту гребаную дрель, – обесточив инструмент, продолжил, – пойдем лучше покурим...

Андрея всегда раздражало присутствие рядом с ним человека, пребывающего в неадекватном состоянии, бестолковая болтовня, нелепость поведения, мнимая вседозволенность, так сказать, кураж.

Выдернув шнур из рук Нишанова, он шикнул.

– Родя, иди, скройся куда-нибудь, не маячь перед глазами, – и с удвоенной энергией навалился на дрель.

С высоты козел за ними наблюдал зоркий глаз Юры.

– Нишанов! Слушай, не мешай людям работать, – раздраженно выкрикнул он. – Не шарахайся, иди, уgomонись уже...

Родион медленно поднял голову вверх. Встретившись взглядом с Ягодой, деланно низко раскланялся.

– Есть, босс! – взяв руку под козырек, ответил он и желчно прошипел: – Да пошли вы все... – развернулся, слегка качнувшись при этом, и направился к выходу.

– Ну, как идут дела? Стойку для ресепшена, я смотрю, еще не начинали?

– Так ведь, до нее еще очередь не дошла, подиум закончим, тогда и начнем.

– А где ваш Родион? Он обещал накидать эскиз для моих домашних антресолей. Сделал – нет? Где он? – Николай Петрович, неспешно передвигаясь, стал пристальнее вглядываться в зал.

Тут показался Нишанов с плеером на груди и в наушниках с высоко поднятым ободком. Свет падал на контражур, и создавалось впечатление, что вместо головы, на плечах его был чайник. Юра сделал несколько коротких отмашек рукой, давая понять, что ему необходимо немедленно смыться. Однако, чайник, не замечая сигналов, растопырив руки, продолжал сосредоточенное движение к какой-то своей определенной цели. Казаченко, заметив Родиона, как завороченный, не пророня ни звука, наблюдал за его перемещением. Нишанов, дойдя до штабеля с фанерой, жестко на нее приземлился. Николай Петрович подошел к Родиону, наклонившись, похлопал по плечу:

– Ты что, отец родной... – к удивлению окружающих, тепло по-отечески спросил он, – что случилось?

Родион поднял затуманенные глаза. Как из бездонного колодца, взирая на Казаченко его глубокая тоска.

– Да оставьте вы меня в покое... Пошли вы все куда...

– Эй! Ты что разошелся? Ты хоть фильтруй, с кем говоришь, – зачастил подоспевший Юра, тряхнув Родиона так, что наушники слетели с его головы и брякнулись на фанеру. Из наушников, с надрывом хрипя, рвался наружу голос Шевчука: «...Осень, осень в небе, жгут корабли, осень, осень мне бы, прочь от земли...»

– Оставь его, – без намека на обиду спокойно сказал Николай Петрович. – Оставь, он сам выйдет из этого состояния, когда переболеет. Сейчас он все равно никого не слышит, хоть и без наушников. Оставьте, не приглядывайте, чтобы чего не наломал, – затем, окинув всех взглядом, многозначительно погрозил...

На два дня Родион выпал из обихода трудовых будней. Пришел он в себя лишь в ночь со вторника на среду, когда совсем доканала бессонница, а алкоголь не приносил забвения. Промучившись в тщетной попытке уснуть, он высвободился из гнетущего плена постели. Умылся, оделся в рабочую одежду и отправился в зал, чтобы, затянувшись натошак сигаретой, восстановить в памяти путь от начала до настоящего момента и продолжить заброшенную работу.

В девять утра бригада в полном составе мазала, сверлила, пилила, как шахтеры в забое, с ожесточением вгрызаясь в интерьер. Августовская жара мокрыми пятнами выступала на спинах. Родион, все еще немного поникший, чаще других прикладывался к баклажке с водой, обливаясь потом, заливал похмельное пламя, бушующее в недрах. Нахохлившись, работал, продолжая корить себя за допущенный срыв. Ведь никакие нотации, нравоучения, от кого бы они ни исходили, не идут ни в какое сравнение с самобичеванием, когда человек сдирает струпы с только ему ведомых ран и лупит по ним кровоточащим. Чувство боли придает уверенность, надежду, что ты пока еще не совсем пропащий, можешь выкарабкаться и устоять.

VII

Договорившись накануне по телефону с таксистом Петром Мочильским, что в понедельник к шести часам вечера он подъедет на машине в аэропорт, Андрей за час до прибытия самолета уже слонялся там. Бесцельно обходя многочисленные коммерческие лотки, замирал, внимательно прислушиваясь к флегматичному голосу, периодически информирующему о ситуации на адлерских воздушных линиях. С самого утра он не мог на чем-либо сосредоточиться, все мысли крутились вокруг предстоящей встречи. Зная, что Ягода все равно не зачтет ему полный рабочий день, Андрей еле доработал до обеда. Махнул на все рукой и пошел приводить себя в порядок, чтобы во всем блеске предстать перед своей любимой.

На исходе шестого часа сообщили, что самолет произвел посадку, и Андрей с трепетом направился в зал ожидания.

Первой, с восторгом поглядывая по сторонам, появилась Лолита. За ней, исполненная достоинства и напускной строгости, vyšагивала Диана, изящно придерживая рукой катившийся следом чемоданчик. Лолита, заметив отца, раскинула руки и стремглав бросилась в его объятия. Андрей подхватил на руки дочь и поспешил к Диане. Взяв чемодан Дианы, он потянулся, чтобы поцеловать ее, Диана принужденно улыбнулась и подставила щеку. «Все то же самое...» – подумал Андрей, вскользя коснувшись губами ее щеки.

В такси Диана расположилась на переднем сидении, Андрей с Лолитой сели сзади. По дороге Лолита, тыча пальчиком в стекло автомобиля, сыпала бесконечными вопросами. Таксист с удовольствием объяснял ребенку интересовавшие его вещи, наверняка зная при этом, что его спутники исподволь внимают его повествованию. Поэтому словоохотливый хозяин не умолкал ни на минуту. Пономарев, осторожно касаясь плеча сидящей впереди Дианы, заискивающе обращал ее внимание на проплывающий мимо ландшафт, давая тем самым понять, какой экзотический рай так небрежно, между прочим (разумеется, благодаря исключительно своим деловым качествам) он презентовал любимой женщине. Диана понимала, что за это подношение придется платить, поэтому сдерживала восторг и не проявляла эмоций, хранила молчание, лишь иногда снисходительно вздергивая уголки губ.

– Ну вот, господа, и прибыли. Вот и Бытха... Выходим. Не забываем вещички, и вперед, вернее вверх, на третий этаж! Хозяйка уже ждет. Я, разумеется, с вами. Разве я могу на полпути оставить такое голубоглазое очарование, – Петр, широко улыбаясь, коснулся пальцем носика Лолиты – вот так-то, перелетная пташка.

Хозяйка Анна Ивановна приняла своих постояльцев запросто, как давних знакомых. Провела в небольшую, чисто прибранную комнату, вся мебель которой состояла из разложенного дивана-кровати, платяного шкафа, стола, покрытого скатертью, и пары венских стульев.

– Я думаю, вам здесь будет удобно. Единственно... – Анна Ивановна вскинула недвусмысленный кокетливый взгляд на Диану, – но я полагаю, с этим вы разберетесь сами. Я вам ссужу матрац. На ночь будете стелить его на пол, а кому где устраиваться – уж определитесь... –

она вновь с улыбкой повела глазами. – Андрюша, если захочется покурить, в твоём распоряжении лоджия или кухня, все равно. В общем, разберётся... Если дамам вечерами будет скучно, милости прошу ко мне в комнату, будем смотреть телек, слушать музыку. Ну, а теперь умываться, переодеваться и – к столу! Никаких возражений не принимаю. Вы устали с дороги и сегодня вы мои гости.

Андрей с Дианой поотнекивались приличия ради, но согласились.

Анна Ивановна потчевала борщом из свежей капусты со свининой, заправленным сметаной, фаршированными мясом блинчиками, салатом из помидор и угошала рубинового цвета наливкой, разливая содержимое прозрачного рифленого графинчика в хрустальные рюмки без ножек. Восторженно, ласково, нараспев говоря при этом:

– Не побрезгуйте, отведайте. Домашний ликерчик собственного приготовления...

Хозяйка предложила выпить за знакомство. Диана, пригубив немного, поставила рюмку на место. Пономарев без тени брезгливости залпом отправил содержимое в рот. Выпив, довольный, помотав головой из стороны в сторону, заключил:

– Ве-е-шь!..

Полшенная похвалой, узрев в Андрее истинного ценителя горячительного, Анна Ивановна глоточками опорожнила свою рюмку, не преминув при этом смачно крикнуть. Диана, как бы не замечая Андрея, пыталась расположить к себе хозяйку. Пономареву в принципе не было до этого никакого дела, бабья болтовня с эпизодами из личной жизни его не интересовала. Перешептываясь с дочерью, он помогал ей за столом. Анна Ивановна, увлеченная болтовней с Дианой, периодически подливала в рюмки себе и Андрею. Каждый раз при этом Пономарев ошущал на себе быстрый испепеляющий взгляд Дианы. Словоохотливая хозяйка поведала о том, что с первым мужем развелась, что от него у нее мальчик, который сейчас гостит у бабушки в Кудепсте, что вот уже второй год она живет с другим мужчиной, как это принято теперь называть, гражданским браком. Диана внимательно слушала хозяйку, иногда вставляя реплики – где нужно сочувствующие, а где и не лишённые сарказма. Хозяйка млея, найдя в лице Дианы понимающую, внимательную и сочувствующую собеседницу. Давно оставившие позади рубеж феминизации обе считали, что использовать противоположный пол нужно лишь во благо себе, ну-у... и позволять, может быть, иногда любить себя, но не более того. А расходовать на мужчин свои душевные силы – это уж просто верх безумства...

После чая, пока Анна Ивановна и Диана хлопотали с постелью, Андрей вышел на лоджию перекурить. В воздухе ощущалось дыхание гигантских легких невидимого моря. Шуршащие о берег накатывающие волны и вечерний бриз слились в неповторимую симфонию.

В какой-то шепелящей тоске сжималось сердце Андрея. Он явно скучал по дому, по его умиротворенности, ему хотелось шагнуть туда, где есть что-то родное, к чему его всегда нестерпимо тянет...

Андрей думает о женщине, находящейся здесь рядом и готовой подарить ему то блаженство, ради которого он пошел на подлость и предательство. Не в силах совладать с собой, он нервно, отрывисто докуривает сигарету и переступает порог... Порог, за которым ждет его райское наслаждение... Крадучись входит в комнату, чтобы не потревожить сон спящей дочери. В полумраке комнаты видит свою постель на полу, довольно просторную, но пустую.

IX

В черном, как смоль, море покачивались бесчисленные отражения электрической иллюминации. Плотным ультрамарином бархатного пледа побережье обволакивала опускавшаяся ночь. Несмотря на относительно поздний час, пляж и прилегающие к нему кафе были еще многолюдны. В одном из них сведенные волей судеб сотоварищи отмечали расставание. Теперь уже с иронией они вспоминали, как мятарствовали первое время, изнуряя тело под жаркими лучами солнца. Как редко, словно небесную благодать, могли себе позволить пиво из бочки у Натана. Хмелея, теряя объективность, радовались дню текущему, а теперь они как «белые люди» могут позволить себе приличное застолье...

– Пора, пора... Как ни приятно, господа, ваше общество, и как бы больно ни было расставаться с этим милым заведением, но всему, к сожалению, приходит конец. Вот и нам пора, – положив руку на плечо Василия, провозгласил Алексей. Затем пару раз легонько

хлопнул его и со свойственным ему словоблудием добавил: – «...Вставайте, Сен-Симон, нас ждут великие дела!»

Выпив, как водится, на посошок, «квартет» поклялся, что когда-нибудь они непременно встретятся. На том и решили. Простившись с друзьями, Алексей и Василий сели в автобус и умчались в Сочи. Пономарев, посчитав, что для поездки «домой» он не вполне трезв, решил заночевать на переговорном пункте, тем более, что на следующий день нужно было быть без опозданий на работе... Аргументация была одобрена Родионом. Проходя мимо белых столиков под зонтами выбежавшего на тротуар кафе, Пономарев остановился. Родион, догадавшийся о причине заминки, взглянул на друга и, опережая его предложение, пропел:

– Может, возьмем в комке «Анапу» и присядем во дворике?

– Нет, Родя, присядем здесь. Атмосфера переговорного пункта и вездесущий Ягода у меня уже вот где, – он сжал пальцами гортань.

Андрей заказал бутылку водки, пару бутылок пива, закуски из помидор и огурцов. Налил Родиону и себе по полной рюмке и, чокнувшись, опрокинул ее в недра своего чрева. Родион отхлебнул глоточек, поставил рюмку на стол, остерегаясь преступить грань, за которой наступает то безрассудство, последствия которого еще не успели изгладиться из памяти. Андрей наполнил себе вторую рюмку, тут же отправил ее вслед за первой. Родион, не проронив ни слова, исподлобья поглядывал на друга, зная, что всякое вмешательство будет бесполезным. Придет момент – выплеснется сам.

– Не любит она меня, понимаешь, не любит, – безо всякого вступления, наконец, выдал тот. Дополнил рюмку Родиона, наполнил свою. – Понимаешь, ничто: ни расставания, ни встречи, ни груды золота, никакие другие блага не могут реанимировать утраченные чувства... Можно притвориться, но полюбить вновь – никогда.

На немое предложение Андрея выпить Родион так же молча отказался, пригубив пива. Андрей вылил остатки водки в свою рюмку, обреченно взмахнул рукой и, демонстрируя тем самым безнадежность своего положения, опрокинул ее в рот. Глаза Андрея заволокла пелена, он терял ощущение реальности. В моменты проблеска сознания громко стал требовать такси. Родион пытался его урезонить, убеждая, что они находятся рядом с их пристанищем.

– Машину мне! – не унимался Пономарев, игнорируя доводы приятеля. – Машину, не желаю делать ни шага...

Взвизгнув тормозами, на тротуаре, почти у самых столиков, лихо припарковалась желтая «канарейка».

– Кто заказывал, а? – на фоне двух рядовых с «калашами» за плечами, постукивая резиновой дубинкой по ладони, со злорадной усмешкой вопрошал подошедший к столу сержант федеральной милиции. – Прошу, машина подана! Документы... Что, татарин, устался, ксиву покажь, а?

На Андрея снизошло некоторое просветление, он силится просунуть непослушную руку в карман, пытаясь извлечь оттуда регистрационное удостоверение. Родион тем временем развернул свои корочки и стал объяснять сержанту их status quo.

Сержанту, видимо, ни один из аргументов не показался убедительным. Ловким движением руки он конфисковал документ Нишанова, присовокупив к нему второй, к тому времени, наконец, извлеченный Пономаревым. Объединил их в нагрудном кармане своей униформы и дал знак своим гвардейцам. Пассивное сопротивление обескураженных выпивох нисколько не усложнило выполнения поставленной задачи. Отработанными приемами собутыльников «упаковали» в металлический кузов.

Пономарев очнулся только в вытрезвителе. Родиона рядом не было. Ему приказали раздеться до трусов. Пожилая тучная женщина в очках и белом халате попросила его выполнить несколько нехитрых упражнений: пройти по половице, сделать приседания... Затем Андрея провели по коридору и впустили в обшитую металлом дверь с врезанным в углублении смотровым глазком. Там уже было несколько обитателей. Кто-то спал, кто-то сидел, бурбя себе под нос только ему понятные доводы, как замкнутая в кольцо пленка на магнитофоне, повторяя одно и то же. Андрей добрался до свободной кушетки и распластался на холодной клеенке. Лишь где-то в глубине сознания спичкой чиркнула мысль о Родионе, чиркнула и погасла.

Очнулся он от того, что кто-то усиленно трепал его за плечо. Не осознавая всего происходящего, Андрей машинально ударил по назойливой руке.

– Ты что, падло, брыкаешься? – прогремело над ухом Андрея. Он тут же ощутил сильный удар по щеке, окончательно приведший его в сознание. Над ним нависла перекошенная злобой физиономия мента в погонах старшего лейтенанта:

– Ты что, курва эмигрантская! А ну, поднялся, я тебе покажу, как руками махать, – лейтенант снова замахнулся, но по какой-то лишь ему ведомой причине не осуществил угрозу, завернул руку Андрея назад и повлек к выходу. В «приемнике», переминаясь с ноги на ногу, стоял Родион. «Ну, слава богу, нашелся...» – мимоходом отметил Андрей. Ему вынесли одежду, и он молча оделся.

– Благодарю своего нерусского, не сдерживай своего слова, ох не позавидовал бы я тебе тогда... – сощурился, погрозил старлей Андрею. – Давайте, ноги в руки и... – отсюда, чтобы духу вашего...

– Что это он? – оказавшись на улице в зябкой черноте ночи, спросил Андрей. – Сначала навешал, потом отпустил. Что за дела, Родя?

– А ты что, ни хрена не помнишь?

– Хм... так я помню, раздевать стали... Только тебя-то я не усек.

– Правильно. Этот старлей из вытрезвителя видит, что я не пьяный, ну и в сторону. Что, говорит, будем делать, и на тебя пальцем. Дело будем заводить. Ну, я соображаю: на понт берет. Давай, говорит, протокол я заводить не стану, а ты, ежели в течение двух-трех часов обернешься, полтинник привезешь зеленую – я его отпущу. Ну, а если сбежишь, так твоему дружку лучше бы на свет не родиться... Конечно, я сделал вид, что очень испугался, хорошо, говорю, начальник, только денег таких у нас нет, не сердись, начальник, двадцать тысяч точно найду, а больше нет... На этом и сошлись. Этот, – Родион пару раз ткнул себя пальцами в плечо, где у старшего лейтенанта располагались звезды, – взял деньги, повеселел и пошел поднимать тебя лично.

– Да лучше бы он кого другого послал... влепил оплеуху за здорово живешь, будильник хренов.

– А ты накатался в такси... надеюсь вдоволь? Готовь «чирик», – не удержался от сарказма Родион, пожимая протянутую ладонь. – Накатался, давай теперь топать, дорога чая не близкая, эго, куда они нас завезли...

X

Диана отсутствие Андрея перенесла более чем спокойно. С дочерью прогулялись по привокзальной площади, прошлись по торговым рядам, заваленным всякой-всячиной, прошли к Ривьере, полюбовались на море, вдыхая неповторимый аромат, исходящий от него. У Дианы даже голова слегка кружилась. В эти минуты она была почти благодарна Андрею за возможность окунуться в самый настоящий экзотический рай. Лолита, забегающая вперед по разноцветным плиткам тротуара, разворачивалась и, раскинув ручки, устремлялась назад к маме, утопая в складках ее сарафана, струящегося по широким бедрам. Диана в это время бесстыже и похотливо думала о Ризо, материализуя мысли до реального осязания. В объятиях ребенка она ошущала его руки, в ласкающем ветерке – его страстные поцелуи, покрывающие каждую клеточку ее кожи...

Текущий день она решила посвятить более подробному исследованию Бытхи и заняться кое-какими домашними делами. Позавтракав, поделилась с Анной Ивановной о планах на день.

– А твой-то, что же, на ночь не приходил? – не удержалась от вопроса хозяйка. – Столько не виделись, и на тебе...

– Видать, заработался, – не скрывая равнодушия, отозвалась Диана.

– Мой, вон, ночью перескребся – спит... Хозяин! – Ивановна приснула в кулак. – Да я к чему тебе, девка... Ты уж в такой ночнушке, как сейчас на тебе, по утрам-то не расхаживай. Он у меня мужик блудливый, ты уж прости, как бы конфуза какого не вышло.

Диана мысленно посочувствовала женщине, пребывающей в преддверии надвигающейся старости и пытающейся мыслимыми и немислимыми средствами удержать подле себя мужчину, который, по всей видимости, чихал на нее с высокой колокольни. А она все суетится, пытаясь, насколько возможно дольше удержать свое сокровище. «Я-то уж точно до такого не опущусь».

Еще немного побродили, дивясь разномастной архитектуре: где-то сталинский ампи́р,

где-то хрущевские коробки, там-сям ютились павильончики и небольшие торговые палатки... Складывалось впечатление, что все эти строения, устремившись вниз, как бы случайно задержались на крутом склоне, на мгновение приостановившись, выбирали место, куда сделать следующий шаг. Наконец, вышли к относительно крупному магазину. Он встретил их большим торговым залом с прилавками по периметру, делящими павильон на несколько отделов. Посетителей почти не было: группка у «вино-водочного», два-три человека в «кондитерском» и один в «бакалее». На него Диана почему-то сразу обратила внимание. Рядом с ним на прилавке лежала пара объемных пакетов, из которых хворостом торчали макароны, и тут же было несколько решеток с куриными яйцами. Сам он держал за края холщовый мешочек, в который продавища совком засыпала какую-то крупу. «Хозяйственный, – подумала Диана, – наверное, семья большая, раз столько запасаешь...». Покупатель почувствовал на себе взгляд и обернулся. Диане предстало смугловатое, как бы за что-то извиняющееся приветливое лицо с кавказскими чертами. Безграничную доброту изучали его темно-карие глаза, обрамленные черными бархатными ресницами, которые зачаровывали и в которые хотелось смотреть не отрываясь. Глаза, сразу внушающие доверие и расположение. Он отставил мешок, подался в их сторону, улыбаясь и кивая головой в знак приветствия, рассыпался в комплиментах:

– Ва-ий... какие прекрасные неземные создания! Я не верю своим глазам... – говорил он мягким бархатистым голосом, чисто без акцента, немного нараспев.

– Кто же вы такие, спустившиеся с небес? Я раньше никогда вас здесь не встречал. – Он как-то особенно, не переходя грани приличия, присел на корточки возле Лолиты, взяв за подбородочек, и протянул ей чудом оказавшуюся в руке небольшую плитку шоколада. Затем перевел взгляд на Диану и уже более серьезно с неподдельным интересом спросил:

– А в самом деле, откуда? Отдыхать приехали, с мужем или одни?

Диана, не находя ничего предосудительного в его вопросах, избалованная вниманием мужчин к собственной персоне, ни капельки не смутилась:

– Да, с мужем. Только не отдыхать, а работать.

– Э-эй! Жива-а-а-а! А ну, забирай свой мешок, не мешай торговать, – перебивая Диану, раздался тягучий голос продавищи.

– Я извиняюсь, это меня, подождите секунду... – он без излишней суеты рассчитался с продавищей, взял покупки с прилавка и аккуратно разместил в стороне, через мгновение вновь устремившись к прекрасным незнакомкам.

– А вы, судя по количеству купленных продуктов, наверное, живете высоко в горах, в малодоступном ауле... В сакле предков с красавицей женой и кучей ребятишек. И, значит, периодические совершаете набеги на продовольственные магазины, – нарочито таинственным голосом, улыбаясь, пошутила Диана.

– Нет, что вы! Все гораздо проще... Ах, простите, забыл представиться, Дживан Нал-бедян, – он протянул Диане руку.

– Да я уж поняла по оклику продавищи, что это было не прозвище, – все так же улыбаясь, представилась Диана, а это моя доченька, Лолиточка, – она нежно погладила головку ребенка.

– Ва...ий, на вид вы такие европейские, а имена, простите за смелость предположения, чисто армянские, – Дживан искренне удивился.

– Да мы и есть армяшечки-замарашечки, – добавила Диана, вытирая платочком губы ребенка, перепачканные шоколадом. – У нас бабуля чистокровная армянка.

– Я безмерно рад нашему знакомству. Я тоже не из здешнего аула, а из Армении.

– Здесь подражаемся на разные работы, чтобы кормить оставленные на родине семьи. Нас тут постоянных человек двадцать – двадцать пять. Подходя к магазину, вы, наверное, обратили внимание на два больших недостроенных серых здания?

– Нет, а что?

– Они, правда, немного в стороне, за холмиком, поэтому вы просто могли их не заметить. Так вот – это наш объект. Я там вроде прораба, ну и по совместительству, как сами видите, за-вхоз: закупая продукты на всю многочисленную, как вы выразились, семью. Готовим по очереди, а там уж у кого как выйдет, трудновато без повара. У нас, правда, была одна повариха, так она готовила, прости господи, – Дживан перекрестился, – собаки бы кушать не стали. Да к тому же воровала несусветно, каналья. А указать ей на это как-то совесть не позволяла, ну мы ее и спровадили, – Дживан до смешного печально склонил набок голову и хлопнул ресницами.

«— Так вам чертовски повезло! — купая собеседника брызгами синих глаз, с некоторой надменностью в голосе воскликнула Диана. Так, машинально, не придавая особого значения своим словам и, уж тем более, не думая о серьезности их последствий. — Я неплохо готовлю... к тому же мне нужна работа на время моего пребывания здесь, — Диана без тени заискивающей просьбы, а наоборот, вызываяше буравила Дживана глазами, проверяя его мужское ухарство и кураж, готовность принять участие в судьбе явно понравившейся дамы.

«— Я сам хотел предложить вам эту работу, да не знал, как это сделать, чтобы ненароком не обидеть, — Дживан обезоруживающе широко раскрытыми глазами глядел на Диану. — Не говорите «нет». Пройдемте со мной на стройку. Здесь близко. Я вам покажу, что и как и, если понравится, договоримся...

«Диана приняла предложение Дживана, но, сославшись на занятость, согласилась встретиться позже.

Выйдя из магазина, Налбадян указал на расположение своей «епархии», назначил время и место встречи, выразив при этом глубокую надежду, что в назначенный час они обязательно встретятся. Поцеловал руку Диане, помахал Лолите, подхватил свои пакеты и, оглядываясь, направился к стройке.

В начале шестого Диана подходила к условленному месту. Она была одна, Лолита осталась на квартире под присмотром Анны Ивановны.

Дживан уже ждал. Завидев Диану, поспешил ей навстречу и, выразив крайнюю признательность, повел ее в свои владения, торопясь все показать на месте. Они подошли к настежь распахнутым воротам, за ними открывалась отвоєванная у сопки строительная площадка, на краю которой стояла одинокая сосна, как бы раздумывая, остаться здесь на краю или сломя голову устремиться вниз, к подножию кручи, где зелеными кушами толпились ее соплеменники. За сосною до самого горизонта простиралась лазурь безбрежного моря, чуть тронутая мелкими с белыми гребешками бурунами. Легкий бриз, лаская кожу прохладой и заигрывая, путался в волосах.

— Какая красота! — невольно воскликнула Диана.

Поощренный восторгом дамы Дживан осмелился взять ее под локоток, на миг приостановился, давая ей возможность налюбоваться открывшейся красотой. Насладившись видом, они повернули к плотно стоящим друг к другу домам, похожим на атлантов, сдерживающих теснение грудой нависших над ними строений. На территории было немногочисленно. Каждый был занят своим делом. Попадались лишь те, кто шел в подсобку за инструментом или материалом.

«— Так... а это, так сказать, ваше поле деятельности... — Дживан указал рукой на небольшую комнатку с электроплитой, холодильником, раковиной, небольшим кухонным столиком и ванной комнатой, приспособленной под кладовую.

— Ну, рацион у нас, разумеется, не ресторанный: утром чай со сливочным маслом и непременно по паре яиц. На обед: первое блюдо — суп или борщ, на второе какой-нибудь гарнир с мясом, ну а на ужин сосиски или колбаса — на ваше усмотрение. Возможна импровизация. В субботу о завтраке не беспокойтесь, в этот день, а вернее с ночи мы варим хаш. Воскресенье — выходной день. Я тут переговорил с народом, все согласны на первых порах определить вам зарплату в сто пятьдесят тысяч. И это еще не все, — языком рекламных зазывал вешал Налбадян. Вы можете всей семьей проживать здесь. Комнату мы вам выделим. За жилье, разумеется, платить не нужно, плюс бесплатное питание. Ну, как? — Дживан соколом взглянул на Диану.

Она, не выказывая особых эмоций, согласилась, при этом бесстыдно кривя душой сообщила, что последнее слово за супругом. Налбадян, обладавший не меньшей проницательностью в вопросах женской натуры, реально оценил, что являла собой Диана, и прекрасно понимал, что все зависит от решения этой своевольной женщины, а остальное — напускной фарс... Успешное завершение переговоров Дживан предложил скрепить ужином в одном из ближайших ресторанов. Диана, немного жеманясь, приняла предложение нового знакомого.

XI

В дверь позвонил Андрей. Немного смущаясь, он объяснил свое отсутствие, сославшись на уйму работы, которую именно вчера необходимо было закончить. Излишне упоминать, что Диану удовлетворяло любое объяснение. Ужин она подала в комнату, сама

от еды отказалась, сославшись на то, что недавно ела, умолчав при этом где и с кем. Пока Пономарев уписывал сосиски с гарниром из картофельного пюре, она как бы между прочим сообщила, что нашла для себя работу: поварихой на стройке, с возможным проживанием. Работодатель ждет ее решения. Так что теперь от нее зависит, как долго они будут оставаться на этой квартире.

– А как же я? Ты что же, меня списываешь?

– Ой, да успокойся. Ты как работал, так и будешь работать, и зачем тебе выматывать себя каждодневными поездками в Сочи, тем более, сам говоришь, что много работы, нарочито плохо скрывает недоверие к неуклюжей отмазке Андрея Диана. – Будешь приезжать несколько раз в неделю, когда работа позволит, – она недвусмысленно почесала себе пальчиком по горлу. Главное, что за жилье платить не надо, ну и питание, сам понимаешь, недешево обходится. Хотя из одежды что-нибудь купим, все пообносились, ходим как оборванцы, ты на себя-то посмотри!

Пономарев знал, что его возражения не в счет, и к тому же, зачем возражать – все логично и складывается как нельзя более кстати.

Рано утром Диана проводила Андрея и, еще не успев переодеть ночную рубашку, расположилась у раковины домыть посуду после завтрака. В кухне осторожно скрипнула дверь. Она не обратила на это внимания, решив, что хозяйка собирается готовить завтрак. Вдруг она ощутила ладонь на ягодице, вторая рука сдвинула грудь. Диана резко обернулась, круша страстные оковы. Высвободившись, увидела перед собой жалкое тшедушное существо – мужа Анны Ивановны, который, как рыба, зевал ртом.

Тело мужчины отлетело в угол и, скользя по стенке, осело на пол.

– Мразь... Благодарю свою жену, что носит с тобой, а то раскроила бы тебе череп чем попала, – прошипела она... Приподняла с плиты чугунную сковороду, демонстрируя твердость своего намерения, затем снова поставила ее на место и, злобно сверкая глазами, вышла из кухни.

Не желая травмировать хозяйку и помня ее предупреждения, Диана, словом не обмолвившись с Анной Ивановной об утреннем происшествии, доверительно сообщила ей о предстоящей работе, взяла ребенка и устремилась устраивать свои дела.

Вернувшись вечером на квартиру, Андрей не очень удивился отсутствию семьи. Часик полежал на диване, ожидая, что вот-вот появятся его девчата, не дождавшись, прошел на кухню. Хозяйка в обществе сожителя отмечала какое-то торжество. На столе, занимая почетное место, искрился графин с рубиновым напитком, в руках сотрапезников – наполненные хрустальные рюмочки, готовые ринуться навстречу друг другу.

Андрей извинился.

– Да не конфузся ты, – поставив рюмку на стол и повернув голову в сторону вошедшего, игриво провозгласила Анна Ивановна, – здесь все свои, это мой блудливый муж. – Она махнула рукой в сторону мужчины. – Давеча приبلудил... – затем представила их друг другу.

Мужчины пожали друг другу руки. «Хмырь», – подумал Андрей, заметив, как из-под ширмы принужденной улыбки сожителя просвечивали истинные чувства.

– Присаживайся, Андрюшенька, я мигом, – Анна Ивановна поставила прибор и наполнила рюмку.

– Да я собственно... хотел только справиться о своих... если вы в курсе...

– Да, Диана мне утром сказала, что, дескать, пошла устраиваться на работу... Наверное, кашеварит, скоро уж, должно, будут. Давай... все будет нормально... – и призывно подняла свою рюмку.

Пономарев долго засиживаться не стал, выпил три рюмки, закусил чем бог послал и, к великому удовольствию хмыря, утянулся в свою комнату. Не раздеваясь, завалился на диван в ожидании своих... Проснувшись от жажды, он огляделся, понял, что в комнате все еще один. Глянул на наручные часы – стрелки показывали начало седьмого: «Значит, не явилась, так, так...» Далее размышлять было некогда, нужно было спешить на работу. Он поднялся, выпил воды из-под крана, умылся, подобрал со стола какой-то ломоть и, отправив его в рот, вышел на улицу.

XII

Дживан встретил Диану как давнишнюю приятельницу. Разведя руки в стороны, расплылся радушной улыбкой, коснувшись губами ее щеки, весело взглянул на Лолиту и протянул ладонь. Затем, легонько охватив руками обеих, повлек внутрь здания.

– А вот ваше жилье, – толкнув входную дверь, восторженно воскликнул Дживан, пропуская гостей вперед.

Это была небольшая торцевая квартира, в боковое окно комнаты просматривались угол стоящего рядом здания и въезд на стройку. Много правее виднелась та самая одинокая сосна, застывшая на краю площадки, за которой дыбилась до самого горизонта синь Черного моря. Менее радужное впечатление производили неоштукатуренные серые стены помещения и пол, прикрытый островками побитого линолеума. Правда, впечатляла полутораспальная деревянная кровать с широким, выгнувшим упругую спину полосатым пружинным матрацем. В углу стоял сваренный из металлического прута столик со столешницей из древесностружечной плиты. Довершала убранство комнаты приставленная к стене табуретка.

Дживан, внимательно вглядывавшийся в лицо Дианы, пытаясь уловить ее настроение, не замечал восторга, который низвергал сам: то увлекая ее видами из окон, то пробуя на упругость матрац. Диана, вопреки худшим предположениям Дживана, скупно улыбнувшись, сказала:

– Конечно, это не «Гранд отель», но для стройки вполне сносно. Немного навести порядок, занавесить окна – и вполне можно жить.

– Занавесок нет, но есть обои, ими можно прикрыть стекла, я скажу Сурену, он сейчас все устроит...

– В таком случае, договорились, – Диана протянула руку.

На кухне Дживан отстранил Сурена от обязанностей стряпухи, поручив ему обустройство жилья Дианы. Сам с увязавшей за ним Лолитой отправился на обход.

Обследовав кухню с ее закромами, Диана вступила в нежданно-негаданно выпавшую должность. Наличие продуктов подсажало идею приготовления узбекского лагмана. Нужно было проявить свой кулинарный талант и покорить горных орлов, возможно, доселе невиданным блюдом.

Слава о новой поварихе быстро облетела немногочисленную стройку. Каждый, услышавший эту весть, торопился наведаться на кухню, и всякий по-своему свидетельствовал свое почтение. Кто-то лишь скосит глаз сквозь стекло в двери и робко пройдет мимо, кто-то приоткроет дверь и на гортанном наречии выразит приветствие. А кто-то, преимущественно из молодых и более ретивых, входил на кухню и рекомендовался, надеясь неизгладимо запечатлеть себя в памяти обаятельной женщины. Диана одинаково ровно относилась ко всем.

Вскоре, широко распахнув дверь, вбежала Лолита, увлекая за собой русоволосую девочку.

– Мама! Мама! Это Настенька! Она живет здесь на стройке, а приехала из другого города... Меня с ней сейчас познакомил дядя Дживан, – захлебывалась Лолита, подталкивая вперед новоиспеченную подругу.

– Вот и славно, вот и будет теперь у тебя подруга, – с улыбкой глядя на детей, приговаривала Диана. – Давайте, ребятки, мойте ручки. У меня как раз поспел чай, сейчас сделаю бутерброды с маслом и вместе почеевичаем...

– В-о-т вы где, кумушки. Я так и думала... – растягивая слова, в дверном проеме появилась женщина. – Набесились, значит, на койках напрыгались. Все вверх дном, и сюда...

– Софья Марковна, вернее просто Софья. Не многим, уж я думаю, старше вас. Я мама этой сорвиголови, – протягивая руку, представилась женщина.

– Я догадалась, присаживайтесь, угощу чайком, – приветливо ответила Диана.

– Да, ваша голубоглазая стрекоза уже все доложила: как зовут маму, папу, откуда приехали, про бабюлю, брата... целый ворох настрекотала. За чаек благодарствую, а то тут и словечком не с кем перекинуться – одно мужичье. Мой тоже, вон как эти, в холостяки записался. А мы с Настюхой – сиди вечерами, кукуй, благо, что ей в школу, так что скоро домой – работать, учиться. Наотдыхались уж, прости господи... Здесь бегайте! У дома! За ворота ни-ни, да по кроватям не прыгайте, не то обеим всыплю, – напутствовала Софья

устремившихся на улицу из-за стола детей. – Скучно ей одной здесь было, теперь повеселятся.

До того как в кастрюле забулькало, женщины о многом успели поведать друг другу.

...Комната Налбадянов располагалась рядом на первом этаже, недалеко от столовой. Здесь они жили с братом Арменом, который был старше на шестнадцать лет. Тем не менее, делами строительства занимался Дживан, тесно связанный с представителем местной диаспоры армян Сергеем Тер-Акопяном.

Старший Налбадян обеспечивал стройку электроэнергией, помимо основной работы, он размещал и обустраивал земляков, а также организовывал досуг...

Разбирая какие-то бухты электропровода, Армен терпеливо дождался, когда брат закрыл свой «гроссбух» и, откинувшись на спинку стула, облегченно вздохнул.

– А, Дживан... ара, – тут же тягуче, словно вынимая ложку из банки с медом, пропел он. – Время двенадцать – пора бы попробовать блюдо твоей ахчи...

– Да, да, идем, ты прав, уже время.

– Кенац ахчи! Как успехи, Дианочка? – войдя в кухню и широко улыбаясь, приветствовал Дживан хозяйку, представляя своего старшего брата. – О, это важная персона, он заведует всей хозяйственной частью и первый решил отведать твоей стряпни, возражений нет? – подмигнул он Диане, многозначительно подняв вверх указательный палец.

– Я поняла, что моя судьба теперь в руках этого господина, – подыгрывая братьям, отвечала Диана, выкладывая в тарелку длинные лагманные макароны и заливая их ароматным соусом с кусочками мяса. Приправив горку укропом, поставила перед Арменом, приспособившимся за кухонным столиком.

Армен втянул носом исходящее от блюда облако аромата и вожаделенно замычал. Затем, управившись со строптивой макарониной, норовившей соскользнуть с ложки, ловко зачерпнул подливу и отправил в рот. Диана молча взидала на дегустатора. Дживан, ожидая результата пробы, похрустывал салатом, выхватывая ломтики овощей рукой прямо из общей чашки. Армен широко осклабился, исторгая при этом неописуемую бурю восторга:

– Ай, ма-ла-дес, ахчи! Ай, ма-ла-дес... С самого Еревана ничего подобного не ел! Вот спасибо...

Диана немного смутилась, но тут же оправилась и предложила попробовать приправленную обнаруженной в холодильнике сметаной тертую морковь с чесноком, над которой она колдовала перед их приходом.

– Отголосок родины, так сказать экспромт, – пошутила она. Так состоялось ее первое кулинарное крещение.

Софья Марковна буквально насильно утянула Диану с Лолитой после ужина в свою квартиру, где было тепло и по-домашнему уютно. В комнатах был настлан паркет, правда еще не отциклеванный. Работал маленький телевизор, Лолита и Настя что-то шумно обсуждали у экрана. Женщины, устроившись на койке возле стола, вели непринужденную беседу, как бывает в таких случаях, перескакивая с одного на другое, затем, вновь возвращаясь к начатому, торопились поведать нечто важное и не упустить главного.

– О-о-о! Да нам уж пора, – засуетилась Диана.

– Но уж, куды это ты, милая, в ночь с ребенком. Э-э-э, лешак... – выругалась Софья на своем диалекте. – Михалыча отправим в твою квартиру. Нечего ему... там трезвее будет. Ты ляжешь со своей, а я с Настькой. Здесь и переночуем. Эко, удумала...

Девчонки тут же запрыгали и захлопали в ладошки.

Размешенные по постелям, набегавшиеся за день дети мгновенно уснули. Мамы же нет-нет перешептывались, вспоминая каждая свое.

– А этот Дживан, он как человек, нормальный? – вдруг шепотом спросила Диана. – И тут же, чтобы скрыть истинное значение вопроса, лукавя, добавила: – Я в смысле верить его обещаниям можно?

– Ой, милая, душевный человек, – также тихонько отозвалась Марковна. – А что посылит – все исполнит, как есть. Так что, не переживай, милая. О! Глупая я баба, а может, ты чего другое имела в виду? Так у него дома семья, дети... Это здесь они холостые, а так большей частью все семейные. А здесь разгуляй...

XIV

– Ой, господи! Подумаешь, не пришла ночевать, какая трагедия! У меня своя личная жизнь, которую за меня никто не устроит. Подумаешь, он переживал... А когда сам пропал, неведомо куда, а-а-а? Тебе можно было? Я-то хоть хозяйку предупредила, и к тому же не гулять пошла, а работать, – выпалила Диана на следующий день вечером с нотками агрессии на вопрос Андрея о ночном времяпровождении. – Нет, чтобы спасибо сказать, что лишняя обуза с плеч, так у него вопросы...

– Это естественно, ведь ты же с ребенком, мало ли что может случиться... – смягчая острые углы, примирительно прогундосил Андрей.

– Ладно, – видя эффект, произведенный речью, мягче продолжила Диана, – завтра утром сможешь перенести вещи, посмотришь, где мы обустроились, и на выходной уже приедешь туда. Пока армяне будут заниматься строительством, будем жить там. Или до времени, – Диана зыркнула на Андрея, – пока мы еще выносим друг друга. И не смотри ты так, я тебя к себе ни в мужья, ни в сожителя не звала. Твоим было решение попытаться наладить отношения, так терпи, если хочешь.

Андрей промолчал.

С рассветом все трое направились в новую жизнь...

Андрею в принципе «угол» понравился, тем более, что Диана, ссылаясь на слова Дживана, засвидетельствовала, что с постелью для Андрея вопрос решится, как только он надумает вселиться, и без лишнего эмоций распрошала до субботы. Андрей растерянно дошагал до ворот и непроизвольно оглянулся. Втянув шею в плечи и вглядываясь в дорогу, чтобы не попасть в одну из оставленных ливнями глубоких рытин, Андрей устремился вниз к шоссе.

В субботу, ближе к обеду, на переговорный нагрянули шефы. Проверили, как продвигается работа. Кислые физиономии красноречиво свидетельствовали не в пользу подрядчиков.

– Не можешь ты, Юра, организовать народ, – делал внушения Волков спустившемуся со своих козел Ягоде. – Как ни приедешь, ты всё под потолком, все что-то шкрябаешь, а толку нет. Я работы-то не вижу, – и, глядя, как обычно, исподлобья в сторону, патрон продолжал, – твое дело организовать народ, поставить каждому задачу и требовать выполнения конкретного объема в определенный срок. А ты все на козлах, и пьют они у тебя. Что за хрень, Юра, а?

– У нас здесь демократия, – быстро зашевелил губами Ягода. – Каждый сам знает, что ему делать. А скажи что, артачатся. Вон, Пономарев, так тот вообще грозит физической расправой.

Волков взглянул на Андрея, вернее, сквозь него, на мгновение задержался и вновь перешел к Ягоде.

– В общем так, я понял, что ты бдишь их, и толку от тебя никакого не будет. Вот, – Волков похлопал по плечу стоявшего рядом здорового парня. – Он теперь будет у вас командиром, так что Юра – в строй! Прошу любить и жаловать – Дмитрий Григорьевич Канарейкин, – все так же похлопывая по плечу своего протеже, рекомендовал Волков. – Племянник моего близкого друга из Ташкента, открывшего в Сочи свой бизнес, но это так – общий экскурс, остальное Дима объяснит сам.

Нишанов и Пономарев переглянулись.

Во время представления Канарейкин хранил молчание, нацепив на лицо непроницаемую маску. Юноша атлетического телосложения, на руках проступали узловатые вены, на вид ему было лет двадцать восемь–тридцать. Скуластое лицо с развитой нижней челюстью, украшенной развоенным подбородком, довольно крупные голубые глаза под дугами густых бровей скорее вызвали симпатию, чем неприязнь. Весь его облик ассоциировался с образом голливудского Ван-Дама, разве только чуть крупнее.

После отъезда шефов Дмитрий кратко поведал о себе и сам задал несколько вопросов по организации нормальной работы. О пьянке не говорил, чем заслужил особое расположение Андрея и Родиона. Они вновь переглянулись, свидетельствуя, что мужик вроде бы ничего – нормальный, хоть и ставленник. После обеда, досконально войдя в курс работы и выяснив, кто чем занимается, Дмитрий определил каждому фронт работы, заверив при этом, что спрашивать будет строго. Сам, как говорится, засучил рукава и уперся наравне с коллегами. Кстати, Ягоду спустил на землю, а Пономареву отменил понижающий коэффициент.

XV

Покончив с хлопотами по кухне, Диана, как обычно, заглянула к Софье Марковне, чтобы перекинуться несколькими словечками и забрать Лолиту. Уложив дочь, принялась за дела по хозяйству. Стройка все еще жила обрывками голосов, женским визгом, топотом ног по лестничным маршам. На фоне этой всеобщей возни вдруг раздался негромкий, но отчетливый стук в дверь. Диана была абсолютно уверена, кто мог явиться в столь неурочный час. Она ждала этого...

Диана знала, что таят в себе эти как бы случайно встретившиеся взгляды, шепот на ушко с прикосновением щеками, готовность во всем предупреждать желания... Так бывает – людей вдруг пронзает какой-то электрический разряд, они перестают замечать окружающих, существуют лишь два полюса: он и она, постоянно ошущающие при встрече необъяснимые, сладостно тревожащие душу импульсы.

Не спрашивая, Диана отворила дверь. На пороге, как она и предполагала, стоял Дживан. Не ожидая приглашения, он шагнул в комнату, бросил взгляд на постель со спящим ребенком, обнял ладонями голову Дианы и, утопая в волосах, притянул ее к своей груди. Она не сопротивлялась, положила руки на его плечи и растворилась в пылких объятиях. Заверочавшаяся во сне девочка отрезвила обоих.

– Господи, она же может проснуться...

Дживан, вкусивший пьянящий плод, не желал выпускать трепещущую в руках добычу, не испив до дна чашу сладострастия. Не разжимая объятий, он прерывисто зашептал:

– Идем, идем в мою конторку, она здесь рядом. На входе у ворот...

Диана вопросительно вскинула глаза.

Через некоторое время они оказались у неприметного вагончика, в каких обычно строители хранят свое имущество. Колеса вагончика были демонтированы, так что «пuzzle» он покоился на «подушке» из насыпной земли. Дживан открыл обитую снаружи кровельным железом дверь и шелкнул выключателем. Помещение было обставлено строго: письменный стол тридцатых годов с грудой каких-то бумаг и телефоном, зашарпанное кресло у зарешеченного окна, раскладывающийся диван с побитыми углами и потертой обивкой.

«Да, подруга... никуда, видать, от подсобок тебе не деться», – печально пронеслось в голове Дианы.

XVI

Мигмом преодолев бытхинский подъем, Андрей вошел в распахнутые ворота стройки. Молча косясь на него, по территории расхаживали люди – кто в спецовке, кто по пояс раздетый, а кто одетый во все чистое и отглаженное. Андрей, не говоря ни слова, едва кивая для приличия головой, пересек двор и скрылся в подъезде. Войдя, он прошел в сторону кухни. За дверным стеклом сновала между столом и плитой Диана. На душе Андрея сделалось тепло. Он толкнул дверь. Диана, повернувшись, улыбнулась. Андрей подался было вперед, чтобы поцеловать ее в губы, но она с выражением на лице, мол, что ты, совсем не место и не время для подобных выражений чувств – отвернулась, подставив щеку. То, как она это проделала, несколько не омрачило настроения Андрея, наоборот, вселяло надежду, будя пылкое воображение. Приоткрыв дверь, держась за ручку, в проеме появился мужчина:

– Дианочка, дорогая, как сужи... – он осекся, увидев Андрея, вошел и протянул для приветствия руку. Вежливо поздоровался, вскидывая брови на Диану.

– Это Андрей – мой муж. А это Дживан – начальник строителей, – лаконично, без лишних эмоций, представила Диана мужчин.

Дживан тут же пригласил своего нового друга к ужину по случаю отъезда хозяев квартиры из Нижневартовска. Диана же, пользуясь моментом, не преминула напомнить Дживану об обещании кровати для Андрея.

– Сейчас все устроим, Дианочка, – Дживан засуетился, жестикулируя. – Андрей-джан, будь у себя наверху, а мои орлы сейчас все доставят. До ужина, дорогой!

Диана, объяснив Андрею, где находится дочь, вручила ему ключ и отправила обустриваться.

Ложе Пономареву подтащили ну в точности такое же, как то, что недавно покоило его

бесчувственное тело в медвытрезвителе города Адлер – медицинская кушетка с деревянным изголовьем, обитая клеенкой. «Планида», – отметил про себя Андрей.

Диана несколько раз вбегала в комнату, указывая, где взять ту или иную вещь. Наконец она зашла переодеться и уведомить Андрея, что все уже готово, столы накрыты, и что Дживан просил поторопиться. Андрей попытался протестовать, но Диана так сдвинула свои брови, что он мгновенно оставил все доводы.

...За столом оживленно галдели. Политочка с подружкой в обществе Софьи Марковны что-то вылавливали в тарелках. Пономарев, обменявшись с дочерью поцелуями, в сопровождении Дианы проследовал к концу стола, где для них были оставлены места.

– Мне придется часто бегать, поэтому сядем с краю, я сама попросила, – предупреждая возможный вопрос Андрея, скороговоркой отпартовала Диана.

За столом Андрей оказался почти напротив Дживана, чему отчасти был рад, хоть один знакомый... Дживан, в свою очередь, улыбнулся ему и представил Андрея как супруга Дианы.

В тот вечер Диана абсолютно не контролировала Андрея в плане спиртного. Но Пономарев сам дал себе установку – выйти с честью из застолья, так безбожно искушающего обилием закусок и алкоголя. Благо, пример был рядом, наискосок. Дживан методично после каждого тоста отпивал глоток и ставил рюмку на место. На фоне всеобщего веселья уловки Андрея также оставались без внимания. Чем больше пили, тем больше возрастала симпатия Андрея к Дживану. Сквозь занавес общей болтовни Пономарев отмечал, что оказываемые Налбадяном знаки внимания Диане несколько выходят за рамки служебных.

По окончании ужина Андрей намеревался помочь Диане с посудой, но та отказалась, уверив, что управится сама, вверила ему ребенка и отослала наверх.

Дживан молча, с упреком и ревностью во взгляде, встретил Диану, когда та, закончив дела по хозяйству, заглянула в комнату братьев Налбадян. Армена не было. Диана подошла к кровати, лежавший одетым Дживан приподнялся и сел. Она присела перед ним на корточки, положила голову на колени, обняла и негромко сказала, будто продолжая недавно прерванный разговор:

– ...В понедельник он уедет, потерпи немного. Знаешь, кроме жалости у меня к нему ничего не осталось...

– Поэтому ты сейчас залезешь к нему в постель, кстати, которую я сам же ему и вручил.

– Не хами, – Диана вскинула голову и отрывисто, с нотками раздражения продолжила: – Во-первых, ты сам предложил ему здесь жить, во-вторых, у него ребенок, а в-третьих, я сама решаю, к кому мне «лезть» в постель, и позволения ни у кого не прошу.

Она выпрямилась и пошла к выходу. Дживан попытался ее удержать, но Диана отстранила его руки. Это была их первая размолвка.

Бархатная ночь и веселые голоса, слышавшиеся там и тут, не способствовали затворничеству. Убедившись, что ребенок безмятежно посапывает, Андрей, прихватив сигареты, спустился на первый этаж. Не обнаружив Диану на кухне, он шелкнул зажигалкой, прикурил сигарету, затянулся, вышел наружу и направился к одинокой сосне. Как завороченный стоял Андрей, очарованный блеском огней побережья, расстилающегося внизу под обрывом.

Пономарев обернулся, шурша песком, к нему приближался человек. Подойдя к Андрею, он протянул руку и с сильным армянским акцентом произнес:

– А, ара, привет! Что скучаешь, а-а-а? Не спишь? – затем с едва уловимой иронией добавил: – Жена там, наверное, ждет, а ты здесь скучаешь. Не смотри на меня так, ара, я Армен – старший брат Дживана. Будем знакомы.

Словоохотливый Армен расспросил, чем занимается Андрей, как жизнь в Ташкенте, какие планы в Сочи. Пономарев с некоторой сдержанностью отвечал на вопросы, пытаясь поскорее избавиться от назойливого собеседника. Складывалось ощущение, что его специально удерживают этой болтовней. Промелькнувшая мысль побудила его к решительным действиям. Он распрошлся и устремился к себе.

Диана перед зеркалом наносила на лицо крем.

– А где ты была? – Взыгренный своими подозрениями спросил он. – Ни на улице, ни в кухне я тебя не нашел...

– Я же тебя не спрашиваю, откуда явился ты? К Софье забежала, она завтра уезжает, –

раздраженно парировала Диана.

Андрей, не рискнувший вступить в перепалку, опасаясь последствий опрометчивых полемик, молча ретировался.

На следующее утро, позавтракав, Диана, сославшись на долг вежливости перед новой подругой, извинилась и попросила Андрея провести день с дочерью.

– Сходите на пляж, пройдитесь по городу, Лолита уже ориентируется в Сочи, устрой ребенку праздник, она так редко с тобой общается.

Собрав дочь для пляжа и вооружив всякого рода напутствиями, выпроводила их.

Попрошавшись с Настей, Лолита потянула отца к одинокой сосне, за которой тянулся крутой спуск.

– А мы с мамой всегда здесь спускаемся и поднимаемся, – заявила девочка в ответ на опасения отца.

– Ладно, спускаться – куда ни шло, а вот подниматься... было бы любопытно взглянуть, как твоя мама штурмует эти кручи, – поддерживая дочь, балагурил Пономарев.

– Да, папочка, ты прав, это действительно любопытно. Недавно мы с мамой и дядей Дживаном ходили на пляж, а потом в ресторан, наша мама так наелась, что дяде Дживану пришлось в гору толкать ее перед собой, упираясь в попку. Смешно? – с детской непосредственностью Лолита взирала на отца и от души хохотала.

Пономарев мгновенно сник. Он представил и раскрасил картины, нарисованные детской наивностью. Тем не менее, ему не хотелось портить праздник девочке.

Отдав должное солнцу и морю, слегка подумянившись, гуляки устремились навстречу вечерним объятиям города. Провырнувшись по галерее и купив кое-какие безделушки, отец и дочь нырнули под сень зонтов одного из кафе, заказали Лолите апельсиновый сок, а отцу пива. С наслаждением потягивая каждый свое, принялись изучать окружающих. «Ба, Сергей!», – удивился Андрей, увидев мужчину, непроизвольно скрывающего голову с глубокими залысинами за дородным торсом своей супруги. Пономарев направился к столику, за которым сидела чета. Подойдя, встряхнул Сергея за плечи и, не давая опомниться, воскликнул:

– Серега! Какими судьбами?! – Друзья обнялись.

– Я отдыхаю здесь, – пытался ответить на шквал вопросов друга Сергей. – У меня теща в Адлере, и каждый год я со своей благоверной стараюсь отметить в этом привольном крае.

Естественно, тут же было выпито за встречу. Обменявшись координатами, друзья растались, полагаясь на скорую встречу.

Вернувшись на Бытху, возбужденный алкоголем Андрей с глубокой иронией обманутого человека не преминул задать Диане терзавший его вопрос:

– Как проходит вольтижировка?

– Не поняла...

– Как, говорю, джигиты управляют с лошадкой, какие выделяют сальто-мортале, коих я, славянская колода, видать, постичь не в силах? – Андрея понесло.

В запале, не отдавая себе отчета, Андрей выплеснул все накипевшее, мешая очевидное с воображаемым.

– Да ты пьян, – выслушав его до конца, спокойно заключила Диана. – Считаю ниже своего достоинства оправдываться перед кем бы то ни было, особенно перед тобой. Но я отвечу. Только после того, что ты напел, ко мне... ни на шаг.

В уме Диана интенсивно выстраивала стратегию сохранения своего морального облика, защита принимала характер нападения.

– Подумаешь, в компании работяг сходили к морю, тем более, с нами были и Софья с дочерью. Посидели в кафе. Ну и что? Что здесь такого? – Диана, опустившая поход с Дживаном в ресторан, закамуфлировав его посиделками в кафе, теперь являла собой воплощение самой невинности. Уверенно блефуя, она перешла в эндшпиль. – Мало ли что могло показаться ребенку?

XVI

Утром, пока Диана занималась на кухне хозяйственными делами, Пономарев достал походную сумку, побросал в нее свои вещички и, не прощаясь, покинул пределы стройки с твердым намерением больше сюда не возвращаться. Долго ехал окружной старой дорогой, мысленно переваривая свое настоящее положение. В Адлер прибыл около одиннадцати

часов, что в понедельник вполне допускалось. Войдя в комнату, увидел Родиона. Родион растянулся в улыбке, пошарил рукой под раскладушкой и протянул Андрею откупоренную бутылку «Анапы». Пономарев скривился в гримасе, заслоняясь ладонью от бутылки.

– Да не морщись ты, Андрюха, смотри – какая цаца, – отозвался Родион.

Пономарев принял протянутую емкость. Сделав несколько глотков и расслабившись, с невеселым сарказмом поведал другу о своих худших подозрениях относительно Дианы, заверил товарища, что на Бытху он больше ни ногой. В подтверждение хлопнул ладонью свою багажную сумку и, обращаясь невесте к кому, добавил:

– Поднимайся братэлла, чисти перышки, двинем сейчас к моему старому другу. Стрелять – так стрелять, гулять – так гулять...

Дачу тещи Сергея найти не представляло особого труда. Центральная трасса вдоль побережья – и вот она тут. Прихватив по дороге литровую бутылку «Российской короны» и пребывая в самом наиприятнейшем расположении духа, друзья постучали в дошатую калитку под сенью склоненной пальмы. Седовласый мужчина лет семидесяти отворил калитку, поздоровался. Узнав о цели визитеров, проводил их в беседку с трех сторон увитую плющом. Облокотившись богатырскими руками о столешницу, прямо у входа за столом восседал Сергей, скребя вилкой по дну сковороды, он доедал остатки яичницы с колбасой.

– О-о-о! – басом затрубил Сергей, узнав своего приятеля. Обнялся через стол с Андреем, похлопывая его по плечам, затем пожал руку Родиона. Оттопырил пальцем принесенный гостями пакет, расплылся в улыбке и снова загудел: – Вот это я понимаю, – вытянув на свет бутылку, – а то я здесь, понимаешь, пивком балуюсь. За столом расспрашивали друг у друга, где и как живет, сравнивая и сопоставляя цены и заработки. Сокрушались, удивлялись и, как обычно, снова и снова пили «за все хорошее», не изменяя традициям русского люда, надеющегося на то, что именно эта рюмка непременно даст им желаемые блага. Потом перешли к сокровенным разговорам, делясь личными проблемами.

– Не в моих правилах копаться в чужом грязном белье, – рассуждал Сергей, – но совет дельный я тебе дам, и никаких вопросов. Брось ты ее к... матери и возвращайся в семью, вот тебе весь мой сказ. А теперь, за удачу!

Покончив с застольем, троица направилась через дорогу в сторону моря, к пляжу.

Растянувшись на песке и поглядывая в сторону кафе с праздно расположившимся за столиками людом, Родион философски с некоторой завистью заметил:

– Почему-то одни люди созданы для того, чтобы отдыхать, а другие – чтобы пахать. Главное, как ни старайся, честным путем никогда не преодолеешь этой границы...

– Прости за банальность, но, как говорится, каждому свое. Может сейчас кто-то так же завидует тебе, глядя, как ты вялишься под солнцем, считая твою жизнь сплошным удовольствием.

XVII

Дмитрий, поздоровавшись с гуленами, лишь поиграл желваками, но наставлений читать не стал. Ягода все так же безнадежно взмахнул руками, выражая: «А, в общем, это уже не мое дело, так что, как знаете...»

Разобравшись с привнесенными материалами, каждый приступил к работе, почти не общаясь между собой. Андрей и Родион вечерами еще малевали рекламу для кафе. В субботу все было готово. Окрыленные предвкушением побочного гонорара, в воскресенье, прихватив все необходимое, друзья отправились поставить последний штрих в своей работе. Ликующих подрядчиков хозяин встретил никак. Объяснил, что куда разместить, где что подкрасить и, как ни в чем не бывало, занялся своими делами.

Покончив с работой, они отправились за расчетом.

– Подождите, скоро будет, – на вопрос недоумевающих по поводу исчезновения главы заведения друзей, ответила заведующая залом – жена патрона.

– Нэ поньял, а ви что ждѣте? – вопросом, как кистенем, оглоушил друзей появившийся хозяин кафе.

– Рассчитаться бы надо, братан, – невозмутимо ответил Андрей.

– Ви что, ахринэли, да-а? – брюзжал армянин, едва управляя перекосившимся в судороге ртом. Он выпятил ладонь и конвульсивно принялся загибать свои пухлые пальцы:

— А корейка, а индюшка, а четыре бутылка водка; адин разбили, а-а-а? А салаты, а шашлик и шампанское для дами! Это что, нычего не стоит, а-а-а? Я нэ гандон, чтобы вешать на пьяных, а-а-а... ара?!

Друзья переглянулись, почесывая наморщенные лбы: «Да, на правду очень похоже...».

— Ладно, брат, все может быть. Мы не совсем все помним, но у нас и в мыслях не было усомниться в твоей порядочности, спасибо за все. — Андрей примирительно протянул армянину руку. Тот ответил на пожатие.

— Ну а теперь, как говорят у нас на родине, чтобы все было «тинчлик», то есть мирно, ссуди нам бутылочку водочки и, поблагодарив друг друга, без злобы, мирно расстанемся.

Хозяин, сменив гнев на милость, исполнил просьбу Андрея.

Три недели рвал сердце Андрей в добровольном изгнании. Незаметно кончилось лето. Осень ткала свой багрово-золотистый ковер, устлая цветные плиты адлерских тротуаров причудливыми букетами листьев. Андрей стал чрезмерно замкнутым, почти ни с кем не общался. После работы долгими вечерами бесцельно бродил по улицам Адлера. Иногда вырुливал на побережье, поеживаясь от холодного морского ветра, с наслаждением подставляя лицо брызгам, срывающимся с белоснежных гребней волн. Жалобное курлыканье чаек навевало мысли о доме — гнезде, оставленном в далеком Ташкенте, под крышей которого, как теперь казалось, было тепло и безмятежно. Хотелось ринуться туда, раскинуть руки, сгрести в кучу брошенное семейство, согреть их теплом своих чувств и самому отогреться в их бесконечной всепрощающей любви. Как-то, подавшись эйфории, позвонил домой, сам не ведая для чего: то ли излить душу, то ли попросить прощения или сказать, как сильно он их любит... А может, просто напомнить о себе, что он еще жив и очень нуждается в них. Трубку подняла дочь. Он слышал ее теплый участливый голос, выражающий неподдельный интерес к его теперешней жизни, но сам лишь лаконично спросил: Как дела? Как мать? Все ли здоровы?

Несколько раз забредал к Сергею, иногда оставался у него на ночлег. Ему стелили постель во дворе на кровати подле окон комнаты четы.

Сергей благодушно подтрунивал над его смятением, от советов воздерживался: «Ты дяденька взрослый, определяйся сам...».

XIX

В воскресенье выдалась прекрасная погода, по-осеннему ласково светило солнце, незаметно скользко по лазурному своду. Пономарев до обеда мысленно боролся с собой: «Нет, не поезду, всё — отрезал, так отрезал! А может, я не прав? Не разобравшись толком, опрокинул ушат с помоями на бедную женщину. А она, может, ни сном, ни духом... Нет, нет! Между ней и Дживаном явно какая-то связь. А может, я все-таки заблуждаюсь?» Вконец измучившись, устав строить предположения и опровергать их, Андрей сел в автобус и помчался в Сочи.

Диана, приготовив обед и поев с дочерью, отпустила ее к дяде Армену смотреть телевизор, а сама, помыв посуду, принялась хлопотать по кухне.

Нарочито крадучись, Дживан приоткрыл дверь, проскользнул в кухню, обнял Диану сзади, привлек к себе и, прильнув лицом к ее шее, принялся нежно целовать ее. Диана, привыкшая к любовным играм Дживана, слегка откинула голову с прибранными вверх волосами и, принимая ласки, кокетливо шептала:

— А вдруг сейчас зайвится Андрей?

— Слушай, ахчи! — Нарочито по-кавказки игриво возмущался Дживан. — Твой Андрей уже месяц не появляется на Бытхе, тем более — сегодня воскресенье, а он, если и приезжает, то, как мне помнится, только по субботним вечерам, а ты... Андрей, Андрей. Договоришься ты у меня... зарезу твоего Андрея — и будешь всецело принадлежать только мне!

Диана рассмеялась и, подыгрывая Налбадяну, с акцентом отвечала:

— Это еще вопрос, кто кого зарежет?! — затем серьезно добавила: — Ты не думай, он с виду такой спокойный, это тигр в клетке. Если что узнает о наших отношениях, разнесет эту вашу армянскую богадельню в пух и прах.

— Да-а-а... напугала! Идем, пока я весь трепещу от страха, поваляемся в твоей кровати, говорят, страх придает особую остроту страсти...

Насладившись друг другом, пребывая в легкой истоме, любовники, не стыдясь своих обнаженных тел, распластались на постели. Вдруг на лестнице раздался детский восторженный говорок и грузные шаги поднимающегося вверх человека. Диана встрепенулась, прижала палец к губам и сделала знак Дживану подобрать свои вещи и укрыться на балконе. Оконный проем двери был наглухо зашторен обоями. Так что Налбадян мог чувствовать себя там в полной безопасности. Не успела Диана шелкнуть шпингалетом, как в дверь постучали.

– Кто там? – сонным голосом спросила Диана.

– Я...

Диана откинула крючок и стремглав юркнула в постель, укрывшись покрывалом.

Андрей вошел в комнату, Лолита проскочила к маме, чмокнула ее в лоб и убежала восвояси к дяде Армену. Андрей присел на краешек постели, Диана, как показалось Андрею, с каким-то вожделением взирала на него. Андрей, поощряемый ее взглядом, медленно стал высвобождать тело Дианы из-под покрывала, она натянула покрывало и, взяв его руку в свою, прошептала:

– Иди, ополоснись с дороги, вода в баке за день прогрелась, я тебя подожду...

Пономарев, крайне удивленный таким приемом, взял белье и стремглав помчался во двор. Душа ликовала. От предыдущей размолвки не осталось и тени: «Она меня простила, мы снова вместе, как прежде...».

Через некоторое время дверь в душевую отворилась, и на пороге появился Дживан.

– А, Андрей, привет! Что, дорогой, так давно тебя не видно, а-а-а? Загулял, наверное...

Устроился в соседней кабинке и, как ни в чем не бывало, гнусая армянскую мелодию, наслаждался теплыми ласкающими струями.

Гикнув Дживану «До встречи», Андрей устремился, перепрыгивая ступени лестницы, к заветной двери. Вбежав, осекся. Диана уже убрала постель и приводила себя в порядок. На его немой вопрос игриво посулила: «Все будет вечером...»

«Ну, стерва, опять облом...»

Вечером, как ни странно, Диана сдержала свое обещание.

– Я уж сама собиралась ехать в Адлер...

– Соскучилась, милая, а я, знаешь, как я скучал? Все! Никогда больше не буду оставлять тебя так надолго... – Андрей впилился в щеку Дианы.

– Да, я к тому, – окатив будто ведром холодной воды, не разделяя эмоций Андрея, продолжала Диана, – в среду я улетаю в Ташкент, билет уже на руках. Так что тебе придется пару недель побыть с Лолитой в Адлере, на твоей, как ее, Господи... телефонной станции, – не утруждая себя объяснениями, заключила Диана.

Во вторник вечером, не отступая от принятых традиций, в честь отъезда на стройке Диане были устроены проводы. Стол, накрытый виновницей торжества, был великолепен: среди всевозможных салатов и напитков, как и подобает на востоке, красовался плов. Горцы с восхищением отправляли в рот ложки дымящегося золотистого риса, кусочки тающего мяса, сдобренного зирой и другими восточными приправами, в изумлении покачивали головами и поднимали нескончаемые тосты за здоровье поварихи. Сокрушаясь при этом, как они переживут такое длительное ее отсутствие.

После застолья Дживан, не принимая возражений Дианы, дал указание своим джигитам прибрать со стола и вымыть посуду. Однако, как показалось Андрею, не без иронии добавил, мол, перед дальней дорогой мужу с женой необходимо попортиться. Диана лишь зыркнула на него, не сказав ни слова, поднялась из-за стола и гордо удалилась в свои «апартаменты». А утром чуть свет всучила Андрею чемодан и отправила с богом.

На улице сплошной стеной лил дождь. Андрей взгромоздил чемодан на плечи, прикрыв им голову и широко расставляя ноги, чтобы не поскользнуться, пошagal через колдобины строительного двора. Выйдя к дороге, а точнее к руслу стремительно несущегося потока, вступил в ледяную воду, сгорбившись под тяжестью ноши и стараясь выбирать место для опоры ног, стал спускаться вниз. Ему было больно смотреть на себя со стороны. «Почему всегда, связанный какими-то чертовыми обязательствами, он попадает во всякие переделки? Вот и сейчас с чемоданом на горбу под проливным дождем куда-то бредет, да еще в такую рань. Даже собак не видно. В самом деле, почему в такую рань? Самолет-то вылетает в шестом часу вечера», – Андрей снова мысленно возвращается в только что покинутую комнату, видит, как Дживан, убедившийся в отсутствии соперника,

входит к Диане, вползает к ней в постель, ведь ему тоже нужно «попроситься»...

От разыгравшегося воображения кровь стучит в висках. Хочется зашвырнуть этот чертов чемодан, ворваться в обитель порока, вцепиться в горла счастливых любовников... нет, не из ревности, измену он переживает, а во имя поруганного самолюбия. «Они там в пылких объятиях, наверняка, потешаются над ним, восхищаясь своим хитроумием и изобретательностью».

— О, Андрей! Пришел всё-таки проводить друга! — раздался зычный голос Сергея, плывающего из автобуса, как самовар блестя лоснящимся лицом и курясь испарениями тешинского самогона. — А ты, что, тоже летишь? — указывая на чемодан, восторженно воскликнул он. — Вот угодил, так угодил!

— Нет, Серега, что ты, мне, как медному котелку, еще звенеть и звенеть, а это чемодан Дианы. Она летит, а я вот стою, дожидаясь, вскоре должна подъехать.

— Жаль, но ничего, все равно своя компания, и Танюхе будет с кем поболтать, — Сергей сощурился и, подтянув супругу к себе, многозначительно добавил: — Они же давние подруги...

XX

В самолете Сергей усадил Диану рядом со своей женой, сам устроился в кресле позади. Приняв на себя обязательства предусмотрительного кавалера, Сергей ловко извлек из бокового кармана пиджака плоскую бутылочку французского коньяка и разлил прозрачную чайного цвета жидкость по пластмассовым стаканчикам. Кротко поклонившись, он предложил дамам вкусить, те охотно приняли предложение и, оставив свою трескотню, выпили «За счастливую дорогу».

Возбужденная алкоголем Диана, не замечая, что говорит достаточно громко, изливала душу своей давней приятельнице. Та внимательно слушала, иногда покачивала головой, округляла глаза, поражаясь ее нецензурной лексике. Сергей, валяжно расположившись в своем кресле, волей-неволей стал свидетелем откровений Дианы.

В череде ее любовных интриг Сергея поразила молниеносная сообразительность и умение хладнокровно владеть ситуацией. С ухмылкой он отнесся к эпизоду, когда Диана разрулила обстановку, отправив одного на балкон, другого в душ.

Диана распялась, рассказывала Татьяне об обуревавших ее желаниях. Сейчас она, кажется, любит Дживана, но не может забыть и Ризо. Теперь вот мчится в Ташкент, чтобы разобраться в своих чувствах...

— А как же Андрей? — заметила Татьяна. — Он страдает.

— Андрей? Андрей уже давно отрезанный ломоть. Хочется ему пресмыкаться ну и... с ним.

...Неожиданный приезд дочери вызвал испуг у матери Дианы, поскольку та заявила одна. Диана, как обычно, немногословно развеяла шквал материнских страхов. Пояснив, что ребенок находится под присмотром отца, а сама она, мол, приехала за зимними вещами, к тому же будет не лишним сравнить цены сочинского и местного рынков и, если овчинка стоит выделки, прикупить кое-какое шмотье китайского ширпотреба для продажи в Сочи. Так сказать, помимо основной работы организовать небольшой бизнес. А первые клиенты уже есть, дескать, «хачики» со стройки и сфера обслуживания близлежащих торговых точек.

Напрочь отбросив бытхинский распорядок, Диана почти до обеда нежилась в постели. Как было приятно, не обременяя себя никакими обязанностями, подняться с постели, зная, что заботливая мама уже приготовила что-то вкусненькое для своего чадушки, как некогда в детстве.

Ближе к вечеру Диана сообщила матери, что созвонилась с Мариной и, сославшись на то, что они обе соскучились, отправилась к подруге, бросив у дверей, что, возможно, останется на ночь...

Сама же, снедаемая предвкушением встречи с давней пассией, устремилась в «Дигорию». Ризо в кабинете не оказалось. Случайно подвернувшаяся официантка, смерив Диану взглядом с головы до ног, криво ухмыльнулась и посоветовала поискать шефа в красном зале. «Не прошло и полгода моего отсутствия, как эти стервы распустили хвосты, смотри-ка-ся, уже рожи кривят. Подождите, хоть на пару недель, но я наведу здесь порядок», — прошипела Диана, отправляясь в клетушку, так называемый красный зал.

В зале царил полумрак. Окна прикрывали розовые портьеры, на стенах небольшие

бра струили мягкий свет вдоль драпировки из красного велюра, на покрытых красными скатертями столиках мерцали электрические свечи. Войдя, она огляделась, в зале не было почти никого, исключая трех оживленно беседовавших между собой мужчин. В углу у портьеры за столиком Диана различила знакомую фигуру Ризо, сидевшего спиной к входу. Напротив него восседала блондинка с прямыми ниспадающими чуть ниже плеч волосами. Из-под прикрывающей брови челки хлопали густо накрашенные ресницы. Не без жеманства она что-то ковыряла вилкой в тарелке, пригубляя из фужера красное вино. Диана сразу ринулась в бой. Подойдя к столику, положила руку на плечо Ризо и пролепетала в ушко:

– Как дела, дорогой? Вижу, не скучаешь без меня, – бросив при этом испепеляющий взгляд на девушку.

– А, Дианочка, дорогая, – привстав со стула, Ризо чмокнул ее в щеку. – Как отдохнула? – и, взглянув на сконфузившуюся девушку, неожиданно для Дианы выпалил: – Это наша официантка Диана. Прибыла из отпуска, а это Мила, наша почетная гостья.

Обернувшись при этом к Диане, полоснул ее колючим взглядом, давая понять, что дальнейшее пребывание ее у стола неуместно, потом мягко произнес:

– Подожди меня в кабинете, я скоро освобожусь, там и решим все твои проблемы.

Диана, обескураженная, вышла с твердым намерением дожидаться объяснений Ризо: «Так вот почему эта стерва официантка так нагло ослабилась. Пойди, мол, взгляни, все мы через это прошли, не ты первая, не ты последняя».

В скором времени в кабинет вошел Ризо. Диана исподлобья молча взирала на него.

– Ну что ты, Дианочка, так смотришь? Это дочь одного высокопоставленного лица, от которого не в малой мере зависит наше заведение. Тем более, она хорошо знает мою жену, а ты тут с ласками... и как бы я объяснил ей наши с тобой отношения? Я и так сомневаюсь, поверила ли она, ведь ты такая красавица, – Ризо нежно обнял Диану и прилеп к себе.

– Ох, и врать же ты мастер!

Диана сделала вид, что поверила ему.

– Смотри, если что узнаю, больше меня не увидишь!

Жены при данных взаимоотношениях в учет не брались.

– Я просто уйду, – продолжила Диана. – Предпочитаю, чтобы врал только где-то в одном месте.

– На тебя посмотреть, так ты просто святая. Неужели там, – Ризо потянул вверх подбородок, – ты все это время хранила мне верность. Не поверю.

– Ой, думай, что хочешь, я перед тобой исповедоваться не собираюсь. Но тебя предупредила...

Несмотря на резкость обличений, каждый из любовников все-таки боялся преступить грань, ведущую к разрыву. В итоге – в чем и заключался истинный смысл их встречи – плотские чувства взяли верх, напроць размывая возможные грешки каждого в прошлом. Реальным было настоящее.

От ужина, предложенного Ризо, Диана отказалась – еще не успела померкнуть картина застолья только что представшая ее взору. Ризо отвез Диану домой. Прощаясь, он выразил желание встречаться где-нибудь на нейтральной территории.

– Понимаешь, неудобно... суета... Да и тебе зачем там лишний раз светиться? Может, опять у Марины?

«Раньше тебя ничего не смущало, кобель. Ну, ну...»

Вслух же сказала:

– Ладно, чао, если что определится, я тебе позвоню.

Марина с охотой вызвалась в добровольные помощники по бизнесу. Целыми днями они мотались по вещевым рынкам. Домой возвращались никакие, с высунутыми до плеч языками. Амурные дела как-то сами собой переместились на второй план. Диана как бы между делом намекнула подруге по поводу ключей. Та уверила:

– Ради бога, надо – так надо. Ты же теперь у нас гостья. В общем, как только – так сразу.

В ежедневной суеде пролетали дни: то рынок, то покупка билетов в обратный путь...

Как-то вечером Диана, несмотря на настоятельные увещания Ризо не встречаться на работе, отправилась в «Дигорию». На стоянке она не обнаружила его машины. «Значит,

нечего переться в этот гадюшник, раз его там нет, можно подождать у соседей». Устроилась в кафе через дорогу за столиком под широкой полосатой маркизой, заказала чашечку кофе и погрузилась в бархатные объятия осеннего ташкентского вечера. Мысли тягучей патокой тянулись в голове, то унося ее куда-то вдаль, к холмисто-скалистому побережью Черного моря, то вновь возвращая в сегодняшнюю реальность.

Автомобиль Ризо не появлялся. Мысли, теперь обратившись гадами, стали жалить душу. Одна длинная, черная, извиваясь, норвила влиться в сердце. «Лаано, дорогой, я намерена испить эту чашу до дна, какой бы горькой она ни была. Бог терпением не обидел. Подождем...»

Стало смеркаться, когда Диана заметила, как «девятка» цвета мокрого асфальта лихо подкатила к portalу «Дигории». Это был автомобиль Ризо. Хозяин вышел из машины и, обойдя ее со стороны капота, открыл переднюю дверцу и, наклонившись, помог даме выйти. Та крепко обвила его шею и, притянув голову Ризо к своему лицу, впиалась в его губы. Диана узнала в женщине блондинку, ранее встреченную в ресторане Ризо. «Я в этом не сомневалась, почетная гостья. Так, так...» – саркастически усмехнулась Диана, рассчиталась с официанткой и, вскинув голову, зашагала прочь, считая ниже своего достоинства вступать в разборки с недостойным ее чувств мужчиной.

XXI

Пономарев встретил Диану в аэропорту и со всеми ее сумками доставил к воротам бытхинской стройки. Армяне, как говорится, «шумною толпою» встретили свою долгожданную кухарку. Каждый выказывал ей восхищенные знаки внимания. Дживан, шагнув навстречу, пожал Андрею руку. Диана вскользь коснулась своей щекой щеки Дживана. Это был верный психологический ход, адресованный Андрею на случай, если он обращался с расспросами к дочери. «Какие поцелуи? Просто дружеские отношения...» Дживан, зардевшись, переключил внимание на Лолиту, уйдя из-под прищельного взгляда Андрея.

Утром Андрей оделся, разбудил Диану, сообщив, что помимо основной работы намечается «халтура», поэтому неизвестно, когда он объявится. Диана, было, засуетилась насчет завтрака, но он ее остановил, заверив, что перекусит в Адлере.

Пожелав друг другу удачи, они расстались.

Декабрь сек дождями, переходящими в мокрый липкий снег, чаще объявлял о штормовых угрозах.

В магазине была уложена последняя гранитная плита. Окрыленные полученной зарплатой орлы строили ближайшие планы. Чуть раньше на переговорном узле связи тоже был завершен первый этап работы. Наступил предновогодний штиль, Родион решил смотреть в Ташкент.

– Ну, а я на Бытху, – сказал Пономарев, – там, наверное, и Новый Год встречу, как говорится, в кругу семьи.

– На том и решили. В Адлере встретимся во второй половине января нового года. Со дня приезда Дианы из Ташкента Пономарев лишь раз поздним воскресным вечером удосужился навестить свое семейство. Умышленно проехал экспрессом до сочинского вокзала, оттуда, не торопясь, шурша опавшей листвой, пешком через весь город пошел к стройке. Ему хотелось как можно позже оказаться на месте, чтобы застать врасплох жизнь «бургундского двора», лично проникнуть в тайну, которая ни днем, ни ночью не давала ему покоя.

Спланированная Пономаревым операция оказалась безрезультатной. Диана, как и подобает заботливой матери, укладывала ребенка спать. Правда, все было сомнительно: вернется он позже, он мог бы застать совсем другую картину.

В этот раз Андрей отказался от образа печального рыцаря. Повода для грусти вроде не было. Как-никак предстояли каникулы, хоть и вынужденные. Карман позволял пережить временное безделье.

Накупив по дороге сладостей, он в самом лучшем расположении духа предстал перед своими девочками. Диана на его каникулы никак не отреагировала, лишь слегка вздернула бровь. Лолита же была безмерно рада, наконец-то ей выпало счастье побыть с папой.

Как Андрей и предполагал, Диана сетовала, что часть привезенных из Ташкента вещей как сумела «втюхала» строителям, а остальную предлагает продавщицам местных магазинов почти по закупочной цене или ниже, здесь своего китайского барахла валом. Так что бизнес, мол, накрылся.

– Не обижайся, – видя кислую мину Андрея, пояснила Диана, – мне действительно

некогда. А ты на неделе займись билетами. Пока деньги есть, нужно Лолиту отвезти в Ташкент, нечего ей здесь зиму куковать в холоде да грязи.

– Ташкент, так Ташкент, – понимая безысходность своего положения, отмахнулся Андрей.

XXII

До вылета оставалось немногим более двух недель. Пономарев съездил в Адлер, но Родиона уже не застал, тот поездом отбыл в Ташкент.

В редкие погожие дни он бродил с ребенком по окрестностям Бытхи, в непогоду забивался в угол своего топчана и читал книги. Правда, каждая книга была попорчена: где-то не доставало нескольких страниц, где-то целого блока. Содержание отсутствующих страниц приходилось домысливать или просто припоминать ранее прочитанное. Андрей поражался множеству валяющихся буквально по всей стройке книг, теряясь в догадках об их происхождении, пытаясь уразуметь, зачем людям, с трудом говорящим на русском, такое количество русской литературы. Как книги попали на стройку, он так и не узнал, зато доподлинно определил их назначение, увидев однажды, как дядя Ануш, тот самый, кто первым из армянской братии предложил Пономареву тост за здоровье, раскрыв «Войну и Мир», подмигнул Андрею, хрюкнул по страницам, вырвав добрую жмень, скомкал и направился в сторону отхожего места.

Живан, видя как Андрей бесцельно слоняется, предложил поработать:

– Не в обиду, дорогой, я же знаю, деньги вам нужны, зачем зря время терять.

– Да совестно как-то самому набиваться, может, вам самим не хватает работы.

– Ва...ий, послушай, работы на всех хватит, – пропел прораб. – Мы же все люди, должны помогать друг другу. У меня там на пятом этаже русский старик тяжку делает, хороший мастер. Но песок, цемент ему поднести... Ведро восемьсот рублей, сколько натаскаешь – все твое, расчет сразу. Договорились?

Работодатель и подрядчик поднялись на пятый этаж. В глубине комнаты у окна, пристроившись на вязанке паркета с сигаретой, густо окутывая себя сизым дымом, сидел мужик в стеганой ватной телогрейке и шляпе с обвисшими полями. Падавший из окна свет выхватывал его изборожденное глубокими морщинами лицо. Он принадлежал к категории людей, обладающих широким возрастным диапазоном: от пятидесяти пяти до семидесяти лет – все зависело от времени суток, принятой на грудь дозы и ракурса, в коем он предстал. Глубоко посаженные глаза, выдвинутая вперед нижняя челюсть, под углом скошенной полости рта характеризовали его как нередкого визитера «казенного дома». «Ковбой», – мысленно отметил Андрей.

Ковбой поднялся, осторожно перешагивая через балки, чтобы не порушить конструкцию, выставленную под стяжку, и пошел навстречу Андрею.

– Степан, – просипел он, протянув свою заскорузлую руку. – Ну и ладно, обниматься и рассусоливать не будем. Вон, паря, ведра и... с богом.

Андрею, откровенно говоря, тоже особого удовольствия не доставляло разводить антимионию с сипатым стариканом, он подхватил ведра и начал свой отсчет.

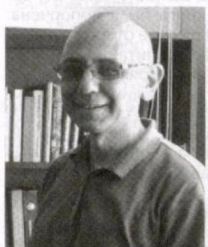
Время пошло быстрее. День отмахав по лестницам, вечером поужинав, Андрей принимался за чтение книг, угадывая содержание недостающих фрагментов, столь старательно «отредактированных» местными «цензорами».

Вскоре подошло время отъезда. Андрей, не солоно хлебавши, в назначенный день подхватил ребенка и отбыл автобусом в Краснодар. Из Адлера самолеты в Ташкент не летали. Да и из Краснодара самолеты летали не регулярно. Рейс, которым должен был лететь Пономарев с дочерью, задержали почти на сутки. После многочасовых мытарств в аэропорту Андрею были предъявлены претензии паспортным контролем, обвинившим его в похищении и попытке вывоза за рубеж ребенка, так как в метриках Лолиты стояла фамилия ее матери, а не отца. Благо, что совпадало отчество. В долгих объяснениях ситуации самым весомым аргументом оказалось признание девочкой своего отца. Наконец, их отпустили.

В Ташкенте почти все время Андрей был у матери Дианы, да и куда было идти. Многие друзья давно разехались. Ташкентский адрес Родиона он не знал. Было, правда, огромное желание позвонить и наведаться домой, но он так и не отважился. Он, словно потерявший управление корабль, целиком положился на волю стихий и сам не ведал, как в дальнейшем сложится его судьба...

Продолжение следует...

литературоведение. литературная критика

Олим БЕКОВ

Родился в 1958 г. Окончил Ташкентскую консерваторию по специальности «Музыковедение», кандидат искусствоведения. Руководитель специализированного научного центра госконсерватории Узбекистана. Живет в Ташкенте.

МИФОЛОГИЯ ЭПОСА

Особенностью художественной культуры независимого Узбекистана XXI столетия является то, что наряду с бурным развитием европейского академического и современного искусства продолжает активную жизнь устное народное творчество, в частности, национальный эпос.

Наиболее древним узбекским эпосом является богатырский эпос, жанр героического дастана. Связанные с историей кочевых тюркоязычных племенных объединений (огузов, кипчаков, карлукков и других) сказания об Алпамыше и Ёдгоре, правительнице-богатырше Ойсулув и Кунботире, о Гор-оглы и его сыне Авазбеке, а также поэмы о Кунтугмыше, Рустаме и других героях, проявивших доблесть и совершивших подвиги во славу своего народа, до сих пор пользуются огромной популярностью.

Среди героических дастанов особое место занимает цикл дастанов «Алпамыш». В 1999 году совместным решением правительства Узбекистана и ЮНЕСКО в Термезе состоялось официальное празднование 1000-летия создания эпоса «Алпамыш», были организованы международная конференция¹, фестиваль исполнителей эпического творчества, подготовлено к изданию несколько записанных вариантов этого дастана, в том числе, и нотное издание.

Как и другие формы устного народного творчества, узбекский дастан «Алпамыш» – результат сложного исторического процесса развития от VI–VII вв. до XIV–XVI вв. напомним, что существуют алтайская версия («Алып-Манаш», VI–VII вв.), огузская (легенда о Бамси-Байраке, сыне Кам-Буры из «Книги моего деда Коркута», IX–XI, Закавказье и Передняя Азия), кипчакская («Алпамыш», «Алпамыша ва Барсын хылуу», XII, Казахстан, Башкортостан, Татарстан).

Так называемая «кунгыратская» версия получила распространение на юге Узбекистана с XVI в., а в середине XX столетия стала широко известна во всем Узбекистане в исполнении выдающегося дастанчи Фазыл Юлдаш-оглы. Многие исследователи отмечают многослойность этого фольклорного произведения, в котором получили отражение как государственная идеология различных тюркоязычных исторических формирований (Тюркский каганат, Карлукское государство, объединение Огузов, Караханидское царство), так и мифология различных скотоводческих полукочевых племен более раннего происхождения. Как известно, завязку дастана «Алпамыш» относят ко временам принятия тюркоязычными племенами ислама². Два брата Бойбу-

¹Материалы международной конференции опубликованы: «Алпамыш» достони ва жахон халқлари эпик жойидети. Халқаро конференция материалари. Термиз, «Фан», 1999.

² Процесс этот, начавшийся в IX веке, протекал несколько столетий.

ри и Бойсари вступают в конфликт из-за разного отношения к обязательной для всякого мусульманина уплаты зякета (мусульманского добровольного налога, предусмотренного шариатом). Старший брат Бойбури просит у Бойсари в качестве зякета передать ему через послов хотя бы самую плохую овцу из многотысячного стада. Однако, возмущенный предложением, нарушающим, по его мнению, равноправие, младший брат убивает послов, а сам со своим народом переселяется в страну калмыков. В результате этого помолвленные с детства Алпамыш (сын Бойбури) и Ойбарчин (дочь Бойсари) разлучаются.

В дастане много деталей из мусульманского быта. Описание детства Алпамыша и Барчиной – главных героев дастана – включает эпизод обучения их в мусульманской школе (мактаб), где они овладевают навыками чтения и письма. При рождении детей на праздник приходит каландар (мусульманский дервиш). Его принимают с большим уважением, и ему дается право именования младенцев. Будущему Алпамышу он дает мусульманское имя Хаким. В версии Мухаммадулла Жонмурод-оглы Пулкана и Эргаша Жуманбул-оглы Бойбури в честь рождения детей строят мечети и медресе¹. На чангкубизе, сделанном Алпамышем в зиндане (тюрьме) для Товкаойим (дочери калмыцкого шаха), он записывает суру из Корана.

Можно привести много примеров, относящихся к сфере мусульманской этики и образности, однако обращение к антропонимам и топонимам текстов выявляет множество указаний на доисламские воззрения древних тюркоязычных племен, которые получили широкое отражение в дастане. Имена многих героев представляют собой отражение своеобразного мировосприятия и структуры сознания народов, у которых своеобразно переплелись космологические представления, зооморфные (тотемистические) взгляды, матриархальные и патриархальные устои.

Так, например, этимология имен братьев Бойбури и Бойсари связана не со значением слова «бой» – «богатый», как можно было бы толковать с точки зрения современного узбекского языка, но с древнетюркским – «племя, род»². Таким образом, антропонимы Бойбури (Бой+бури) и Бойсари (Бой+сари) являются племенными индикаторами, в дословном переводе означают – «глава племени «волк» («бури» по-узбекски – волк), «глава племени «сари». В китайских источниках есть мифические версии, согласно которым тюрки произошли от малолетнего царевича и волчицы³.

Просьбу Бойбури о зякете передают Бойсари 14 послов на груди у которых золотые фигурки быка. Не случайно, фигурки быка, олицетворявшего мужское плодородное начало, носили послы Бойбури (отца Алпамыша). И хотя в начале дастана послы погибают от рук палачей Бойсари (отца Барчиной), в конце дастана именно Алпамыш спасает свою невесту и ее отца из калмыцкого плена.

Имена некоторых сыновей Сурхайл кампир (одного из главных врагов Алпамыша) также указывают на пережитки древних тотемных и астральных культов. Кукашка (Кук+кашка), Бойкашка (Бой+кашка) являются зооморфными антропонимами и дословно означают «из племени лошади», Кукаман (Кук+ман) – «из племени овцы»⁴.

Место рождения главных героев Бойсун соответственно означает (Бой+сун) «цельное племя»⁵. После конфликта один из братьев Бойсари уводит своих подданных в страну калмыков и единое племя распадается на два, становясь единым только после возвращения на родину, в Бойсун.

Зооморфные антропонимы являются важным средством характеристики героев дастана. Имя сестры Алпамыша Калдыргачойим (дословно «Женщина-Ласточка») отражает верность, крепость родственных уз, символом чего в узбекской народной поэзии является ласточка.

Имя главного героя Алпамыш составлено из двух слов: алп+миш (или манаш, мыша)⁶. Алп означает богатырь; miš (санскр. mesa) – астр. созвездие Овна⁷. Таким образом, имя героя дословно означает «богатырь-овен», то есть богатырь, родившийся под знаком

¹ См. Мирзаев Т. Алпамыш достонининг узбек вариантлари. Т., «Фан», 1968, С. 33-34.

² См. Махмуд Кошгарий. Туркий сўзлар девони. Т., «Фан», 1960-63

³ См. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т. I, С. 220, 237, 290

⁴ Второе значение слова «Кўк» (наряду со значением «небо», «голубой») – корень, происхождение. Кашка от – лошадь с белой отметиной на хвосте. Ман – четырехгодовалая овца. См.: Махмуд Кошгарий. Туркий сўзлар девони. Т., «Фан», 1960-63

⁵ Сун – цельный, чистый: сун алтун – чистое золото. См.: Махмуд Кошгарий. Туркий сўзлар девони. Т., «Фан», 1960-63, Т. III, С. 152.

⁶ Как в алтайской версии «Алып-Манаш» или кипчакском варианте «Алпамыша ва Барсын хылуу»

⁷ Rachmat G.R. Türkische Turfan-Texte, VII, APAW, 1936 №22

Овна¹. Образ овна, как известно, один из основных мотивов прикладного искусства кочевых скотоводческих народов Средней Азии, до сих пор сохранившийся, в частности, в виде пары рогов в орнаменте казахов, киргизов, каракалпаков.

Основу сюжетного развития первой части дастана составляет преодоление героем – богатырем Алпамышем – препятствий на пути к обрученной с ним в детстве Барчиной. Таким образом, вторая идейно-сюжетная линия дастана – стремление героев к созданию многомангого брака (чем собственно и заканчивается первая часть дастана)².

Но в развитии сюжета мы можем наблюдать множество эпизодов, отражающих иные, более ранние формы брака и родственных отношений. Напомним следующий эпизод: когда палачи Калмокшаха схватили Бойсары за то, что не знавшие земледелия узбекские племена потоптали посеы в стране калмыков, он просит отпустить его и обещает за это все свое богатство. При этом он говорит, что если этого недостаточно, он отдаст и свою дочь. То есть смотрит на дочь как одно из составляющих его достояния.

Однако сама главная героиня дастана Барчиной представляет собой не нежную и хрупкую, изведенную разлукой с нареченным красавицу, но девушку-богатыря («алп кыз»). В далекой стране калмыков, куда она вынужденно переселилась со своими родителями, она не уstraшается угроз семи чужеземных богатырей, пришедших к ней свататься. Напротив, одного из них, который пытается ей угрожать, она легко перебрасывает через плечо, кладет на лопатки и, придавив коленом грудь поверженного, ставит условие остальным – дать ей 6 месяцев для того, чтобы связаться с нареченным и узнать его волю. Таким образом, образ Барчиной содержит явные признаки матриархата.

Сами же 7 калмыцких богатырей, придя к Барчин, предлагают ей два варианта: стать их общей женой, или женой одного из них. Здесь указание на определенный вид полигамии – полиандрию (многомужие), являвшееся, как известно, признаком более древних форм брака.

Калмыцкий богатырь Коражон (впоследствии друг Алпамыша) спрашивает у матери, которая будто бы ходила сватать его к узбекской невесте: «Тулки булиб келаяпсамми, бурими?» (дословно – «Ты идешь лисицей или волком»). Учитывая, что одно из значений слова «бури» (волк) было – сын, смысл вышеуказанной фразы можно толковать следующим образом: ты сосватала своего сына или вернулась ни с чем, то есть победило мужское начало или женское?

Многослойность мифологического сознания дастана проявляется в смысловой насыщенности текста аналогиями, многозначностью. Так, после долгой дороги к невесте Алпамыш решает заночевать на кладбище, при этом обращается к «ахи кубурлар» (дословно, «народу могил») с просьбой дать разрешение на ночлег. Но сначала получает отказ.

В этой сцене дастана своеобразно переплелись различные мифологические пласты древнего культа предков. Как известно, культ предков-покровителей (похоронные и поминальные культы) является одним из наиболее ранних религиозных форм, происхождение его относится к эпохе очень далеко отстоящей от мусульманского периода³.

Многосложность мифологического содержания дастана «Алпамыш» проявляется в наличии множества сюжетных линий, восходящих к историческим путям развития религиозного сознания. Одним из важных художественных компонентов, наряду с указанными выше тотемистическими мотивами, отражением своеобразия брачных отношений, космологическими взглядами, являются очевидные признаки шаманистического культа и обрядности, составляющие один из основных тематических слоев дастана.

Как известно, шаманизм как определенная историческая форма религиозного сознания формируется и утверждается именно в период развитого племенного строя. Получивший распространение во многих регионах мира и, в частности, практически у всех тюркоязычных народов он характеризуется верой в существование сверхъестественного мира духов, а главное, в возможность шамана взаимодействовать с этим миром, привлекать посторонние силы себе на помощь при решении различных задач (лечение, пред-

¹ Тот же корень имеет антропоним Манас – имя героя киргизского эпоса.

² Та же идея лежит в основе дастана «Елгор» (сына Алпамыша и Барчиной), где сюжет строится на преодолении препятствий к созданию семьи обрученных в детстве Елгора и Оядиной. Кстати, вторая часть дастана «Алпамыш» также связана с отношениями, характеризующими многомангоую семью: Алпамыш вторично отправляется в страну калмыков, дабы вызволить из неволи своего тестя Бойсары.

³ Напомним о всемирно известном и наиболее древнем на территории Средней Азии ритуальном захоронении в пещере Тешик-тош (Бойсунский район Сурхандарьинской области Узбекистана).

сказание, заклинание, колдовство и т. д.), Центральным эпизодом каждого шаманского обряда (камлания) является «путешествие» души шамана в царство духов (либо вселение в его тело духов), экстатическое перевоплощение человека в обладающую сверхъестественными возможностями и способностями личность. Нечувствительность шамана в этот момент к боли, проявление особых физических возможностей (огромной силы, энергии) объясняется «отделением» души шамана от его тела во время обряда. Широко распространенной является такая характерная для шаманства черта, как вера в умерщвление духами кандидата в шаманы и его воскрешение.

В насыщенном событиями сюжете дастана «Алпамыш» можно выделить множество эпизодов, напрямую или косвенно отражающих шаманистическую мифологию и обрядность. Так, отправившийся в страну калмыков на выручку своего тестя, обманутый и уснувший Алпамыш, в отличие от сопровождавших его 40 батыров, не сгорает в огне. Ни меч, ни стрелы не причиняют ему никакого вреда. Не имея возможности физически убить его, Калмокош приказывает бросить его в глубокий зиндан.

Впервые Алпамыш проявляет богатырские способности в 7-летнем возрасте, когда натягивает огромный лук деда Олпинбия и стрелой сносит верхушку горы. Как известно, образ лука занимает особое место в ритуалах и мифологии шаманизма. Лук со стрелой часто используется шаманами для поражения духов.

Постоянным спутником Алпамыша является его чудесный конь Бойчибор. Обладающий крыльями, умеющий летать, именно он помогает герою выбраться из подземелья. Здесь прямая аналогия со среднеазиатским шаманством, поскольку конь является главным транспортным средством шамана в его экстатических путешествиях в потусторонний мир.

В алтайской версии дастана «Алып-Манаш» сюжет содержит еще более явные аналогии с шаманской обрядностью. Здесь герой в поисках красавицы Ерке-Карачкы переправляется через реку смерти, оказывается неуязвимым под ударами сабель и пик во время сна, его мать использует кровь в качестве магического средства, богатырь-великан перевоплощается в немощного старика и т. д.

Напомним, что одной из способностей шамана является наличие дара поэта и певца (сказителя). По мнению исследователей, во многих культурах шаманы выполняли не только магические лечебные обряды, но являлись исполнителями легенд и эпоса. Соединение функций, характерных для поэта и шамана, продолжало существовать среди тюрков Центральной Азии вплоть до последнего времени.

Таким образом, наряду с отражением древних тотемистических представлений, культ предков, элементами матриархального мировоззрения узбекский дастан «Алпамыш» содержит широкий спектр других мифологических систем (космологические взгляды, шаманизм), элементы которых продолжают сохраняться в художественном сознании народа. Выдающийся образец узбекского героического эпоса о богатыре Алпамыше, окончательно сформировавшийся к XVI–XVII векам, но продолжающий развиваться и в настоящее время, являет собой уникальный памятник устного поэтического творчества, отражающий многосложность исторического пути развития национального самосознания прошедших эпох.

литературоведение. литературная критика

**Тамара
ВАСИЛЬЕВА**

Родилась в 1945 г. Окончила филологический факультет Саратовского университета. Живет в Ташкенте. Автор сборника стихов «Солнечный край» (2001 г.). Многие годы работала председателем литературно-творческого объединения «Данко» при Российском культурном центре.

РОЖДЕНИЕ ПОЭЗИИ

*И строчка прорастет из музыки-зерна...
А. Кирдянов*

Поэтическое слово... Для многих из нас оно притягательно, слово обладает свойством магнита, какой-то неведомой силой, даже властью. О. Бальзак назвал писательский труд «сладкой работой», т. е. тяжелейшим, но угодным душе и сердцу творца трудом.

В поэзии порою пленяет все стихотворение (как, например, у Н. Заболоцкого «Портрет», «Некрасивая девочка», «О красоте человеческих лиц», «Не позволяй душе лениться», «Дождь» и др.), а порою какая-то отдельная строфа:

*О слов руда...
А в них вдруг камешек шедевра:
Афористичная строка
Блестит необычной гранью.
Исторгнутые огненным нервом
Слова врываются в века!*

У каждого значительного поэта можно найти строки очень близкие сердцам многих из нас, продолжающие волновать и восхищать многие поколения читателей.

Но порой своим творчеством нас поражают в самое сердце и современники. Им удастся достать незабываемые перлы из «небесной шкатулки», в которой вперемешку со многими яркими стекляшками-строфами есть и небольшая горстка истинно драгоценных камешков. Они рождены сердцем поэта. Такая строфа становится «кладом» для читателя: в нужный момент можно обратиться к ней и еще раз порадоваться ее красоте. Она может стабилизировать настроение, дисциплинировать мысли, «разрулить» какую-то ситуацию, помочь принять решение. Поэтическая афористичная строфа часто помогает гармонизировать все вокруг, да и в себе самом.

С Алексеем Кирдяновым я знакома давно и не раз меня поражала какая-либо лаконичная строчка, яркая и меткая метафора в его поэтических текстах. А словесный поток стихотворения словно вычленил ее и огранял, усиливая глубину мысли и чувства.

Исповедальная нота лейтмотивом звучит во многих стихотворениях Алексея Кирдянова. Вот это-то и усиливает впечатление, притягивает внимание, когда читаешь или слушаешь его стихи. Тревожное размышление о жизни в стихотворении «Страх» (из сборника «Классическая роза», изданного в 1999 г.):

*Боюсь упасть в пустые недра,
В петлю из лести и награда.*

Поэту в пору написания этих строк было немногим более двадцати лет: жизнь только начинается, а он уже остро чувствует ее опасные тупики, боится опуститься до лести ради благополучия, получения наград и почестей. Для его высокого юного чувства и сознания это отождествлялось с петлей и удавкой. Сама жизнь, наблюдения за ней и подтолкнули, видимо, его к этому

волнительному напряжению мысли, связанному с боязнью пусть нечаянно, не по своей воле, но попасть в капкан лести и угодничества. Такая психологическая острота проблемы весьма похвальна для поэта-дебютанта.

Юность А. Кирдянова пришлась на период перестроечных лет. Встречи, разлуки, споры, утраты, потери, ленты трудных дорог, ветры и зимняя поэмка, грусть, сомнения, здесь же и любовь, и вера в добро, новые надежды – все это в его ранних стихах. Он видит, остро чувствует красоту человека, мира, природы, что и помогает преодолеть невзгоды:

*Нет надежды – не живи.
Да живет, как видишь, тело,
Хоть душа давно в крови.*

«Не прожить бы жизнь без пользы и вреда», т. е. «пустозвоном» тревожится А. Кирдянов, переживающий неуют дорог и пристанищ, которые выпали на его долю (80-е – начало 90-х годов). Те времена своей «обвальностью», отсутствием четких общественных и нравственных ориентиров коверкали даже зрелые души. И юный Кирдянов, благодаря своей внутренней культуре, не мог тогда принять многого, в частности, «хитростей и премудростей» мира (см. стихотворение «Сытые»).

Уходят «года-вода», приходит зима («Зима всегда как новый век, что осветляет души...»). Ее мощный, емкий, гиперболизированный, какой-то необычный, фирменно-кирдяновский образ как бы вдруг, неожиданно, озаряет душу надеждой на обновление. Короткое стихотворение, состоящее всего из восьми строк («Перед сном» – 1990 г.), каким-то непостижимым способом спрессовывает время, выражающееся запоминающейся усиленной метафорой, свежим сравнением. Короткая строка словно ускоряет время, точный образ зимы дарит свет, веру в возможность приятных перемен, нового опыта, объединяет человека с мирозданием, примиряет его с бытием, ориентирует в пространстве.

Поэзия – это вечный путь, даже когда нет движения по путям-дорогам, остаются воспоминания о прошедшем времени и текущая внутри и вовне повседневность. Ее осмысление в сознании поэта происходит постоянно. Она – свиток, а в свитке – слова, в них «вино» этой жизни. Автор и мы уже «пригубили» его: что-то радует, а что-то печалит. И преобразование во всем этом напряженном духовном движении тоже есть. Поэтому и мечтает поэт, что «с глаз людских» опадет «покрывало» и «гордый слог» возвратится «в города» (см. стихотворение «Что же делать еще? Жизнь – в избытке...» – 2011 г.).

Высокий стиль, надежда на читателя-друга, тонкого и вдумчивого, размышляющего и жаждущего искреннего слова, сопричастного и внимающего, верящего в свет, который обязательно, как говорится, «появится в конце туннеля». Свой творческий мировоззренческий поток поэт встраивает в текущие будни, в наши судьбы, в полотно человеческой жизни.

В зерне, как в зародыше, он слышит музыку прошлого и будущего: «И строчка прорастет из музыки зерна...»¹ (см. эпиграф). Емкий образ словно срывает пелену с глаз, с нашего сознания, с нашего пришедшегося, повседневного бытия и вскрывает тихую прелесть в привычном, неожиданную грань обычного, учит нас видеть ее. Тихая музыка, затаявшаяся в зерне, в душе, предельно сжатая, распухнет нежным ростком, в котором зацветет чудо цветка и плода другого живого явления.

Но и само слово – это тоже нечто живое, поначалу временно сжатое и безмолвное – оно однажды оживает, устремляется к жизни, созиданию, радости и высшим ценностям, которые есть в нас. Они таятся в наших сердцах и наших мыслях, перетекают затем в слова. Их исторгают наша память, наше спящее до поры до времени подсознание. И в подходящий момент прорастает зерно под благостным воздействием тепла. И высокая музыка, постепенно набирая силу и уверенность, откроет наши души, найдет потайные ходы и отомкнет запертые двери. Она распахнет их для познания, для открытий, для созидания, для позитивного видения жизни, для творческих устремлений.

Тогда и рождаются необычные чувства, мысли, особое видение. Строка, удачно вынесенная в название подборки стихов Алексея Кирдянова² заставила меня перелистать сборники стихов поэта и подвигла на эти размышления о великом благе, дарованном людям – даре поэтического слова, поэтического высказывания. Поэтическое начало поэт видит во всем: в листке, цветке, травинке, облаке, звуке, ветре и средствами стихосложения любовно передает образ мироздания. Поэтическое слово – это дивный ключ, открывающий мир, его сокровенную суть.

¹ «Звезда Востока», № 1, 2014 г.

² Там же

переводы

**Владимир
КАМИНЕР**

Родился в Москве в 1967 г. В 1990 г. эмигрировал в Германию. Популярный в интернациональной немецкоязычной молодежной среде писатель, автор книги «Тоталитарная кухня. Поваренная книга социализма».

«СОГРЕВ» НА УЗБЕКСКИЙ ЛАД

(Перевод с немецкого Т. Гулямова)¹

В Институте Гёте в Ташкенте совместно с посольством Германии в Узбекистане была организована литературная встреча с популярным германским писателем г-ном Владимиром Каминером.

Книги писателя о подростках, их интересах, психологии, пристрастиях, отношениях с родителями чрезвычайно популярны в Германии, Австрии, Швейцарии, Люксембурге, Лихтенштейне, а также в немецких диаспорах по всему миру. Они переводятся на многие языки.

Когда пришло время вопросов к писателю. Г-н Каминер учредил приз за два лучших вопроса – две свои книги с авторским автографом.

Одной из этих книг удостоился за свой вопрос о магии любви автор данного перевода. В свою очередь подаривший г-ну Каминеру экземпляр журнала «Звезда Востока» № 4 за 2013 г., где напечатан его рассказ «Райские огурцы, или соленая конфета любви».

Сегодня читателям предлагается перевод одного из рассказов г-на Каминера, вошедшего в подаренную им книгу.

С узбекскими парнями впервые я познакомился, когда проходил службу в армии. Нелегко приходилось им среди наших снегов. Они постоянно мерзли и старались изыскать такой род армейской службы, чтобы быть ближе к печке. Обнаружив ее, узбеки тотчас усаживались вокруг, подогнув на восточный лад ноги под себя. В нашей части узбеки служили истопниками, баншиками, солдатами вешевой службы или кухонной обслуги, словом, держались ближе к теплу.

Раньше в армии существовали землячества: свободное от службы время солдаты старались проводить со своими земляками. Так я, например, большую часть своего времени вне службы проводил с москвичом, которого за импозантную внешность сослуживцы прозвали «профессором». Армейские службы, от которых зависел солдатский быт: кухня, вешевое довольствие – традиционно находились в руках землячеств, и мы с «профессором» решили наладить дружеские связи со всеми землячествами нашей части. Для начала мы решили установить приятельские отношения с Улугбеком, худеньким узбекским пареньком, который в нашей части отвечал за вешевое довольствие. Это было не так-то легко сделать. Улугбек никуда не выходил из тёплой своей каптерки, где он целыми днями пил чай, полулежа среди сотен армейских зеленых подушек без наволочек. Всякий раз, когда мы пытались начать с ним разговор, расспрашивая о его родине, он кричал: «Чё хочешь?», и забрасывал нас подушками.

¹ Живет в Ташкенте. Окончил МГИМО. Писатель, переводчик с узбекского, английского, немецкого языков.

Такое поведение было мотивировано многими причинами. Во-первых, Улугбек чрезвычайно дорожил своим статусом повелителя подушек. Во-вторых, среди подушек он прятал разную мелочь для продажи сослуживцам и организовал таким образом в своей каптёрке настоящий «чёрный» рынок для всей военной части. Ушлость его в коммерческой сфере удивительным образом совмещалась с младенческой наивностью. Так, например, мой друг «профессор» уговорил как-то Улугбека купить у него розетку, заверяя, что если привинтить эту розетку к любой стенке, то можно целыми днями заваривать себе чай в электрочайнике. А если включить в неё наушники, можно слушать радио. Улугбек с энтузиазмом привинтил розетку к внутренней стене своей каптёрки и был очень разочарован, когда ни музыкой, ни чаем, она его не одарила.

Узбеки нашей военной части страдали не только от холода, но и от того, что между местом их службы и Узбекистаном дистанция составляла многие тысячи километров. В то время как другие солдаты более или менее регулярно получали продукты из родных мест, узбекские продукты такой долгий путь выдержать не могли. Но предприимчивые узбеки пытались всё же не терять продуктовую связь со своей родиной.

Иногда Улугбек выходил на шоссе, пролегающее мимо нашего гарнизона, по которому в определённое время передвигались военные фуры. Однажды мы увидели, что остановился грузовик, и шофёр – тоже узбек – выйдя из грузовика и переговорив о чём-то коротко с Улугбеком, передал ему нечто, похожее на большую бутылку.

– Водка! – обрадовался «профессор». – Настоящая узбекская водка!

– Успокойся ты! – сказал я «профессору». – Узбеки водку не пьют. И я никогда не слышал, что бывает узбекская водка...

– Да пьют, конечно! Водку все пьют! И узбеки пьют втихаря... – возбуждённо шептал «профессор».

Мы проследили, что Улугбек спрятал бутылку под плинтусом пола. Там между двух досок имелась приличная щель. Ночью, предвкушая удовольствие от узбекской водки, мы пошли на охоту и быстро обнаружили спиртное. Это была большая бутыл из-под молока, полная какой-то зелёной субстанции. Она выглядела как травка...

– Наркотик узбекский! – громким шёпотом объявил «профессор». Глаза его блестели. – Анаша!

Мы отсыпали немного анаши из бутылки себе в карманы брюк, и пошли в курилку. Полночи пытались мы распробовать блаженство узбекского наркотика, но что-то было не так. Самокрутка из узбекской травки не желала раскуриваться – то потухала, то вдруг громко взрывалась в руке, осыпая нас горящими искорками, которые даже прожгли несколько дырочек в нашей униформе. Позже «профессор» уверял меня, что после последней затяжки его посетила-таки странная галлюцинация: он превратился в змею и проворно полз по пустыне вместе со своей мамой, которая тоже превратилась в змею. Они пытались поймать мышку, чтобы пообедать. Это им не удалось, и тогда мама «профессора» выпустила из пасти длинный острый язык и – упс! – проглотила своего сына...

После всех этих перевоплощений у «профессора» был несколько изнурённый вид. Но он всё же ещё разжевал и проглотил целую пригоршню наркотической травки и, в конце концов, остался очень доволен своим знакомством с настоящим узбекским наркотиком. Меня же мучили сомнения. На следующий день я сознался Улугбеку в краже и спросил, что же на самом деле было в той бутылке. Повелитель подушек расхохотался так, что покатило вниз со своей мягкой горы, на которой восседал, когда я зашёл к нему в каптёрку.

– Зелёный чай! – кричал он, корчась на полу от смеха. – Это был зелёный чай!

В итоге Улугбек пригласил меня и «профессора» на настоящий зелёный чай. Была устроена целая церемония у него в каптёрке. Разливая чай по стаканам, Улугбек рассказывал нам, что зелёный чай – это важнейший напиток в Средней Азии, утоляющий жажду лучше любой минеральной воды. Лично он не смог бы без зелёного чая вынести тяготы армейской службы. Чай хорош в жару, но помогает и в холода.

Так мы стали друзьями. Теперь частенько, когда за окнами метровые сугробы снега, мы сидели в тёплой каптёрке среди зелёных подушек, на которых был проштампован номер нашей части, и пили настоящий зелёный чай из Узбекистана.

– Жаль всё-таки, что это не наркотик – бормотал «профессор», задумчиво разглядывая дно своего стакана.

– Его я тебе тоже достану, – отвечал Улугбек. – Я знаю, как сделать наркотик из куриного помёта...

– А я тебе за это подарю настоящую розетку! – пообещал «профессор», – сможешь и музыку слушать, и чай заваривать. После службы заберёшь с собой в Узбекистан. Она вечная. Будет напоминать тебе обо мне...

проза

**Саидамин
БАКИЕВ**

Окончил МГУ.
Доктор технических наук. Специалист в области прикладной ядерной физики и ядерной аналитики. Имеет более 100 научных публикаций, автор 2 книг по мерфологии (изд. Москва). Представлен в международных биографических изданиях «Кто есть кто в мире», «Кто есть кто в Азии» и «2000 выдающихся интеллектуалов XXI столетия».

НАУКОЛОГИЯ

*Толпа естествоиспытателей
на тайны мира пялит взоры,
а жизнь их шлет к такой-то матери
сквозь их могучие приборы.*
И. Губерман

Законы Адама и Евы, или зарождение науки (по Марку Твену)

Закон Адама об устремлении жидкостей

Вода и подобные ей жидкости текут вниз, а не вверх.

Закон Евы о течении рек

Реки текут от более высокого к более низкому месту днем. Ночью же, когда никто не видит, они текут в обратном направлении. Иначе озера и другие источники воды давно бы пересохли.

Комментарий Бакиева

Здесь мы видим переход от чисто наблюдательных суждений у Адама к логике у Евы. Пусть безбукоризненной, но все же, логике. Женской.

Общая наукология

Определитель науки М. Глюкмана

Наука – это любая дисциплина, в которой дураки одного поколения могут пойти дальше любой точки, которой достигли гении предыдущего поколения.

Принцип Я. Гольцанского

Я мыслю и на это существую.

Аксиома Г. Миллера

Увеличивая область знания, мы лишь расширяем горизонт невежества.

Определение Г. Миллера

Хаосом мы называем порядок, который нам не понятен.

Аксиома Бальзака

Ключом ко всякой науке является вопросительный знак.

Стимул ученого по Ж. Ростану

Радости естествоиспытателя: заирать юбки природе.

Статистика нашего времени

90% всех когда-либо живших ученых – наши современники.

Замечание А. Мака

Откуда, скажите на милость, возьмутся новые идеи и новые подходы, если 90% всех когда-либо живших ученых еще даже не умерли?

Определитель науки Р. Гутковского

Наука – это систематизированное расширение области человеческого незнания.

Парадокс нашего времени

В наше время часто сидишь рядом с тем, на плечах которого стоишь.

Принцип пьедестала предшественников Б. Шартрского и И. Ньютона

Мы как карлики на плечах гигантов, и потому можем видеть больше и дальше, чем они.

Принцип Архимовича

Наука – лучший способ удовлетворения любопытства частных лиц за счет государства.

Закон Фелсона

Кража идей у одного человека – плагиат, кража у многих – научное исследование.

Диссертационный принцип Ф. Доуби

Диссертация среднего доктора философии есть не что иное, как перетаскивание костей с одного кладбища на другое.

Диссертационное определение Ключевского

Ученые диссертации имеют двух оппонентов и ни одного читателя.

Парадокс Эпикура

В ученом споре больше выигрывает побежденный.

Замечание Лешека Кумора

Даже авторитеты не в силах помешать прогрессу науки.

Критерий величия ученого

Величие ученого определяется тем, на сколько лет он задержал развитие науки в своей области.

Принцип полноты картины

Ученые настолько ушли с головой каждый в свое, что не видят ни одного явления в целом, включая собственные исследования.

Дополнение к принципу полноты картины

Когда ученые перестают за деревьями видеть лес, они приступают к изучению отдельных листьев.

Постулат фатальной направленности науки

Над чем бы ни работал ученый, в результате всегда получается оружие.

Суть фундаментальных исследований по Вернеру фон Брауну

Фундаментальные исследования – это то, чем я занимаюсь, когда понятия не имею, чем я занимаюсь.

Цель фундаментальных исследований по Х. Алкинзу

Фундаментальные исследования – примерно то же самое, что пускать стрелу в воздух и там, где она упадет, рисовать мишень.

Френсис Бекон о соотношении фундаментальных и прикладных наук

Применение науки составляет особое умение, гораздо более высокое, чем сама наука.

Э. Резерфорд о соотношении финансирования науки и ее эффективности

У нас нет денег, поэтому нам приходится думать.

Определение Ж. Алферова

Наукоемкая технология – технология, где сырью требуется на рубль, а интеллекта на миллион.

Критерий оценки научной работы по Капице

Чем лучше работа, тем короче она может быть доложена.

Критерий изложения научной работы по Эйнштейну

Все должно быть изложено так просто, как только возможно, но не проще.

Определитель статистики Жана Ку

Статистика – самая точная из лженаук.

Статистика и принцип бикини

Статистика – все равно, что купальник бикини. То, что она показывает, весьма привлекательно, но куда интересней то, что она скрывает.

Классификатор лжи по М. Твену

Существует три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика.

Теории и гипотезы**Томас Гексли**

Вечная трагедия науки – уродливые факты убивают красивые гипотезы.

Анри Пуанкаре

Наука – это кладбище гипотез.

Стефан Гарчиньский

Факты – это песок, скрежешущий в шестернях теории.

Уршула Зыбура

Красивые теории, как и красивые женщины, часто бывают неверными.

Стоит ли ученику перерастать учителя, если теория неверна?

Ученые

Чернила ученого и кровь мученика имеют перед Небом одинаковую ценность.

Коран

Будь ученым. На худой конец, будь изучающим науки, или слушателем, или любителем. Другим не будь – пропадешь.

Халис

Обучайся наукам и ремеслу, даже если для этого нужно ехать в Китай.

Халис

Час занятий наукой лучше моления до утра. День занятий наукой лучше трехмесячного поста.

Халис

Курт Воннегут

Если ученый не может объяснить восьмилетнему мальчику, чем он занимается, то он шарлатан.

Клод Леви-Стросс

Ученый – это не тот, кто дает правильные ответы, а тот, кто ставит правильные вопросы.

Георг Лихтенберг

В слове «ученый» заключается только понятие о том, что его много учили, но это еще не значит, что он чему-нибудь научился.

Хуго Штейнхаус

Некоторые дети так любят школу, что хотят оставаться в ней всю жизнь. Из них-то и выходят ученые.

Как трогательно, что простые люди просят совета у ученых людей! И как разумно, что они этим советам не следуют!

А. Пашков

В любом ученом совете больше голов, чем мозгов.

А. Пашков в прочтении С. Бакиева

Ученых надо считать не по головам, а по мозгам!

Правило разности потенциалов И. Иванюка

Разность научных потенциалов создает в коллективе известное напряжение.

Фактология**Тобайас Смоллетт**

Факты – упрямая вещь.

Владимир Колечицкий

Факты считаются упрямыми, если не подтверждают чью-то теорию.

Гегель

Если факты противоречат моей теории, то тем хуже для фактов.

Марк Твен

Прежде всего нам нужны факты, а уж потом их можно проверять.

Гельвеций

Знание некоторых принципов легко возмещает незнание некоторых фактов.

Мортимер Аллер

В телефонной книге полно фактов, но нет ни одной мысли.

Физика**Реакция Э. Резерфорда на присвоение ему Нобелевской премии по химии**

Науки делятся на две группы – на физику и собирание марок.

С. Е. Леу

Когда видишь уравнение $E = mc^2$, становится стыдно за свою болтливость.

Альберт Эйнштейн о «принципе неопределенности»

Господь Бог не играет в кости.

Стивен Хокинг

Господь не только играет в кости, но к тому забрасывает их порою туда, где мы их не можем увидеть.

Френк Заппа

Есть два элемента, которые наиболее часто встречаются во Вселенной, – водород и глупость.

Фредерик Жолио-Кюри

Чем дальше эксперимент от теории, тем ближе он к Нобелевской премии.

Петр Капица

Когда теория совпадает с экспериментом, то это уже не открытие, а закрытие.

Н. Бор

Эта теория не настолько сумасшедшая, чтобы быть истинной.

Мерфологическая физика**Постулат надежности эксперимента**

Никто не верит в гипотезу, за исключением того, кто ее выдвинул, но все верят в эксперимент, за исключением того, кто его проводил.

Фактор надежности эксперимента по Ярмухамедову

Приборы не заинтересованы обманывать экспериментаторов.

Фактор ненадежности эксперимента по Бакиеву

Приборы не заинтересованы обманывать экспериментаторов, однако экспериментаторы сами, порой, обманываться рады.

Принцип воспроизводимости эксперимента

Эксперимент должен быть воспроизводимым, то есть терпеть неудачу одним и тем же способом.

Уточнение принципа воспроизводимости эксперимента

Всякий эксперимент воспроизводим до тех пор, пока его не пытаются повторить в другой лаборатории.

Количественная мера визит-эффекта

Если вы решили что-либо продемонстрировать, количество ошибок будет прямо пропорционально количеству зрителей.

Закон Бакиева о пятой силе.

В природе, кроме четырех сил, существует еще пятая, реально наблюдаемая, воспроизводимая и не сводимая к четырем известным – это сила взаимного притяжения рюмок и бокалов.

Из Азбуки ядерной физики (Э. Гольник, С. Кадменский П. Райхлер)

Активность – способность изменять свое или чужое состояние, или то и другое одновременно. В ядерной физике как ядра, так и физики, проявляя активность, переходят в более устойчивые состояния, в которых активности уже не проявляют.

База – ядерная физика стоит на теоретической базе, которая опирается на экспериментальную базу, которая покоится на финансовой базе. Без эксперимента теория девальвирует; без финансов экспериментаторы изучают теорию; без теории ставятся эксперименты с финансами.

Конкретные ядра. Физик, затрудняющийся сказать что-либо конкретное в теории ядра, может легко это сделать в секции конкретных ядер.

Модель – это замочная скважина, через которую можно рассмотреть часть того, что делается природой при закрытых дверях. Чистые теоретики, горло отказывающиеся подглядывать в замочные скважины, изучают, как правило, конструкции замков.

Принцип неопределенности – средство защиты нежных объектов природы от вторжения в их интимную жизнь. Элементарные частицы требуют элементарного такта.

Электрон – бесконечно непонятный объект, именуемый элементарной частицей по причине бесконечно малых знаний о нем. Странно, что атомное ядро не считают элементарным...

Ядро – ?..

Мерфологическая медицина**Наблюдение А. Моруа**

Наука шагает вперед, а смертность человеческая как была, так и остается стопроцентной!

Медицинский совет Бакиева

Если никакие средства не помогают, обратитесь, наконец, к врачу.

Замечание А. Гиннеса

Лишь немногие из тех, кого мучает кашель, идут к врачу; остальные идут в театр.

Вопрос из фильма «Не горюй»

Зачем господь насылает на людей болезни, если находятся люди, умеющие их лечить?

Медико-мерфологический принцип А. Кумора

Больше всего тех болезней, которых мы больше всего боимся.

Закон Гиппократ

У стариков меньше болезней, чем у молодых, но эти болезни уже на всю жизнь.

Медико-этимологический закон

Наши болезни все те же, что и тысячу лет назад, но врачи подыскивали им более дорогие названия.

Аксиома Сенеки

Умрешь не потому, что хворает, а потому, что живешь.

Закон Тацита

Лекарства действуют медленнее, чем болезнь.

Определение Вольтера

Искусство медицины состоит в том, чтобы помогать пациенту коротать время, пока природа излечивает болезнь.

Аксиома Жана Поля

Хороший врач спасет если не от болезни, то хотя бы от плохого врача.

Определение Б. Франклина

Лучший врач тот, кто знает бесполезность многих лекарств.

Народная мудрость

Чем больше докторов, тем больше болезней.

Диагностический постулат (АИФ)

Нет здоровых пациентов – есть плохо обследованные.

Девиз Дона-Аминадо

Лучше быть здоровым, но богатым, чем бедным, но больным.

Вариант Н. Богословского

Лучше быть больным, но богатым, чем больным, но бедным.

Правило жизненных ножниц

Жизнь начинается после сорока, и тогда же начинаются старение и болезни.

Витамедицинский парадокс Р. Рейгана

Я заметил, что все сторонники абортот – это люди, которые уже успели родиться.

Определение хирургии

Хирургия – терапия, доведенная до отчаяния.

Объявление (А. Вансович)

Хороший хирург поможет плохому танцору.

Неудачная операция – половина удачного вскрытия.

Вскрытие – самая точная область медицины.

Вскрытие показало, что больной умер от вскрытия.

Девиз терапевтов

Иных уж нет, а тех – долечим!

Девиз хирургов

Тяжело при операции, но легко в раю.

Пограничное определение Крутиера

Морг – это приемный покой того света.

Другие научные аспекты**«Краткий определитель наук»**

Если оно зеленое или дергается – это биология.

Если воняет – это химия. Если не работает – это физика.

Добавления Бакиева к «Краткому определителю наук»

Если повторяется, но не учит – это история. Если ищет то, что не теряла – это геология. Если изучает белые пятна – это география или дерматология. Если делает неверный прогноз, то это метеорология. Если продлевает жизнь и наши мучения – это медицина.

Биологическая классификация Бакиева

Биологи делятся на три категории:

- великие биологи,
- биологи,
- микробиологи.

Принцип Р. Бёртона

Каждый год можно производить генералов, но не ученых.

Постулат спасительного уровня Р. Карпача

Достаточно снизить уровень мышления, чтобы иные почувствовали почву под ногами.

Закон Соломона

Все новое – это основательно забытое старое.

Вопрос Бакиева к закону Соломона

Интересно, сколько же надо ждать, чтобы можно было подавать заново чужую нобелевскую работу?

Закон К. Пруткива

Многие вещи нам не понятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий.

Во всех частях земного шара имеются свои, даже иногда очень любопытные, другие части.

Разум показывает человеку не только внешний вид, красоту и доброту каждого предмета, но и снабждает его действительным его употреблением.

Казусы научного предвидения (Э. Резерфорд)

Энергия, выделяемая при распаде атома, очень слабый вид энергии. Те, кто ожидает получить источник энергии от превращения этих самых атомов, большие фантазеры.

Закон Янга

Все великие открытия делаются по ошибке.

Эйнштейн о механизме великих открытий

Все знают, что такое-то явление невозможно, но находится один дурак, который этого не знает и открывает.

Вывод Бакиева о великих открытиях

Таким образом, все великие открытия делаются либо по ошибке, либо по невежеству.

новые имена

РЕКЛАМА – ВЕЛИЧАЙШЕЕ ИСКУССТВО XXI ВЕКА

В настоящее время реклама проникает в различные сферы бытия человека и культуры. Как особый синтез материальной и духовной деятельности человека реклама представляет собой противоречивую утилитарно-эстетическую структуру, образующую специфическое смысловое пространство – рекламную картину мира». Она представляет собой специфический способ творческой самореализации человека, в рамках которого происходят конструирование, трансляция и потребление рекламных образов, вмещающих в себя как объективную рекламную идею, так и субъективные свойства своего создателя (особый слог, стиль, почерк). Кроме того, каждое рекламное произведение так или иначе воспроизводит специфическую культуру своей эпохи, присущие ей мировоззрение и художественный стиль. Способность влиять на умонастроения, модель поведения, стиль жизни позволяют рассматривать рекламу как универсальное социокультурное явление, в том числе, и как явление искусства.

Является ли реклама искусством? На сегодняшний день этот вопрос не имеет однозначного ответа. Мнения исследователей по этому поводу распределяются следующим образом: реклама не является искусством, так как имеет сугубо прагматические цели; реклама является видом прикладного искусства (в значении «мастерство»); реклама – это современный синтетический вид искусства.

Принимая во внимание различие в конечных целях осмысления действительности между рекламой и искусством, следует отметить, что приемы, способы и художественные средства этого осмысления во многом одинаковы и применяются как искусством, так и рекламой. Поэтому можно говорить о рекламном произведении как о художественном. Сам процесс творчества в рекламе, как и в искусстве, вбирает в себя впечатления, события и факты, взятые из действительности. Автор перерабатывает весь этот материал, воспроизводя новую реальность – художественный мир созданного им произведения.

Различия между рекламой и искусством в том, что основной функцией искусства как средства продуцирования и трансляции духовных ценностей является эстетическая, а в рекламе на первый план выступает ее утилитарно-прагматическая сущность. Эстетическая функция рекламного произведения подчиненна прагматическим целям.

Следует отметить, что реклама является особым видом **массового искусства**, так как она наглядно демонстрирует общность художественных выразительно-образительных средств и приемов, направленных в первую очередь на привлечение внимания массовой аудитории и создание особой зрелищности. Реклама в современном обществе выполняет

**Сакина
МУХАМЕДЖАНОВА**

Родилась в 1988 г. в Ташкенте. Окончила Национальный Институт художеств и дизайна имени Камолиддина Бехзода. Старший научный сотрудник-соискатель. Имеет публикации в журналах «Общественные науки в Узбекистане», «Санъат» и др. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

функции не свойственные ни одному из видов массового искусства – она является своеобразной социальной мифологией, вбирающей в себя представления народных масс.

Потребители из разных стран часто относятся к разным культурам, при этом, культуры, как известно, могут значительно различаться и в пределах одной страны. Все это, несомненно, влияет на процесс распространения и восприятия информации. А так как реклама чаще всего оперирует символическими обозначениями свойств продукта, а приемы и способы истолкования смысла сообщения у разных культур различаются, то, по мнению американских специалистов в области рекламы, для того, чтобы реклама достигла успеха, необходимо полное понимание особенностей культуры, в среде которой распространяется рекламное сообщение.

Даже такая особенность рекламы, как цвет, является носителем определенной информации для той или иной среды. При использовании цвета в рекламе очень важно учитывать национальные особенности его восприятия. Ведь вполне вероятно, что цвет, который воодушевит и заставит действовать человека в одной стране, может привести в уныние и отчаяние человека в другой стране.

Яркий пример тому случай с компанией «Мир детства». Начав работать в Башкирии, компания «Мир детства» столкнулась с неожиданной проблемой: уфимские партнеры отказывались от детской одежды фиолетового цвета, которая, по данным маркетинговых исследований, наоборот, должна была пользоваться большим успехом. Вскоре выяснилось, что фиолетовый цвет для башкир символизирует траур.

Еще одна особенность современной рекламы – это способность влиять на эмоциональное состояние человека на подсознательном уровне. Часто это наблюдается на примерах социальной рекламы, раскрывающей разнообразные проблемы общества. Например, образ брошенного ребенка с умоляющим взглядом и надписью «Мама, я жду тебя!» вызывает сострадание и невольную печаль, тем самым подталкивая общество к размышлениям, к решению проблемы сиротства.

Итак, анализ специфических особенностей рекламы доказал, что реклама, неотъемлемо принадлежа к сфере современного массового искусства, имеет ряд конкретных характеристик, выделяющих ее из ряда других видов массового искусства. Особенности положения рекламы в обществе определяется ее влиянием на общественно-культурную жизнь и психологическое состояние социума. Многопрофильность современной рекламы открывает широкие перспективы для дальнейшего исследования данного феномена в различных аспектах.

философия искусства

РОЛЬ КИНО И ТЕЛЕВИДЕНИЯ В КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ОБНОВЛЕНИИ ОБЩЕСТВА

Кино и телевидение (как и всякий другой вид искусства) – отражение общественного сознания, метаморфоз, происходящих в социуме на том или ином этапе его исторического развития. Кроме того кино и телевидение представляют собой особый социальный институт, формирующий зрителя и влияющий на самосознание общества, способствуя расширению и углублению его сознания, способов самовыражения.

Кинематограф и телевидение корнями уходят в живую реальность, смена исторических эпох обуславливает изменения и преобразования в них. Известный казахстанский киновед и критик Абикеева Г. отмечает следующие особенности становления и обновления, теперь независимых, бывших советских кино: «В первые годы становления независимости во всех странах Центральной Азии наблюдается подъем национального кино, потому что именно в эти годы кинематографисты впервые затрагивают темы, запретные для кинематографа советской поры, обращаются к своим корням, создают фильмы, в полной мере отражающие национальную идентичность народа».

Если раньше кинематограф, как и телевидение, выступал мощным инструментом укрепления партийной власти, то с распадом советского режима с их помощью происходит постепенное глубокое осознание новой жизни, нового времени, понимание современных реалий, возврат к традициям и корням национальной культуры.

В переходный период и первое десятилетие независимости на экранах появляются фильмы, в которых ярко отражен национальный колорит – «Абдуллажон» (1991), «Бомба» (1995), «Маленький табиб» (1998) Мусакова З., «Чимилдик» (1999) Абзалова М., «Мужской танец» (2001) Разыкова Ю., переосмыслены социально-исторические аспекты прошлого узбекского народа – «До рассвета» (1993) Азимова Ю., «Великий Амир Темура» (1998) Эргашева И., «Маргиана» (1997), «Алпомиш» (2000) Файзилова Х., «Долина моих отцов» (1998) Аббасова Ш., «Товариш Бойкенжаев» (2002) Разыкова Ю., «Родина» (2005), «Свинет» (2011) Мусакова З., «Афган» Туйчиева Е. и др.

Выступая мощным инструментом культурного и идеологического обновления общества, тандем кино и телевидения, прежде всего, выполняет важные эффективные социальные функции. Большинство ученых выделяют следующие основные функции кино и телевидения: эвристическая, коммуникативная, познавательная, эстетическая, воспитательная и развлекательная. Эвристическая функция национального кинематографа представлена в картинах переходного периода, когда режиссеры стремились восстановить историческую справедливость, рассказывая в фильмах о новых фактах, замалчиваемых ранее, или по-новому толкуя их.

Коммуникативная функция свойственна практически любому фильму. Герой, обращающийся с экрана к зрителю, так или иначе ведет с ним прямой или косвенный диалог, итог которого может воплотиться уже в познавательной или воспитательной

**Элеонора
ГАНИЕВА**

Родилась в 1987 г. Окончила Ташкентский институт культуры им. А. Кадыри, отделение «Режиссура массовых праздников». Старший научный сотрудник-исследователь отдела «Кино и телевидение» в Институте искусствознания АН РУз. Публиковалась в «Народном слове», «Зеркале XXI», «Молодежи Узбекистана», «Вечернем Ташкенте», «Учителе Узбекистана».

функциях. К примеру, герой фильма Мусакова З. «Родина» вспоминает о своей трудной, полной боли, страданий и потере жизни. Возвратившись на Родину спустя многие годы, проведенные в Америке, он по-прежнему осознает себя узбеком и пытается привить чувство любви ко всему родному своему сыну, но тот наотрез отказывается признавать свою принадлежность к узбекскому народу. Герой картины утверждает ценность истинных корней, своих национальных истоков, значимость родовых и семейных ценностей.

Особенно важна эстетическая функция узбекского кинематографа, многообразно представляющая национальный колорит, традиции и обычаи узбекского народа. Образцом эстетики узбекского кино и по сей день остается картина Камаковой К. «Иўл бўлсин» («Дорога под небесами»), снятая в 2005 г., каждый кадр которой наполнен особым скрытым смыслом, порой не совсем понятным современному зрителю, выросшему на образах массовой культуры.

В узбекском кинематографе эстетическая составляющая необычайно богата и разнообразна. Это и эстетика художественного содержания, и внутреннего мира героев, и времени («Маленький табиб» (1998) Мусакова З., «Чимилдик» (1999) Абзалова М., «Пари-момо» (2000) Раджабова М., «Мужской танец» (2001), «Девичий пастух» (2004) Разыкова Ю., «Источник» (2006) Туйчиева Ё., «Забаржад» (2007) Адылова Б., «Юрта» (2007) Шахобидинова А. и т. д.)

С началом XXI в. и переходом к рыночной экономике в национальном кинематографе активизируется процесс формирования коммерческого кино, выполняющего в основном развлекательную функцию. Его представляет небольшой круг режиссеров – Якубов Б. («Супер келинчак», 2008; «Зирапча», 2009); Савдиев Р. («Келгинди келин», 2006; «Келгинди куёв», 2007; «Эр бермок – жон бермок», 2011; «Ўғай она», 2012); Ахмедов Д. («Тундан тонгача», 2010; «Олинг куда – беринг куда», 2011); Карали Е. («Жодугар, 2011; «Мажрух», 2011; «Ёндирди – куйдиради», 2012); Узаков А. («Менинг акам буйдок», 2011; «Энди дадам буйдок», 2013) и другие. Эти фильмы широко известны благодаря широкому прокату не только в кинотеатрах страны, но и на телевидении Узбекистана.

Коммерческое кино подвергается частой критике за жанровое однообразие, слабое сценарное мастерство, банальность героев, ориентацию на спрос невзыскательной зрительской аудитории. Вместе с тем, коммерческие фильмы содержат мощный потенциал: здесь идет накопление профессионального опыта, происходит становление относительно новой для нашей страны профессии продюсера, накопленный в коммерческом сегменте опыт дает импульс для развития кинематографа Узбекистана, его восхождения на новый качественный уровень, при условии, что в это производство будет вовлечено необходимое количество профессиональных кадров.

Что касается взаимодействия национального кино и телевидения, то предварительное исследование отечественных кинолент, демонстрируемых на телеканалах, приводит к выводу, что на канале «O'zbekiston» достаточно значительное место отводится показу фильмов, созданных в годы независимости под эгидой НА «Ўзбеккино». В их числе известные картины «Осмон якин» (2006), Мусакова З., «Катта ойи» (2006) Джалалова Ф., «Чавандоз» (2007), «Учар от» (2011) Хасанова Х., «Сукунат» (2008), «Шабнам» (2008) Туйчиева Ё., «Кечиккан ҳаёт» (2011) Шахобидинова А., «Сўнгги лаҳза» (2010) Бектурдєва А. и др.

По сравнению с каналом «O'zbekiston» телеканал «Yoshlar» чаще демонстрирует старые фильмы, ставшие легендой отечественного кино.

Особую важность вопрос взаимодействия киноискусства и телевидения приобретает, когда речь заходит о воспитании подрастающего поколения. В данном направлении весьма большую ответственность несет и кинематограф, и ТВ. К сожалению, на данном этапе развития отечественный кинематограф еще не полностью удовлетворяет растущие требования телевидения, и это относится не только к количеству, но и к качеству выпускаемых фильмов. Этот фактор отражается и на современном зрителе, требующем от кинопродукции фильмов более богатых духовно, способных дать ответы на жизненные вопросы, помочь в осознании окружающей реальности, найти собственное место в мире. Сегодня отечественный кинематограф располагает недостаточным количеством фильмов, отвечающих таким требованиям.

Не всегда качественным оказывается коммерческое кино, заполняющее кинотеатры и телеэкраны и, несомненно, в большинстве случаев, оказывающее негативное влияние на своего зрителя. Круг тем коммерческого кино редко выходит за рамки уже неоднократно разработанных, вызывая тем самым впечатление дежавю при просмотре фильмов, формируя не совсем верное представление о современном узбекском кино у зарубежного зрителя.

Все же, несмотря на вышеописанные недостатки, кино в сочетании с ТВ играет значительную роль в построении картины окружающего мира не только в обществе, но и в сознании каждой отдельной личности. Тандемом кино и ТВ накоплен уже достаточно большой опыт, и продолжается работа по усовершенствованию, что дает основание рассчитывать на возрастание их роли в процессе культурно-нравственного воспитания и идеологического обновления общества.

возвращение к читателю

ВДВОЕМ

Рассказ

Редакция выражает благодарность вдове писателя Нине Нисенбойм за материалы из архива В. Баграмова, впервые публикующиеся в журнале «Звезда Востока».

На жёстких, пропахших сырой дезинфекцией подушках умирал дед Кроха. Большие руки и ноги его торчали из-под короткого больничного пододеяльника, как куски арматуры из разбитого бетонного блока. Грудь тяжело вздымалась, при каждом вдохе в ней что-то сипело и булькало, а выдох был коротким и бесшумным. Один глаз дед смотрел широко и пронзительно куда-то в потолок, другой косил вбок, хитровато прищуренный. Он третьи сутки не приходил в сознание, его сжирал рак. Возле кровати лежал дедов протез, отполированная годами тяжёлая деревяшка с хитросплетением сырмятных ремней. Костыли стояли в углу палаты рядом со стойкой капельницы. В палате воздух густ и вязок, настоян на запахе лекарств, больного тела и ещё чего-то, вызывающего чувство неуверенности и близости смерти. История его болезни короткая и неинтересная. Впервые обратился месяц назад с жалобами на одышку, лютый кашель с кровью и бессонницу. Рентген показал огромную опухоль, закрывшую левое лёгкое, наползающую на половину правого. Дед был безнадёжен, поэтому его не хотели класть в районную больницу, чтобы не портить статистику, но он был инвалидом Великой Отечественной, и врачи испугались, дали отдельную палату. Лечить было поздно, от наркотиков он отказывался сам, хотя очень мучился болями в груди. Жил за счёт могучего, как сказал врач, «прямо-таки, воловьего сердца», но в последние пять дней стало сдавать и оно. Появилась мерцательная аритмия, явления сердечной недостаточности и кислородного голодания. На табуретке рядом с постелью сидела маленькая, сухонькая старушка, Зинаида Ивановна Крохонина, бабка Кроха. На коленях у неё была старая клеенчатая сумка, которую она не выпускала из рук ни при каких обстоятельствах. Бабка дремала, опустив голову на грудь, изредка поднимала голову и сонно смотрела на мужа. Трое суток назад дед потерял сознание, с тех пор она не выходила из палаты, разве что по нужде. На уговоры пойти и выспаться – бабка плакала и хватала врачей за руки, умоляюще смотрела, они отступали. Дед глубоко вздохнул, в груди его пискнуло, задержал дыхание. Бабка моментально встрепенулась и подняла голову – оба дедова глаза смотрели на нее осмысленно и строго. Бабка растерялась, уронила сумку, нагнулась поднять и чуть сама не упала. Усевшись, стала поправлять выбившиеся из-под платка волосы.

– Коль? – позвала неуверенно, тронув сухой, как птичья лапа, рукой дедову грудь. – Ты как, оклемался? Может, молочка, ты скажи, а то молчишь и гаркаешь. В груди у тебя гарк-гарк, аж обмерла я!

– Питть, – еле слышно выговорил дед Кроха и облизал губы.

– Ой, батюшки, а погоди-ка, милый!

Бабка уцепила с тумбочки поильник с отбитым носиком и поднесла его к заросшему седым неопрятным волосом рту. Дед Кроха тяжело глотнул, потом ещё и откинулся на подушку. Незначительное усилие вызвало на лице обильный пот.

– Есть будешь? Ты скажи, так и куря принесу, или еще чего. На обед-то вермишель давали, и ее можно, а?

– Квочка, – неожиданно чётким голосом выговорил дед.

**ВЛАДИМИР
БАГРАМОВ**

Родился в 1948 г. Окончил Государственную Академию музыки им. Гнесиных. Автор романов «Прощанье с птицами», «Страна убитых птиц», сборника стихов «Босиком по облаку», а также 15 пьес. Заслуженный артист Узбекистана. Ушел из жизни 16 июня 2011 г.

Бабка от удивления отпрянула, потом, видно, не поверив, нагнулась ближе к дедову лицу.

– Чего сказал, Коль, чего сказал-то, громче шуми!

– Квочка и... – дед облизал губы, – и дура.

Бабка выпрямилась, сурово посмотрела, поджав губы, и отвернулась.

– Эх, ты, Коля, Коля-Николай! Сам дурак, вот чего, смерть твоя под окнами бродит, а у тебя для жены и слова ласкового нет. Да...

Долго молчали. Ветер шевелил больничную застиранную занавеску, пронёсился по палате, выскальзывая сквознячком в широкую щель под дверью. Дед и бабка были похожи друг на друга. Ввалившиеся провалы щек, тонкие веки и глубокие разрезы-морщины, избородившие лица по всем направлениям. Выцветшие от времени до неопределённого цвета глаза.

– Вот чего думаю, Коль, всю жизнь я вокруг тебя навроде воробья прыгаю. С войны ждала, почитай три года, ну, пришёл, а потом опять! Опять, говорю, ждала, хоть и не уходил никуда. Мне твои измены лютые всю сердцу проели, вот чего. Баб-то в деревне – тьма египетская, а мужиков и нетути, так, думаешь, не знаю, сколь разов крался ты, кобеляка долгонося, на своей деревяшке по чужим огородам? Сколь детишков по соседским деревням настрогола... Знаю, все я, Коля, знаю, может, оттого Бог и не дал свою дитю-то. Может, он мне такую на-казанию придумал, чтобы ждать тебя, да встречать после кобелиных походов твоих. Бабы что, тьфу на них, но вот подружку свою, Верку Самохину, я, Коля, не прошу. У ее окон сколь разов с каменюкой дежурила, знала, что ты у нее, свадьбы без свечей празднуете... Как дам, думаю, по стёклышкам камнем, а потом и Верку за волосы, да в кровь ее! И истыну, и опомнюсь, куда деваться-то бабе, без мужика живет, у нее кровь кипит, грудь молоком перегораёт. Уехала уж больно скоро с деревни-то, никак твою дитю по свету мыкать поволокла. Вот дура Верка, вот дура, да я б и словом не обмолвилась. Мужиков повыбило, постеляло, так кому-кому, а рожать-то надо, а? Вот проклятая жизнь, Господи, и чего мне бог дитя не послал, чего брюхо мое не насытил? Я б поплакалась и потомилась ребёнку-то, коль был бы, а так-то оно, Коля, тоска-маета голая. Баба-пустоцвет сама живьем мрет, ее судьбина горше горькой.

Бабка замолчала, некоторое время сидела неподвижно. Светлые капли текли по её лицу, западали в морщины, собирались в них в тонкие ручейки.

– Вот, наплакала-то! – улыбнулась она и повернулась к деду. – Глядишь все, гляди, чего уж, сколь годов с тобой в перегляд играем!

Дед Кроха улыбнулся беззубым ртом, подмигнул.

– Чего это ты мигаешь-то? Хватит, откобельничал, Коля, теперь лежи и о душе думай. Не беспокойся, всё как надо сделаю: и могилку, и поминанье, и бабка почитает.

– Хрена, – прохрипел дед. – Бабку читать не зови, а то я к тебе с того света явлюсь.

– Господи! – побледнела бабка. – На кой ляд ты мне являться станешь? Пронеси, Владыка милостивый, и не будут читать-то, как ты сказал!

– И похоронишь на сухом месте, где брат мой, Васька, поняла?

Бабка закивала:

– А где ещё, рядом с Васькой. Вам обоим лежать не скучно станет, потом и я приду. Мне-то, Коль... – Бабка обеспокоено заглянула деду в глаза. – Мне к вам можно, нет?

Дед важно кивнул. Бабка перевела дыхание, повеселела, приосанилась и улыбнулась.

– Коль, а не ты один-то до сладкого охоч был, слышь – нет? И я раз... – она молодо хихикнула. – Целовалась я, Коляшка! У свяжков гуляли, помнишь? Ну, когда председатели забрали с гулянки как «врага народа-то», не помнишь?

– Горелова... – с трудом прохрипел дед.

– Значит, стою на крыльце, а Федька Ерохин, бригадир наш, и пощелуйся! И вкусный мужик оказался, Коленька, у меня огнём всё пошло, потому, как... Коль, ты чего?

Один дедов глаз закатился вниз, другой – жутко и пронзительно уставился на бабку. Большие руки сгребли пододеяльник, перебирали его мелко-мелко, словно что-то искали и не находили, ползи всё выше, пока не остановились у самого горла. Грудь высоко вздёрнулась, сам он приподнялся на лопатках, опрокидывая голову назад, и осел разом. Стал вытягиваться, заирать небритый подбородок. Глаза закрылись, пальцы сжались в кулаки и тут же распустились.

– Коль! – шёпотом позвала бабка Кроха, привстав с табуретки и уронив сумку. – Ты чего, пошутила я, не было никакого Федьки-то! Это я от горькости, обида во мне скипелась, сколь годов в подушку плачу. Коль, не виновата перед тобой ни в чём, ей-богу, хошь на коленях побожусь? – закричала и кинулась в дверь палаты, ударились о неё сухим телом, выбежала в коридор и, продолжая кричать на одной надрывной ноте, кружилась во все стороны, хватая перепуганных врачей, больных и сестёр за руки. И была похожа на большую чёрную птицу.

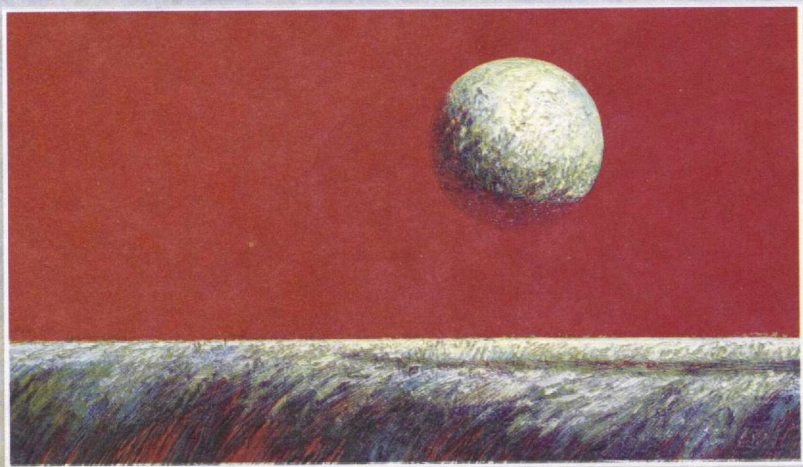
– Господи, люди добрые, с моей изменой умер! Наплала ему, Бог знает что, а он поверил, с тем и преставился. Как же я с ним да брательником Васькой рядом-то лягу они ж не пустят!

Ее успокаивали, отпаивали валерьянкой и бромом. Давно увезли деда Кроху, а она всё сидела и сидела на диванчике в коридоре, качала головой и молилась...

Ташкент – 1984 год.

Александр Тюрин. Брахистохрона

Александр Тюрин. Пейзаж №1

У880 11232

Александр Тюрин. Бездонная Вечность

Продолжается подписка на 2015 год
Наш индекс — 831.

В свободную продажу журнал
не поступает, распространяется по подписке.
В розницу журнал можно приобрести только в редакции.